

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

119

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

119

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1969

П 86

Краткие
сообщения

ев 887

I. СТАТЬИ И ДИСКУССИИ

Ю. А. КРАСНОВ

О НЕКОТОРЫХ СТОРОНАХ ВЗАИМООТНОШЕНИИ
БАЛТО-ФИННО-УГОРСКИХ ПЛЕМЕН
ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Многочисленные археологические и лингвистические данные показывают, что западная часть Волго-Окского междуречья в первой половине и середине I тысячелетия н. э. была территорией, где происходили тесные контакты проникавшего с запада восточнобалтского населения с местным финно-угорским. Благодаря этому многие западные элементы культуры проникли в финно-угорскую среду. По мнению П. Н. Третьякова, «область этнического приоритета» восточных балтов и их культуры доходила на востоке примерно до линии Ярославль — Плещеево озеро — Коломна¹. По В. В. Седову, балтский этнический элемент в западной части междуречья в конце концов одержал победу над финно-угорским². Им же отмечается значительный вклад балтской культуры в культуру среднеокского населения, оставившего известные рязано-окские могильники и одновременные им поселения³.

Можно предполагать, что инфильтрация населения с запада в это время должна была определенным образом сказаться и на хозяйстве Волго-Окского междуречья, в частности на земледелии и животноводстве, составлявших основу хозяйственной деятельности и наиболее полно отражавших элементы народного быта, определенные этнографические черты того или иного народа. При этом мы исходим из того положения, что традиции земледельческого и животноводческого хозяйства у балтов и восточных финно-угров складывались в различных районах, из разных источников и развивались в дальнейшем под различными влияниями. Это не могло не отразиться на приемах и способах ведения земледельческого и животноводческого хозяйства, применяемых в этих отраслях орудиях, составе стада домашних животных и т. п., что может быть прослежено и в археологическом материале⁴.

Высказанное предположение может быть проверено путем анализа археологических данных, прямо или косвенно отражающих своеобразие древнего земледелия и животноводства. Это — находки серпов, кос, ножей-косарей, а также остеологический материал, который можно учитывать с

¹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 286.

² В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Автореф. докт. дисс. М., 1966, стр. 10.

³ В. В. Седов. Рязано-окские могильники. СА, 1966, № 4.

⁴ Ю. А. Краснов. Земледелие и животноводство на территории лесной полосы Европейской части СССР во II тысячелетии до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1966.

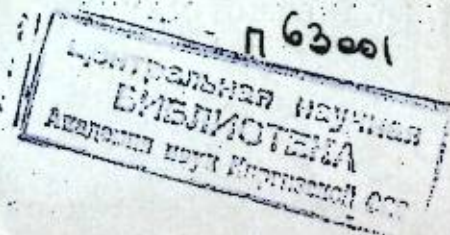
Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — доктор исторических наук Т. С. Пассек

Зам. ответственного редактора — доктор исторических наук П. А. Раппопорт

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарева,
А. Ф. Медведко, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Яковсон

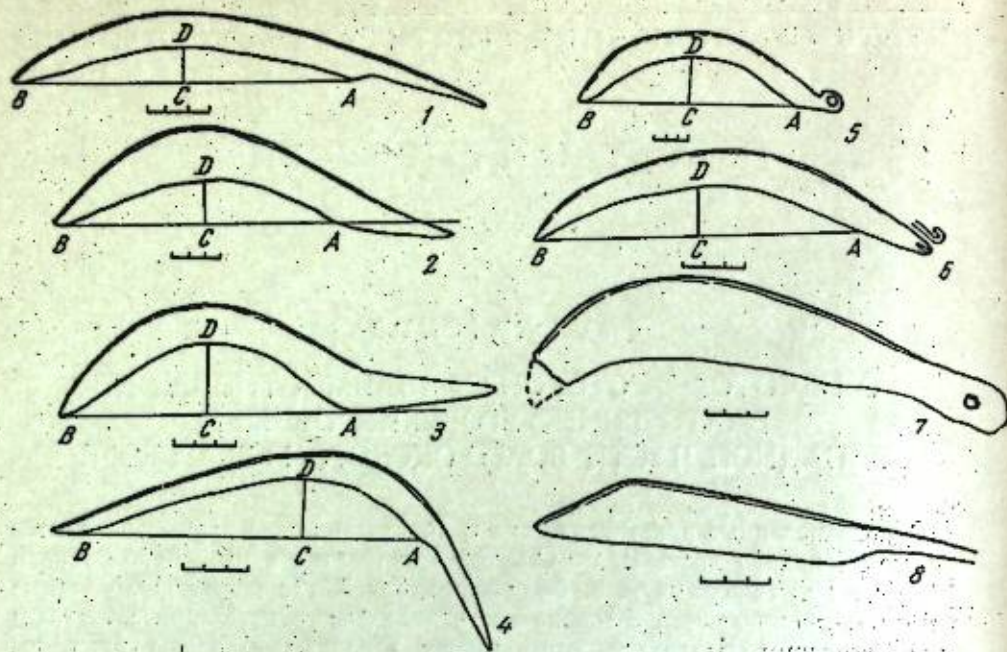

Рис. 1. Типы серпов и ножей-косарей из памятников западной части Волго-Окского междуречья первой половины и середины I тысячелетия н. э.

точки зрения количественного соотношения в нем остатков отдельных видов домашних животных и особенностей их породного состава. Таким образом, нашей задачей является выделение в археологическом материале определенных «сельскохозяйственных комплексов», которые в достаточной мере характерны для балтов, с одной стороны, и восточных финно-угров, с другой, и определение их взаимоотношения на памятниках рассматриваемой территории и времени.

В западной части междуречья на 15 памятниках первой половины и середины I тысячелетия н. э. найдены серпы — первые в этом районе специализированные орудия уборки урожая. Они принадлежат к нескольким типам⁵. В четырех пунктах (городища Троицкое, Щербинское, Михайловское и Троице-Пеленицкое) встречены черешковые симметричные серпы, ось черешка которых составляет прямое продолжение оси начальной части клинка (рис. 1, 1). В 10 пунктах встречены черешковые симметричные серпы с черешком, отогнутым под углом к линии основания орудия (линии АВ на рис. 1). Они разделяются на два подтипа по характеру отогнутости черешка (что сказывалось на удобстве пользования орудием и, следовательно, является важной характеристикой этой категории вещей): Серпы с черешком, отогнутым вниз от линии основания орудия (рис. 1, 2), встречены в трех пунктах (Бородинское, Троицкое, Щербинское городища). Наибольшее распространение имели серпы, у которых ось черешка либо лежит на продолжении оси основания орудия, либо отогнута от нее вверх (рис. 1, 3). Они встречены в 10 пунктах (городища Бородинское, Троицкое, Щербинское, Михайловское, Успенское, Старшее Каширское, Куцевское, Дьяково, Соколова гора, Пекуновское). Все эти серпы схожи по общему облику, механическим свойствам, способу скрепления с рукоятью и, безусловно, типологически связаны между собой, образуя переходные формы. Наиболее ранние из них относятся к началу I тысячелетия н. э.

⁵ Ю. А. Краснов. Из истории железных серпов в лесной полосе Европейской части СССР. КСИА, вып. 107, 1966.

Такие серпы встречаются только на территории юго-восточной Прибалтики, средней и северной частей Белоруссии, Смоленщины, в верховьях Десны и Оки, т. е. на тех территориях, которые в первой половине и середине I тысячелетия н. э. составляли основное ядро территории балтских племен (рис. 2, 4). В Волго-Окском междуречье они встречены в верхних слоях дьяковских и городецких городищ, характеризующихся господством гладкой лепкой керамики, и ни разу не были найдены в комплексах с текстильной керамикой. В это же время в западную часть междуречья и на Среднюю Оку проникают вещи, имеющие западные аналогии, а в местной керамике появляются отдельные западные черты. Все это дает основание связывать появление серпов рассмотренных типов здесь с западным влиянием, очевидно, с инфильтрацией балтского населения в районы междуречья.

В двух пунктах (городища Огубское и Троицкое) встречены черешковые асимметричные серпы, у которых вершина дуги лезвия смещена к началу клинка, что повышало рабочие качества орудия (рис. 1, 4). Эти серпы датируются временем около середины I тысячелетия н. э. Будучи близки к описанным выше серпам по способу скрепления с рукоятью, они резко отличаются от них по характеру изгиба лезвия и, следовательно, механическим свойствам, что является важнейшей характеристикой жатвенных орудий и заставляет рассматривать их как особый тип. Серпы с таким же изгибом лезвия и механическими свойствами, но с иным способом скрепления с рукоятью известны еще с I тысячелетия до н. э. в южной части Верхнего Поднепровья, в Прикарпатье, на юге Польши и в сопредельных районах. В начале I тысячелетия н. э. серпы с таким изгибом лезвия появляются в Подесенье, получая уже черешковое скрепление с рукоятью, а позднее распространяются далее на север — на Верхнюю Оку, Смоленщину и западную часть Волго-Окского междуречья. Появление этого типа серпов на интересующей нас территории следует связывать с каким-то непосредственным или опосредствованным юго-западным влиянием (рис. 3).

Все эти типы серпов ниже мы будем условно называть серпами западных типов.

Иными являются серпы, найденные в единичных экземплярах в более восточных памятниках рассматриваемой территории, — на городище Берез-

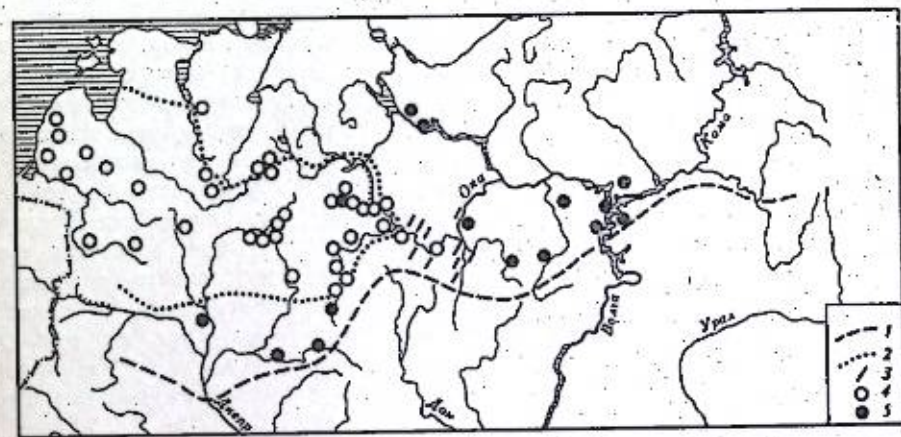

Рис. 2. Карта распространения железных серпов «западных» и «восточных» типов в лесной полосе Восточной Европы

1 — южная граница лесной зоны; 2 — ареал балтской гидронимии (по В. Буга и М. Фазмеру); 3 — отдельные балтские гидронимии в среднем течении Оки (по В. В. Седову); 4 — находки серпов типа рис. 1, 1-3; 5 — находки серпов типа рис. 1, 5-6 (находки в степи и лесостепи не указаны)

Рис. 3. Карта распространения железных серпов юго-западных типов в лесной полосе Восточной Европы

1 — серпы типа рис. 1, 4 без черешка; 2 — серпы типа рис. 1, 4

няки и Попадьянском селенье. Это — симметричные серпы без черешка, скреплявшиеся с рукоятью либо при помощи загнутого вбок крючка или шпенька на тыльной стороне, либо при помощи кольца или загнутой в форме кольца петли (рис. 1, 5—6). Железные серпы таких типов преемственно связаны по общему облику, механическим свойствам и способу крепления рукоятки с бронзовыми серпами, распространенными в степных и лесостепных районах Восточной Европы (преимущественно в восточных). Еще в I тысячелетии до н. э. они широко употреблялись в степях и лесостепях, а местами — на южных окраинах зоны лесов, причем на всех этих территориях доживают вплоть до конца I тысячелетия н. э. Около середины I тысячелетия н. э. такие серпы появляются на землях поволжских финно-угров, где, кроме Ярославского Поволжья, найдены на ряде памятников середины и второй половины I тысячелетия н. э. Чувашской, Мордовской и Татарской АССР. Модели таких серпов известны из Гладеновского кострища, имеющего весьма поздние отложения (рис. 2, 5). Очевидно, что на финно-угорские земли такие серпы попали с юга, из степи и лесостепи, около середины I тысячелетия н. э. На основной балтской территории таких серпов нет.

Если серпы западных типов имеется достаточно оснований считать составной частью «балтского сельскохозяйственного комплекса», то серпы типов, найденных в Березняках и Попадьяне, следует для интересующей нас территории считать составной частью «восточно-финно-угорского сельскохозяйственного комплекса»⁶. На землях восточных финно-угров такие серпы также следует считать первыми специализированными уборочными орудиями⁷. Картографирование находок серпов в западной части Волго-Окского междуречья показывает, что серпы западных типов встречаются лишь в пределах распространения балтской гидронимии, а серпы типа березняковских и попадьянских — вне ее, если не считать единственную находку серпа с крючком на Троицком городище, где этот серп найден наряду с десятками серпов западных типов (рис. 4; рис. 5). На территории восточных финно-угров серпы появляются не только позднее, чем в более западных районах (включая и западную часть Вол-

⁶ Земледелие у западных финно-угров развивалось иным путем, чем у восточных. Жатвенные орудия — там иные.

⁷ Бронзовые серпы в лесной части Среднего Поволжья употреблялись племенами срубной культуры, а не местными финно-угорскими племенами. Серп из Тураевского могильника III в. н. э. — не финно-угорский, а серп из Уфимского городища типологически намного позднее времени существования ананьинской культуры (Ю. А. Краинов). Из истории железных серпов в лесной полосе Европейской части СССР).

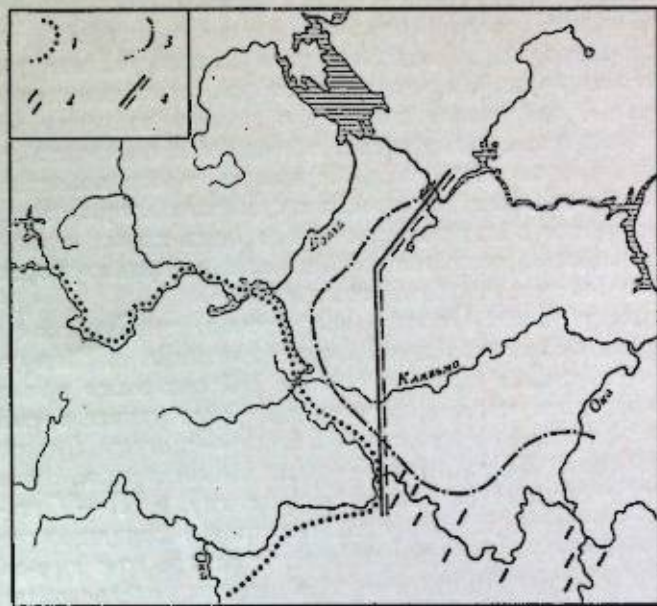

Рис. 4. Волго-Окское междуречье в первой половине и середине I тысячелетия н. э.

1 — ареал балтской гидронимии (по В. Буга, М. Фасмеру, В. В. Седову); 2 — отдельные балтские гидронимии в среднем течении Оки (по В. В. Седову); 3 — распространение черной лощеной керамики и украшений, имеющих западные аналоги (по В. В. Седову); 4 — восточная граница области этнографического приоритета восточных балтов и их культуры (по П. Н. Третьякову)

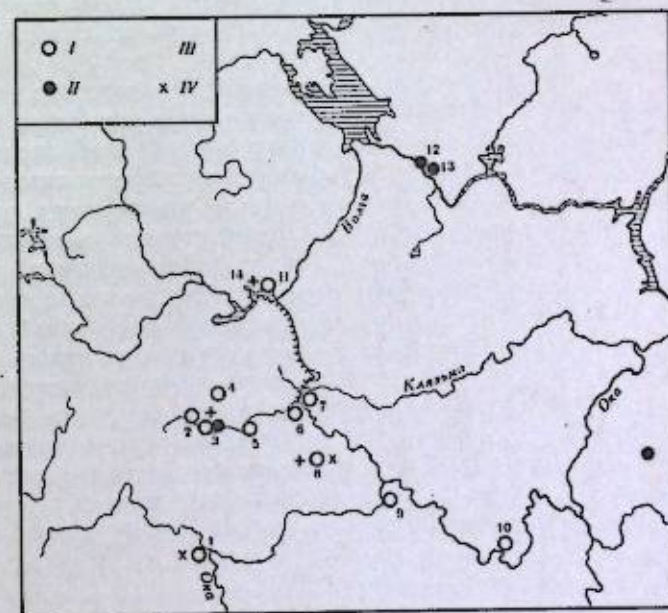

Рис. 5. Карта находок сельскохозяйственных орудий первой половины и середины I тысячелетия н. э. в Волго-Окском междуречье

I — серпы типа рис. 1, 1—4; II — серпы типа рис. 1, 5—6; III — ножи-косари типа рис. 1, 7—8; IV — косы

го-Окского междуречья), но и найдены в значительно меньшем количестве, что нельзя объяснить только различной степенью изученности археологических памятников этих районов. Наличие или отсутствие специализированных уборочных орудий, в частности серпов, их количество в археологическом материале, безусловно, говорит о роли и значении земледелия в том или ином обществе. Нами в свое время была высказана и обоснована гипотеза о том, что массовое распространение серпов является археологическим признаком наличия земледелия с применением упряжных пахотных орудий⁸. Отмеченное обстоятельство — еще один штрих к характеристике «сельскохозяйственных комплексов» балтских и финно-угорских племен первой половины и середины I тысячелетия н. э.

В двух пунктах Волго-Окского междуречья, на Огубском и Щербинском городищах, в слоях середины I тысячелетия н. э. обнаружены косы. Находок таких орудий в более восточных районах этого времени нет, западнее и юго-западнее они встречаются и в более раннее время: в Западной и Средней Европе — в латене, в Польше — в конце I тысячелетия до н. э., в Юго-Восточной Прибалтике — в первые века н. э., примерно в это же время — в Белоруссии (городище Новоселки), в III—V вв. — на Верхней Оке (Свиныховское городище). Вероятно, в западную часть Волго-Окского междуречья они проникли также с запада или юго-запада, и их наличие здесь следует связывать с балтским «сельскохозяйственным комплексом».

Своеобразны найденные на Тронцком, Щербинском и Санниковском городищах крупные ножи специфических форм, которые на основании этнографического материала следует считать ножами-косарями, применявшимися при подсежном земледелии и заготовках веточного корма (рис. 1, 7—8). В конце I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. такие орудия распространились в западной части лесной полосы, преимущественно в балтских землях (рис. 6). Очевидно, их также следует относить к балтскому «сельскохозяйственному комплексу», а отсутствие их, как и кос, на финно-угорских землях рассматриваемого времени следует относить к негативным чертам восточно-финно-угорского «сельскохозяйственного комплекса».

Обратимся к остеологическому материалу. Как известно, количественные соотношения между остатками отдельных видов домашних животных в остеологическом материале дает представление об особенностях состава стада домашних животных, т. е. о весьма важной стороне животноводческого хозяйства. Уже давно отмечено, что такое соотношение часто весьма существенно различается не только в одновременных памятниках различных естественно-географических зон, но и расположенных в пределах одной и той же зоны, в одинаковых природных условиях. Нами были выделены такие различия в составе костных остатков домашних животных на больших группах памятников эпохи раннего железа в лесной полосе Восточной Европы и было отмечено, что границы распространения этих групп памятников с определенными особенностями состава стада весьма точно совпадают с этническими границами, установленными по другим данным⁹. Это дает основание рассматривать указанные особенности как отражение в археологическом материале определенных исторически сложившихся традиций животноводческого хозяйства у отдельных этнических групп.

⁸ Ю. А. Краснов. Из истории железных серпов в лесной полосе европейской части СССР, стр. 25, 26; о и же. О распространении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы. СА, 1968, № 2.

⁹ Ю. А. Краснов. Локальные особенности животноводства в лесной полосе Восточной Европы в эпоху раннего железа. КСИА, вып. 112, 1967.

Рис. 6. Карта распространения ножей-косарей в лесной полосе Восточной Европы

1 — ареал балтской гидрографии (по В. Буга и М. Фасмеру); 2 — находки ножей-косарей типа рис. 1, 7—8

традиций, закрепленных производственной деятельностью и опытом многих поколений данного народа и ставших по существу этническими. В частности, выделены типы состава остеологического материала памятников балтской и восточно-финно-угорской территории. Для первых характерно преобладание среди костных остатков домашних животных (по особям) остатков свиньи и крупного рогатого скота, за которыми следуют остатки мелкого рогатого скота и лошади. Состав костных остатков важнейших сельскохозяйственных животных практически на всех памятниках Юго-Восточной Прибалтики, Средней и Северной Белоруссии и Смоленщины, т. е. основной балтской территории, можно выразить буквенной формулой или индексом CABD и CADB, где А — количество костных остатков крупного рогатого скота, В — мелкого, С — свиньи, D — лошади, а место той или иной буквы означает место, занимаемое в общей сумме костных остатков домашних животных. Состав костных остатков важнейших сельскохозяйственных животных на памятниках восточных финно-угорских племен отличается прежде всего более высоким процентом остатков лошади, всегда занимающих первое или второе место, и меньшим — мелкого рогатого скота, всегда занимающего последнее место, а часто — и крупного рогатого скота. На памятниках этой обширной территории наблюдается два типа состава остеологического материала. На большинстве памятников его можно выразить индексом CDAB. В некоторых районах Верхнего Прикамья и Верхнего Поволжья, где, вероятно, были малоблагоприятные условия для разведения свиней, остатков последних встречается немного, и буквенный индекс состава остеологического материала с этих памятников приобретает вид DACB или ADCB. Различия между остеологическим материалом памятников эпохи раннего железа на балтской и восточно-финно-угорской территории представляются, таким образом, весьма четкими (см. табл. 1).

Географическое распространение археологических памятников с различными типами состава остеологического материала дано на рис. 7. Следует отметить, что подобные же различия в остеологическом материале для балтской и восточно-финно-угорской территории прослеживается и для более раннего (правда, на весьма ограниченном материале), и для более позднего времени. Все это дает основание считать определенный состав остеологических остатков важнейших сельскохозяйственных животных существенной составной частью балтского и восточно-финно-угорского сельскохозяйственных комплексов¹⁰.

¹⁰ Как и земледелие, животноводство у западных финно-угров развивалось под иным влиянием и по иному пути, чем у восточных. Состав остеологического материала их памятников также своеобразен.

Таблица 1

Состав костных остатков важнейших сельскохозяйственных животных на памятниках эпохи раннего железа балтийских и восточных финно-угорских племен

Территория	Число памятников	Средний % остатков				Буквенный индекс
		Крупного рогатого скота	Мелкого рогатого скота	Свинья	Лошадь	
Латвия, Литва, Северная и Средняя Белоруссия, верховья Десны, запад Волго-Окского междуречья (балты)	29	27,2	17,6	38,2	17	CABD
Верхнее и Среднее лесное Поволжье, Прикамье, Повятлужье, восточная и центральная часть Волго-Окского междуречья (восточные финно-угры)	32	22	9,7	36,7	31,6	CDAB

Для западной части Волго-Окского междуречья интересующего нас времени имеются данные о составе остеологического материала 16 памятников. Из них лишь четыре имеют состав остеологических остатков, типичный для балтской территории, остальные же — характерный для более восточных финно-угорских земель (см. табл. 2 и рис. 8).

При этом в Троицком, Мамоновом, Огубском городищах и городище Дятлова поляна остатков мелкого рогатого скота меньше, а лошади — больше, чем в более западных районах основной балтской территории. Может быть, в этом следует видеть какое-то влияние финно-угорских традиций в животноводстве. Отметим еще одно обстоятельство. На памятниках Волго-Окского междуречья, за исключением некоторых памятников Верхнего Поволжья, крупный рогатый скот, судя по исследованиям В. И. Цалкина, был в рассматриваемое время крупным и относительно длиннорогим, приближаясь по типу к *Bos taurus primigenius*, а домашняя свинья отличалась крупными размерами¹¹. В более западных районах, на основной балтской территории в Прибалтике, Белоруссии, на Смоленщине, крупный рогатый скот значительно отличался от волго-окского, ярко выражая особенности типа *Bos taurus brachyceros*, а свинья отличалась небольшими размерами, была близка к типу западноевропейских торфяниковых свиной¹². Правда, последнее заключение сделано на пока еще ограниченном остеологическом материале, однако оставлять его без внимания не следует.

Итак, на территории западной части Волго-Окского междуречья в рассматриваемое нами время наблюдается распространение элементов как балтского, так и финно-угорского «сельскохозяйственных комплексов», что и естественно для контактной зоны финно-угорских и балтских племен (рис. 9). При этом сочетание всех черт только балтского «сельскохозяйственного комплекса» наблюдается лишь в крайне западных частях междуречья. Памятники большей части московского бассейна, верховьев Волги и Средней Оки дают сочетание элементов балтского и восточно-финно-угор-

¹¹ В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. МИА, № 107, 1962.

¹² В. I. Громау. Аб фауне гарадзшч БССР и Смоленской губ. — Працы археалагичнай камісый АН БССР, II, 1930; L. Sagan. Materialy osteologiczne z pilkalin Zmudzkiej. «Wjadmoski archeologiczne», XIV, 1936; И. Г. Прошина, В. Е. Гарутт. Остатки животных из поселений III в. до н. э. — V в. н. э. на территории Минской обл. БССР. «Материалы по археологии БССР», I, 1957; В. И. Цалкин. Фауна из раскопок археологических памятников средневековой Прибалтики. МИА, № 107, 1962.

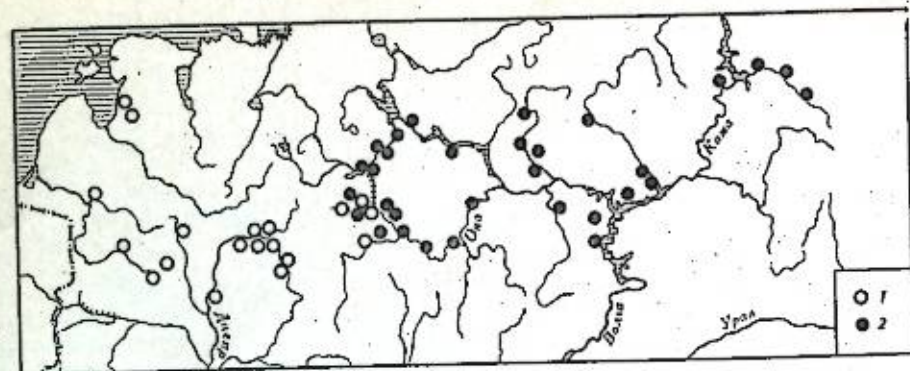

Рис. 7. Карта памятников эпохи раннего железа в лесной полосе Восточной Европы с различиями в остеологическом материале

1 — памятники с составом остеологического материала, характерным для балтской территории эпохи раннего железа (CABD, CADB); 2 — памятники с составом остеологического материала, характерным для восточной финно-угорской территории эпохи раннего железа (CDAB, DACB, ADOB)

ского «сельскохозяйственных комплексов», причем в земледелии прослеживаются балтские черты, а в животноводстве — финно-угорские. Район Ярославского Поволжья дает лишь типичный финно-угорский «сельскохозяйственный комплекс». Таким образом, район, где констатируются западные, балтские черты как в земледелии, так и в животноводстве, оказывается в Волго-Окском междуречье значительно уже распространения балтской гидронимии и той территории, на которой встречаются украшения и другие предметы материальной культуры, имеющие западные аналогии (ср. рис. 6—9). В этой связи представляется, что нет оснований говорить о коренной смене в рассматриваемый период финно-угорского населения балтским в западной части Волго-Окского междуречья, кроме, может быть, самых западных его частей. Очевидно, население западной части междуре-

Таблица 2

Состав костных остатков важнейших сельскохозяйственных животных на памятниках западной части Волго-Окского междуречья

Памятники	Количество особей, в %				Буквенный индекс
	крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свинья	лошадь	
Троицкое городище	21,8	11,3	48,4	18,5	CADB
Мамоново городище	29,4	13,2	37,5	19,9	CADB
Огубское городище	24,7	16	40,8	18,5	CADB
Городище Дятлова поляна	28,6	14,3	42,8	14,3	CDAB
Попадьинское селение	19	8	43,8	29,2	CDAB
Барвихинское городище	23,1	7,7	42,3	26,9	CDAB
Городище Соколова гора	27,8	16,6	27,8	27,8	CDAB
Щербинское городище	18	11	45	21	CDAB
Городище Круглица	9,8	8,8	65,7	15,7	CDAB
Ст. Каширское городище (количество костей)	26,4	9	25,7	38,9	DCAB
Пекуновское городище	28	12,8	30,3	34,9	DCAB
Городище Городище	28,6	10,7	25	35,7	DACB
Городище у Грекова ручья	46,2	7,7	7,7	38,4	ADCB
Городище Городок	3,5	—	25	3,5	DAC
Михайловское городище	38	7,5	21,5	33,5	ADCB
Троице-Пеленицкое городище (количество костей)	×	×	×××	××	CDAB

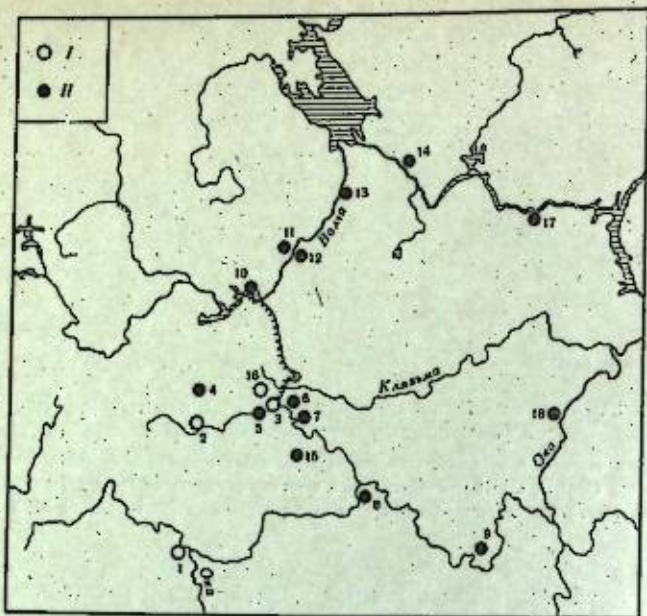

Рис. 8. Карта археологических памятников первой половины и середины I тысячелетия н. э. в Волго-Окском междуречье с различным составом остеологического материала

1 — памятники с составом остеологического материала, характерным для балтской территории; 2 — памятники с составом остеологического материала, характерным для территории восточных финно-угров

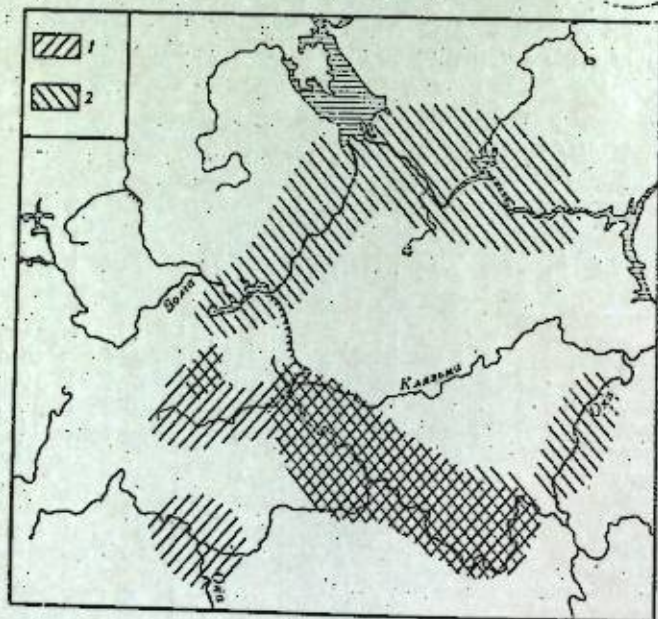

Рис. 9. «Сельскохозяйственные комплексы» на территории Волго-Окского междуречья первой половины и середины I тысячелетия н. э.

1 — балтский «сельскохозяйственный комплекс»; 2 — восточно-финно-угорский «сельскохозяйственный комплекс»

чья характеризовалось в это время этнической смешанностью. Возможно и чересполосное расселение балтов и финно-угров, этому ни в коей мере не противоречат и этнографические данные:

Представляется вероятным также, что балтские племена в рассматриваемый период имели более развитое, чем у финно-угров, земледелие и последние в ходе тесных контактов с балтами многое позаимствовали у них в технике и приемах ведения земледельческого хозяйства. Вероятно, что финно-угры западной части междуречья именно от балтов заимствовали в это время технику обработки земли при помощи упряжных пахотных орудий. Однако это влияние в области земледелия распространилось только на те земли, где пришлое восточнобалтское население жило в непосредственном контакте, может быть чересполосно, с финно-уграми: восточнее границы распространения балтской гидронимии сельскохозяйственные орудия западных типов в рассматриваемое время не встречаются. Там земледелие продолжало развиваться по иному пути, испытывая иные влияния, и земледельческие орудия принадлежат к иным типам. В то же время вероятно, что восточные финно-угорские племена и до тесных контактов с балтами обладали достаточно развитым животноводством, не уступавшим по уровню развития и приспособленности к местным условиям балтскому. Поэтому последнее не оказало существенного влияния на животноводство большей части Волго-Окского междуречья, где вплоть до расселения славянских племен продолжали сохраняться древние финно-угорские традиции, восходящие еще ко II тысячелетию до н. э.

Изложенный материал конкретизирует наши представления о взаимоотношениях балтов и финно-угров в Волго-Окском междуречье и о результатах их контактов в основной сфере хозяйственной деятельности — земледелии и животноводстве. С другой стороны, этот материал свидетельствует о правильности позиции тех представителей агроэтнографии, которые считают возможным выделять в особенностях сельскохозяйственного производства отдельных племен и народов этнические черты¹³. При определенных условиях такие комплексы признаков, характеризующих земледелие и животноводство, присущие только тем или иным этническим группам, могут быть выделены и в археологическом материале и использованы для освещения вопросов этнической истории.

¹³ Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов. Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии, СЭ, 1967, № 3.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

О ПОСЕЛЕНИЯХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
В БАСЕЙНЕ ДЕСНЫ И ВЕРХНЕЙ ОКИ

(К вопросу о балто-иранском контакте)

В последние годы этническая карта Восточной Европы эпохи раннего железа все более уточняется. Необъяснимые ранее, например, балто-иранские лексические соответствия теперь благодаря совместным усилиям лингвистов и археологов стали понятны в связи с выводом о непосредственном соседстве иранцев с племенами балтской языковой группы¹. Особенно длительным и тесным этот контакт был, как известно, в Посеймье². Однако более четкое определение северной границы иранского элемента все еще является задачей дальнейшего исследования как лингвистов, так и археологов. «К сожалению, именно северная граница в силу ее наибольшей удаленности от культурных центров наименее известна. Количество фактов, помогающих определить эту границу, столь невелико, а этнический облик этих территорий был подвержен стольким изменениям, что многое для нас утеряно безвозвратно.

Поэтому наличие каждого достоверного, точно локализованного топонимического иранизма представляет собой свидетельство большой важности, тогда как отсутствие иранских элементов на данной территории вовсе не означает, что здесь не жили иранцы»³.

Еще М. Фасмер, занимающийся изучением северной границы иранцев в Южной России, пришел к выводу, что проходила она, по-видимому, к северу от Орловской губернии, в Калужской и Тульской губерниях, поскольку там «местные названия иранского происхождения... не встречаются»⁴.

В настоящее время крайней северной территорией, где удалось проследить иранские гидронимы и вместе с тем балто-иранские языковые контакты, является бассейн Десны и Сейма.

Подобные же контакты на археологическом материале были убедительно продемонстрированы В. В. Седовым: южными соседями балтоязычных племен — носителей юхновской культуры — были ираноязычные лесостепные скифские племена, оставившие многочисленные поселения зольничной культуры (VII—II вв. до н. э.)⁵.

¹ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 230, 231; В. В. Седов. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье. СА, 1965, № 4, стр. 52; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 186.

² В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 232.

³ Там же, стр. 230.

⁴ M. Vasmer. Die Iranier in Südrußland. Leipzig, 1923, стр. 78.

⁵ В. В. Седов. Указ. соч., стр. 55.

В результате многолетних исследований археологических памятников в бассейне Верхней Оки автору настоящей статьи удалось заключить, что большая часть поселений эпохи «раннего железа» была оставлена балтоязычными племенами, близкими носителям юхновской культуры⁶. Вместе с тем нами были обнаружены отдельные поселения, как правило, многослойные; нижний слой их по характеру найденного инвентаря можно отнести к культуре зольников.

Для подтверждения наших выводов проанализируем результаты раскопок некоторых памятников, расположенных на р. Сейм, т. е. в пограничье балтов и иранцев, а затем сравним эти материалы с верхнеокскими.

В 1953 г. Курским краеведческим музеем совместно с Институтом археологии АН СССР под руководством автора статьи проводились раскопки Щуклинского городища (р. Тускарь, приток р. Сейм), Лысой горы и разведки на городище Кудеярова гора (р. Сейм).

На всех трех городищах нижний культурный слой, содержащий большую примесь зола, был насыщен культурными остатками, относящимися к культуре типа поздних зольников: это фрагменты керамики, орнаментированной проколами или «жемчужинками», разнообразные глиняные грузики и блоки, обломки «рогатых кирпичей», лощеные мисочки с загнутым внутрь краем, мелкие сосудики и т. д.

Так как результаты раскопок Щуклинского городища⁷ и исследовавшегося А. Е. Аликовой городища Кудеярова гора⁸ опубликованы, остановимся на краткой характеристике материалов, полученных при раскопках Лысогорского городища.

Городище Лысая гора расположено на правом берегу р. Сейм, на мысу между двумя глубокими оврагами, заросшими лесом, в 2 км восточнее дер. Погореловки (Льговский р-он). Длина площадки — 100 м, ширина — 60 м, высота над урвнем реки — 70 м. Площадка хорошо сохранилась, если не считать нескольких ям в насыпи вала и на южном краю городища.

В раскопе площадью 200 кв. м, заложенном в северной части площадки городища, у вала, было найдено довольно много предметов быта, украшений, орудий сельского хозяйства и промыслов, фрагментов керамики и костей животных, относящихся к двум эпохам — VI—II вв. до н. э. и VIII—X вв. н. э.⁹ Преобладают вещи древнейшего периода.

Наиболее массовым материалом, как обычно, является керамика (рис. 10). Ее по назначению можно разделить на три группы: посуда кухонная, столовая и для хранения продуктов. К первой группе относятся довольно крупные или средние по размеру горшки со стенками, резко профилированными, изготовленные из глины с примесью шамота. Как правило, горшки не имеют выступающего поддона — линии стенки и дна составляют прямой угол, диаметр горла — больше диаметра дна. Большинство сосудов орнаментировано по краю венчика пальцевыми вдавлениями или насечками, а ниже венчика — «жемчужинами» или сквозными отверстиями (рис. 10, 6, 7). Изредка встречаются обломки сосудов, орнаментированных

⁶ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959.

⁷ Т. Н. Никольская. Щуклинское городище. КСИМК, вып. LXXXII, 1958.

⁸ А. Е. Аликова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, № 113, 1962, стр. 117.

⁹ Ю. А. Липкин ошибочно называет Лысогорское городище однослойным памятником юхновского типа (см. Ю. А. Липкин. Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье. МИА, № 113, 1962, стр. 137). К верхнему культурному слою городища, помимо лепной (романского типа) и раннегончарной керамики, относятся железные предметы: небольшой сошник, тесло, удила с псаллями и наконечник двуплечного втульчатого копыя. Интерес представляют также два небольших глиняных диска, возможно, имевшие какое-то культовое назначение: на одном из них отверстие в середине и неглубокие ямки по периметру.

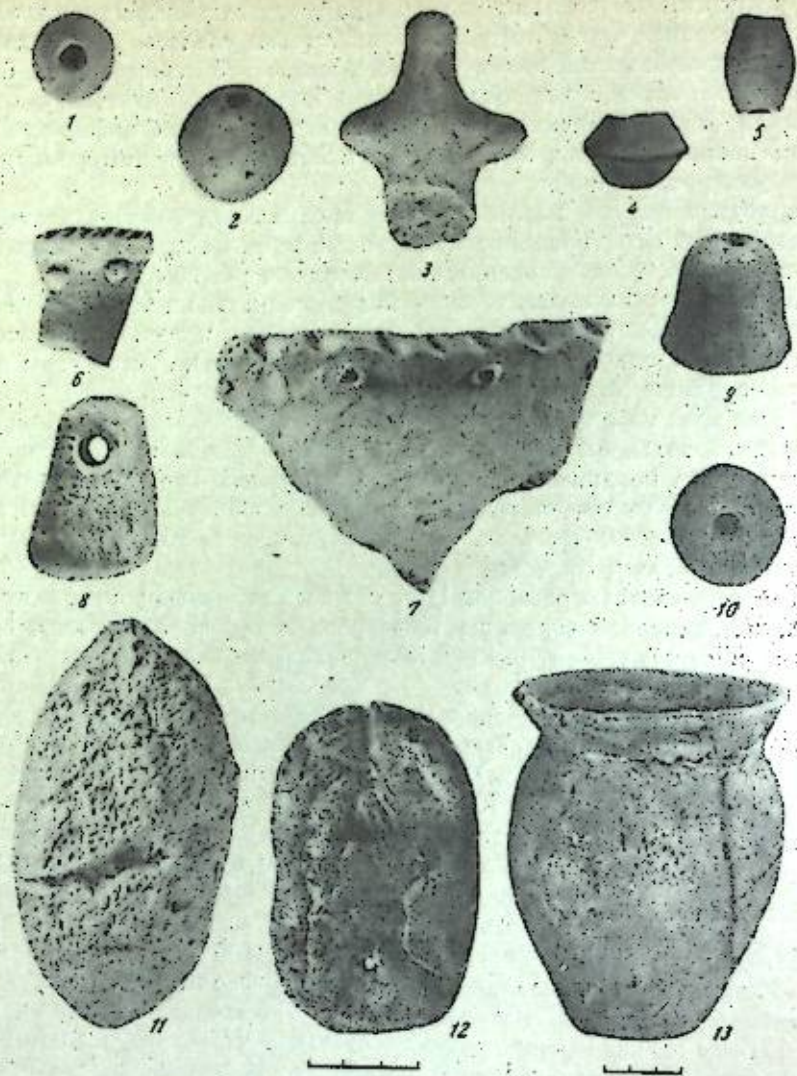

Рис. 10. Находки из раскопок городища Лыса гора
1, 2, 4, 5, 8—10 — глиняные грузики; 3 — глиняная фигурка; 6, 7 — фрагменты керамики зольничного типа; 11 — глиняное ядро; 12 — литейная форма; 13 — глиняный сосуд

ямочными вдавлениями, нанесенными щепочкой, что обычно характерно для керамики юхновского типа.

Разновидностью горшков этой группы являются сосуды, не имеющие шейки, с отогнутым почти под тупым углом венчиком (рис. 10, 13).

Сосуды этой группы можно сравнить с сосудами некоторых позднескифских памятников в бассейне Северного Донца (тип первый)¹⁰ или поздnezольничной культуры в днепровском левобережье¹¹. Аналогичная посуда найдена и на других городищах р. Сейм скифского времени¹² (Ширяевское).

¹⁰ П. Д. Либеров. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА, № 113, 1962, стр. 49.

¹¹ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 39.

¹² В. А. Іллінська. Городище скифського часу на р. Сеймі. «Археологія», т. VIII, 1953, стр. 116, табл. II.

Во вторую группу посуды (столовую) входят миски и чаши. Миски лощеные или со слегка подлощенной поверхностью, с загнутым внутрь краем и резко профилированной нижней частью сосуда (с закраинкой у донца).

Другой многочисленной категорией предметов, занимающих второе место после обломков керамики, являются разнообразные глиняные блоки или грузики конической шаровидной, эллипсоидной, усеченно-конической, цилиндрической и других форм (рис. 10, 1, 2, 4, 5, 8—10). Найдены на городище и большие округлые блоки с глубокими несквозными ямками на поверхности, характерные для городищ юхновского типа. Однако самыми многочисленными среди этих глиняных поделок являются грубо вылепленные с шероховатой поверхностью глиняные ядра эллипсоидной формы, без отверстий, служившие, очевидно, для метания из пращи (рис. 10, 11). Они составляют 50% от общего количества найденных предметов и 75% среди всех глиняных «грузиков».

Как в скифских памятниках, так и на городищах юхновского типа часто встречаются обломки «рогатых кирпичей» и большое количество кусков глиняной обмазки со следами прутьев, очевидно, остатки разрушенных построек. Значительный интерес представляют и находки керамических литейных формочек; среди них наиболее выразительна прямоугольная форма для отливки треугольной подвески с продолговатым ушком (рис. 10, 12). Большая часть литейных форм изготовлена из мягкого известняка. Находки металлических предметов пока немногочисленны: из бронзы — два круглопроволочных браслета с заходящими концами; из железа — слабо изогнутый серп, напоминающий по форме серп из городища Кузина гора¹³, обломки ножей и других предметов.

Поскольку датирующих вещей не найдено, то определить время существования поселения можно по аналогии с другими памятниками поздnezольничной культуры; по-видимому, это V—III вв. до н. э.¹⁴ Этот древний поселок принадлежал, очевидно, одной из первобытных общин, входивших в скифскую (ираноязычную) семью народов.

Родственные по культуре племена жили и несколько севернее, в самом верховье р. Оки и на ее притоках. На одних исследованных нами памятниках ими оставлен нижний горизонт культурного слоя (Лужки, Воротынцево), на других — только фрагменты керамики, отдельные предметы, относящиеся к культуре типа поздних зольников (Вороново, Зайцево, Синюково, Лебедка).

Наиболее интересным из этого круга памятников является городище у дер. Пашково (Лужки), носящее у местного населения название «Кураб-городище» (Кромской р-он Орловской обл.).

Городище расположено на мысу высокого правого берега р. Оки, в 1 км южнее дер. Пашково (Кривчиковского с/с). Площадка городища — почти овальной формы, вытянута с севера на юг, длина — 95 м, ширина — 50 м. С северной стороны площадка ограничена от плато невысоким валом; северо-западный и западный склоны городища, обращенные к реке, были очень круты и обрывисты. Высота площадки над уровнем р. Оки — 12 м. Восточный и юго-восточный склоны полого спускаются в ложину, по дну которой раньше протекал ручей, южная (мысовая) часть городища — также отлогая, снижается к реке, образуя небольшую террасу. Поверхность городища хорошо сохранилась и покрыта почвенным слоем. В результате раскопок, проводившихся на Кураб-городище в 1958—1959 гг., была исследована вся северо-западная и западная часть площадки (около 1500 кв. м). Собрано большое количество предметов быта, домашних промыслов, ремесел, относящихся к двум разновременным эпохам: VI—I вв. до н. э. и IX—

¹³ А. Е. Алихова. Указ. соч., стр. 99, рис. 5, 12.

¹⁴ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 39.

Рис. 11. Находки из раскопок городища Лужки

1, 3-9, 11 — глиняные игрушки; 10 — лощеный сосуд; 12 — 13 — глиняные блоки

XIII вв. н. э. Кратковременное поселение существовало здесь, вероятно, и в середине I тысячелетия н. э.

В настоящей статье основное внимание будет уделено древнейшему периоду жизни на поселении, т. е. нижнему культурному слою.

В результате исследования вала городища удалось установить, что древнейшее поселение было неукрепленным: насыпь вала, состоявшая из культурного слоя и частично из обожженной глины и известняка, была сооружена на древнем культурном слое. Под насыпью обнаружены остатки наземной постройки с очагом и много грубой лепной керамики с проколами

Рис. 12. Находки из раскопок городища Лужки

1, 5 — литейные формы; 2, 4 — подвески; 3 — бронзовый елохокольчик; 6 — украшение; 9, 11 — наконечники стрел; 10, 13 — гарпуны; 7 — браслет; 8 — дьячка; 14-16 — глиняные миниатюрные сосуды (1, 5 — камень; 2-4, 6, 7 — бронза; 8, 12, 14-16 — глина; 9-11 — кость; 13 — железо)

позднезольничного типа. Обломки подобных же сосудов, а также фрагменты лепной керамики IX—X вв. н. э. встречались и в самой насыпи вала.

Культурный слой, принадлежавший поселению древнейшей поры, был серым и представлял собой почти сплошной слой золы. Он появился на глубине 50—60 см и имел толщину до 125 см. Местами в слое обнаружены прослойки обожженной глиняной обмазки со следами прутьев, подобно тому как это было обнаружено под насыпью вала. Скопления глиняной обмазки являются остатками жилищ, характерных для поселений поздне-

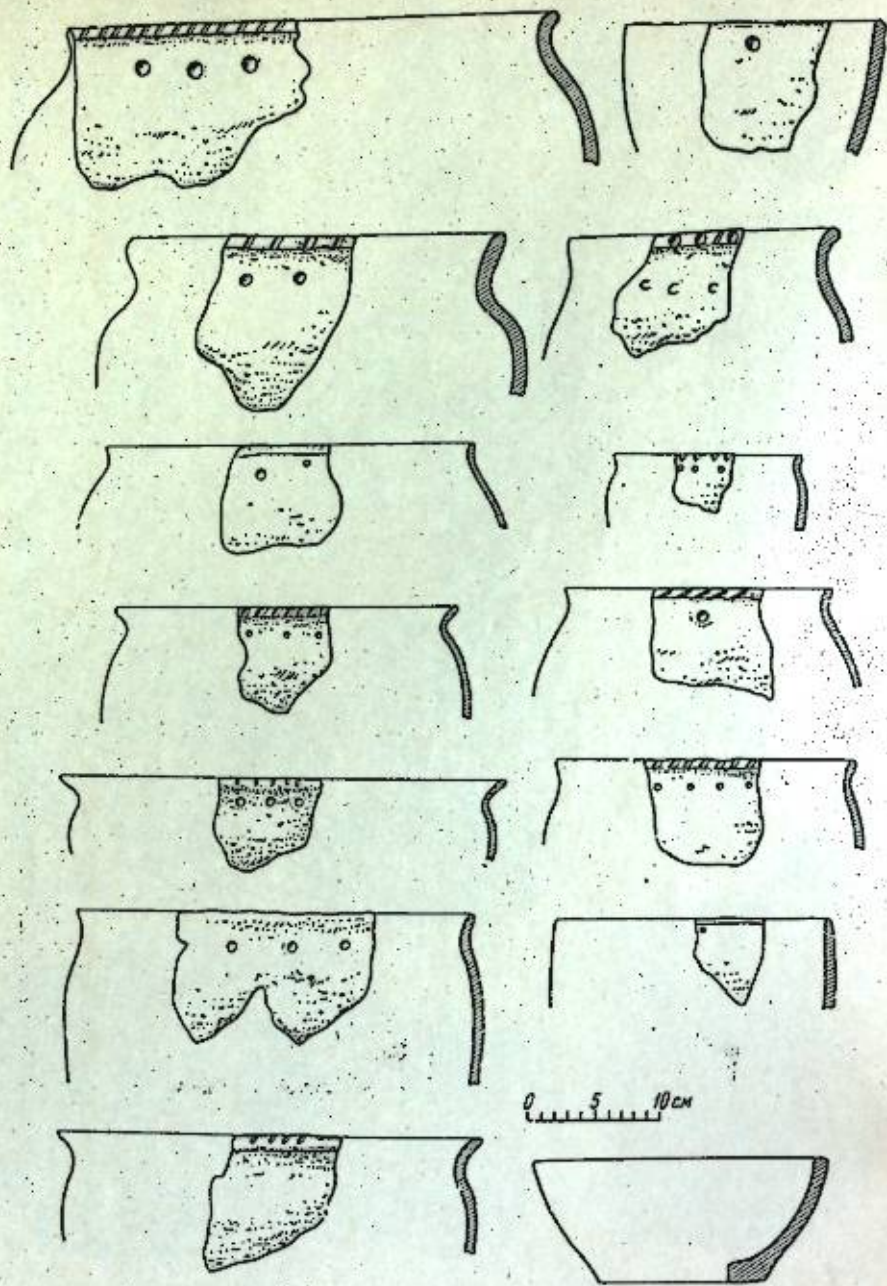

Рис. 13. Лепные (зольничного типа) и лощеные сосуды из раскопок городищ Воротынцево и Лужки

зольничной культуры¹⁵ лесостепи. Кроме глиняной обмазки, которая иногда как бы очерчивает контуры домов, на городище Лужки обнаружены остатки древесного тлена и сгоревших бревен, ямы от столбов, очажные ямы или развалы обгоревших камней очагов. Жилища, по-видимому, представляли собой длинные наземные постройки столбовой конструкции, ориентированные с северо-востока на юго-запад (параллельно склону). На площади предполагаемых жилищ найдено довольно много предметов домашнего обихода и промыслов: разнообразные глиняные грузики и блоки — цилиндрические, шарообразные, биконические, дисковидные, катушкообразные большие «грузила» с несквозными отверстиями (рис. 11, 12, 13), известные по материалам Лысогорского городища и памятникам зольничной, юхновской культур¹⁶, женские фигурки (?), известные в памятниках милоградской культуры¹⁷.

Так же как и на городище Лысая гора, глиняные грузики и обломки являются самой многочисленной категорией находок после керамики. Такое обилие этих, не всегда ясных по назначению предметов можно наблюдать только в памятниках милоградской культуры¹⁸. Из общего количества 265 предметов (в раскопах 1958 г.) глиняные грузики составляют почти 50% — 126 экз.; в раскопах 1959 г. их собрано около 70% от общего количества находок. Встречаются и орнаментированные грузики (рис. 11, 4, 11). Несомненно, значительная часть крупных грузил была рыболовной: находки костей рыб и рыбьей чешуи занимают большое место среди костных остатков на городище. Упомянем железный гарпун (рис. 12, 13) и большой рыболовный крючок, служившие для добычи крупных пород рыбы (рис. 12, 10). Обнаружены и маленькие костяные гарпунчики, по-видимому, применявшиеся для охоты и на водоплавающих птиц (найдена глиняная фигурка такой водоплавающей птицы). Среди прочего бытового инвентаря на глинобитных площадках построек встречаются костяные острия — иглы, шпилья, наконечники стрел, которые датируются IV—III вв. до н. э.¹⁹ (рис. 12, 9, 11), а также глиняные пуговицы с двумя маленькими отверстиями и следами нитей (рис. 12, 12).

Почти все найденные в нижнем слое городища фрагменты керамики принадлежат сосудам позднезольничного типа. По своему назначению они делятся на кухонные, столовые и сосуды для хранения продуктов (рис. 13). К первой и третьей группе относятся крупные горшки резко профилированные, с округлыми стенками, отогнутым венчиком, часто богато орнаментированные: по краю венчика — насечки или отпечатки ногтя, по шейке — небольшие сквозные проколы или ямки, нанесенные с внутренней стороны — жемчужины. В целом эта посуда близка к посуде Лысой горы; но на последнем преобладает посуда с жемчужным орнаментом, а на Кураб-городище — с проколами.

К столовой посуде относятся небольшие мисочки светло-желтого лощения или глубокого черного с загнутым внутрь бортиком, маленькие сосуды, чаши и кубки, которым, очевидно, принадлежат обломки глиняных ручек, изредка встречаемых на городище.

Кроме сосудов позднезольничного типа, в нижнем слое городища обнаружены фрагменты горшков, напоминающих керамику юхновского типа, для которой характерны высокие горшки со слабо выраженным венчиком,

¹⁵ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 39.

¹⁶ В. П. Левенок. Юхновская культура (ее происхождение и развитие). СА, 1963, № 3, стр. 81, рис. 1, 17—20, 22—25.

¹⁷ О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. МИА, № 70, 1959, стр. 119, рис. 52.

¹⁸ О. Н. Мельниковская. Указ. соч., стр. 116; П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 136, 137, рис. 11, 18—21.

¹⁹ К. Ф. Смирнов. Вооружение сарматов. МИА, № 101, 1961, стр. 62.

прямыми или слегка выпуклыми стенками и небольшим дном. Сосуды орнаментированы ямками, нанесенными концом косо поставленной щепочки.²⁰ Подобные сосуды составляют менее 1% от общего количества найденной посуды нижнего слоя.

К древнейшему периоду жизни на поселении относятся литейные формы, алячки, обломки тиглей, а также бронзовые изделия, изготовленные местными литейщиками (рис. 12, 8, 14). Особенный интерес представляют литейные формы из мягкого песчаника для изготовления треугольных гроздевидных подвесок подгорцевского типа (рис. 12, 1, 5) или глиняная форма для трапециевидных подвесок, напоминающих подобные же украшения, найденные в подгорцевских²¹, юхновских²² и милоградских памятниках. Известны на городище Лужки и бронзовые украшения: например, трапециевидные подвески (рис. 12, 2, 4) и сложное бронзовое украшение, состоящее из круглой пряжки и отходящих от нее усиков, тоже, очевидно, с подвесками (рис. 12, 6). Происхождение и семантика трапециевидных и треугольных подвесок как символов женского божества подробно освещены В. П. Левенком²³. Прямоугольная глиняная форма служила для отливки небольшой круглой подвески, украшенной шариками зерна по периметру. Глиняные формы делали по восковым моделям. Подобные литейные формы и украшения изготовлялись, по-видимому, и на соседних верхнеднепровских городищах: реконструируя обломки одной из глиняных литейных форм, найденной на городище у дер. Новые Батеки, Е. А. Шмидт высказал предположение, что она предназначалась для отливки сложного украшения с подвесками гроздевидной формы, аналогичного изделиям из памятников подгорцевской культуры. Ее можно отнести к середине I тысячелетия до н. э.²⁴

Таким образом, литейные формы для треугольных подвесок подгорцевского типа, выявленные на городище Лужки, представляют интерес для определения нижней хронологической границы древнего слоя, по-видимому, это VI—V вв. до н. э. Для определения верхней хронологической границы этого поселения могут служить бронзовые конические подвески с треугольными прорезями (рис. 12, 4), известные на верхнеднепровских городищах (Мокрядино) и относящиеся, по определению П. Н. Третьякова, к рубежу I тысячелетия до н. э. и н. э.²⁵

Для выяснения даты памятника небезынтересен и состав разноцветных бус, стеклянных и пастовых, довольно многочисленных на городище: среди них крупные округло-цилиндрические пастовые синие бусины с белыми кольцами глазок, синие шарообразные с голубыми и белыми глазками, желтые с голубыми глазками и белыми ободками. Подобные бусы были найдены в некоторых милоградских памятниках²⁶. По наблюдениям О. Н. Мельниковской, пастовые глазчатые бусы характерны для более позднего периода милоградской культуры; так, на Горошковском городище они были найдены в кладе украшений вместе с латенскими браслетами III в. до н. э.²⁷

Более нарядными выглядят темно-синие мозаичные бусы с белыми поясками и глазками, внутри которых красные, синие, желтые точки.

Стеклянные бусы также многочисленны и разнообразны: кроме семибусинных позолоченных и посеребренных пронизок из бисера встречаются однотонные и полихромные бусы: синие шарообразные, гладкие ребристые или глазчатые (с выпуклыми глазками), зеленые глазчатые, белые ребристые и гладкие.

Довольно многочисленны глиняные кольцевые, шарообразные бусы, хорошо известные в памятниках юхновской культуры²⁸.

Краткий обзор инвентаря и керамики нижнего горизонта культурного слоя Кураб-городища позволяет заключить, что в VI—II вв. до н. э., а может быть, и до рубежа н. э. здесь, на высоком берегу Оки, существовало поселение примерно того же облика, что и на расположенном южнее, на р. Сейме, городище в урочище Лысая гора. Нам представляется, что население, обитавшее здесь, также входило в ираноязычную семью народов или находилось под сильным скифским влиянием.

Родственным ему по культуре было поселение у дер. Воротынцево, расположенное северо-восточнее, на р. Зуше, и относящееся к IV—II вв. до н. э. По соседству с этими поселениями и дальше на север лежали маленькие укрепленные городки, принадлежавшие носителям иной культуры (юхновского типа) и входившие в балтскую семью народов (Надежда, Жилино, Гать, городище у с. Городище, Титово-Мотыка, Серенск — нижний слой, Николо-Ленивец и многие другие)²⁹.

Данная статья посвящена только одному частному вопросу, связанному с уточнением северной границы балто-иранского контакта. Мы попытались показать, что вопрос этот пока еще не может считаться окончательно решенным. Главное предстоит сделать языковедам: изучение топонимики и гидронимии бассейна Верхней Оки является важной и неотложной задачей.

²⁰ В. П. Левенок. Указ. соч., стр. 84, рис. 5, III, стр. 90.

²¹ В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Подесья УССР. «Доклады VI Научной конференции ИА АН УССР». Киев, 1953, стр. 201, рис. 4, стр. 204, 205.

²² В. П. Левенок. Указ. соч., стр. 86, рис. 7, 9—16.

²³ Там же, стр. 85.

²⁴ Е. А. Шмидт. Городище у дер. Новые Батеки. В кн.: П. Н. Третьяков. Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 163.

²⁵ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 88.

²⁶ О. Н. Мельниковская. Указ. соч., рис. 40, 14, 15.

²⁷ Там же, стр. 95.

²⁸ А. Е. Алихова. Указ. соч. стр. 102, прав.

²⁹ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, гл. I и приложения; Т. Н. Никольская, М. Д. Полу-боярникова. Раскопки древнерусских городищ Орловской обл., КСИА, вып. 110, 1967, стр. 63 и сл.

Э. А. РИКМАН

НАСЕЛЕНИЕ ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ
В ПЕРВЫХ СТОЛЕТИЯХ н. э.¹

В Днестровско-Прутском междуречье известно 675 поселений и 75 могильников первых веков н. э.² Из них на карте, опубликованной Г. Б. Федоровым, обозначено 235 поселений и 17 могильников³. В соседней румынской Молдове, примерно равной по площади рассматриваемому району, зафиксировано около 500 поселений и 10 могильников⁴, в Приднепровье — 183 памятника⁵. Приведенные цифры свидетельствуют об интенсивной заселенности Днестровско-Прутского междуречья.

Так, в полно обследованном районе вокруг с. Будешты на площади 54×33 км имеется 30 памятников черняховской культуры. На каждые 60 кв. км приходится по памятнику, а расстояние между ними составляет несколько километров. Эта густота вызвана притоком варварских племен к границам Мезии и Дакии и невозможностью прорваться через оборонительные рубежи провинций. Предшествующие позднесарматские и последующие раннеславянские памятники на той же территории насчитываются единицами.

Близ некоторых сел (Делакэу, Кобуска Веке и т. д.) выявлены гнезда поселений, свидетельствующие о сохранении между жителями соседних поселков постоянных родо-племенных связей. Уже в первых веках н. э. сложились особенности топографии лесостепных и степных поселений.

Среди памятников первых столетий н. э. различаются две разновременные группы, относящиеся к позднесарматской и черняховской культурам. В Днестровско-Прутском междуречье и западнее в Нижнем Подунавье выявлено свыше 70 позднесарматских могильников. Грунтовые могильники по характеру погребального ритуала и инвентаря отличаются от могильников черняховской культуры. Распространены впускные позднесарматские погребения в курганах. В них лежали вытянутые костью в простых ямах, ориентированные головой на север. Руки часто покоятся на тазе или груди. Ноги иногда согнуты в коленях. Нередко черепа деформированы посредством бинтовой обвязки. Здесь встречаются нередко мечи. Часты находки бус и бисера, использовавшихся в ожерельях и обшивке одежды, небольших лепных горшков с высокими тюльпановидными венчиками, круговых одноручных кувшинов серого цвета с орнаментацией в виде вертикально проложенных полос, пряслиц грибовидной формы, небольших круглых зеркал-подвесок.

¹ Доклад, прочитанный на Пленуме ИА АН СССР 21 апреля 1967 г.

² «История Молдавской ССР», т. I. Кишинев, 1965, стр. 43.

³ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960, табл. 10.

⁴ Г. Б. Федоров, Л. Л. Полевой. Археология Румынии. М., 1970.

⁵ Е. В. Махио. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА, № 82, 1960, стр. 37—43 и 54—62 (на такой же площади в Черкасской и Полтавской областях).

В некоторых погребениях зеркала найдены разбитыми, что характерно для сарматского погребального ритуала. Более редки бронзовые бубенчики, входившие в состав ожерелий или нашивавшиеся на одежду. Любопытно, что даже сарматские знаки на каменных плитах отмечены в рассматриваемом районе (у селений Корпач и Теуцканы). Фибулы с пластинчатыми (неподвижными) приемниками датируют позднесарматские могильники II—III вв. н. э.

Основные черты позднесарматских могильников совпадают с теми характерными особенностями, которые отмечены для более восточных сарматов от Поднепровья до Поволжья. Продвигаясь к западу, сарматы утратили ряд этнографических черт культуры: курганы, меловые подсыпки. Понижился процент деформированных черепов. Войдя в сферу воздействия позднеантичных центров, сарматы испытали на себе их влияние: подавляющая часть их гончарной керамики связана с традициями позднеантичного керамического дела⁶.

О том, что в предчерняховскую эпоху до Поднепровья простирался массив гето-дакийских (карпских) племен, говорит находка при земляных работах в с. Новотроицком Ново-Аненского р-она гончарной печи, наполненной горшками, в формах которых наблюдается сходство с керамикой липицкой культуры.

Обратимся к памятникам черняховской культуры, к которой, видимо, относятся остальные памятники. На селищах рассматриваемой территории раскопки на местах расположения остатков построек каждый раз свидетельствуют о наземном их характере. Найдено свыше 48 наземных жилищ и только 4 землянки. Этим интересующий нас район отличается от Верхнего Поднепровья, где сочетаются наземные и углубленные постройки (Комаров, Лука Врублевская, Чижиков, Незвиско), а на некоторых поселениях (Черепин) количество землянок превышает число наземных домов⁷. Еще более ощутима разница в домостроительстве черняховцев Днестровско-Прутского междуречья и Поднепровья. Последний район дает довольно устойчивое равное количество наземных и углубленных жилищ, а в Журовке, исследованной Э. А. Симоновичем на значительной площади, преобладают углубленные дома⁸. В Карпато-Дунайских землях, в отличие от Днестровско-Прутского междуречья, на поселениях черняховцев углубленные дома занимали более заметное место⁹.

На территории Днестровско-Прутского междуречья яснее, чем другие жилища, выявлен тип так называемого большого дома черняховцев — обиталища большой патриархальной семьи¹⁰. Эти глинобитные дома обнаружены при раскопках селищ Будешты, Загайканы, Делакэу, Комрат и Собарь. Оказалось, что такие же дома распространены в Верхнем Поднепровье, на Вольни и в Поднепровье. «Большой дом» представлял собой прямоугольную в плане постройку площадью 70—120 кв. м. Специфичны для Днестровско-Прутского междуречья очаги с боковыми торцевыми бортиками (Загайканы, Делакэу, Будешты и Собарь), отмеченные, правда, и на селище Комаров в Верхнем Поднепровье¹¹.

⁶ Э. А. Рикман. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья. СЭ, 1966, № 1, стр. 68—88.

⁷ В. Д. Баран. Поселения первых столетий нашей эры біля села Черепин. Київ, 1961, стр. 88.

⁸ Э. А. Симонович. Черняховские памятники Поднепровья (поселения, могильники, керамика). Тезисы доклада на секторе скифо-сарматской археологии ИА АН СССР 27 декабря 1966 г.

⁹ J. Ioniță. Contribuții cu privire la cultura Sîntana de Mureș-Cerneahov pe teritoriul RSR. AM IV. București, 1966, p. 198.

¹⁰ Э. А. Рикман. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа. СЭ, 1962, № 3.

¹¹ М. Ю. Смишко. Поселения III—IV ст. н. э. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів Чернівецької області. МДАПВ, вып. 5, Київ, 1964, рис. 2.

Рядом с домами группировались хозяйственные сооружения: очаги, ямы, хранилища и сараи. Некоторые усадьбы ограждались. Об этом свидетельствует обнаружение на селище Комрат у развалин дома канавы с ямами для колев, по-видимому, следа ограды, ограничивавшей северо-восточный угол (площадь 117 кв. м) усадьбы. Остатки ограждения свидетельствуют о существовании у семей отдельных придомовых участков земли и являются показателем размежевания хозяйств. Ограждения прослежены Э. А. Симоновичем на селище Кут; они зафиксированы также на селищах Неслухов и Новоселка Костюкова¹².

Обитатели многочисленных поселков черняховцев занимались земледелием. Около поселков обычно встречается лес. Так, у поселка Будешты росли бук, граб и вяз, ныне исчезнувшие из местной флоры¹³. Освобождая площади под пахоту, племена черняховской культуры начали вырубать леса, и это привело к изменению в первых веках н. э. режима Днестра¹⁴.

Именно в первые века н. э. вошли в обиход деревянные рала и плуги с небольшими железными наконечниками симметричной и асимметричной формы. Особенно интересен наконечник второго типа из Загайкан. Асимметричные наконечники Днестровско-Прутского междуречья, известные и на других территориях, предполагают наличие у плуга чересла-резака и отвальной доски. Плуги и рала приводились в движение волами.

В рассматриваемом районе впервые получены в довольно значительном числе обугленные зерна и отпечатки на глине злаков, возделывавшихся черняховцами: мягкой и твердой пшеницы, полбы, ячменя, ржи, овса и чины. Зерна мягкой пшеницы из селища Комрат, по заключению Э. В. Янушевич, однородны и выровнены по форме и размеру — признак существования сорта, развитости земледелия со сложившимися традициями, выразившимися в отборе семян, приведем к появлению сортов. Слабая засоренность сорняками зерна из черняховских хранилищ служит свидетельством использования под посев малокультурных или целинных земель. Ручной жернов имел примерно тот же облик, который он сохраняет и в наши дни. Показательно, что на селищах Будешты, Дзалакэу, Загайканы жернова найдены не в общинных помещениях, а в домах отдельных семей. Видимо, помол производился для нужд отдельной семьи, а не для общины в целом. Хлебопашеством семьи занимались обособленно. Черняховцы производили зерно, предназначенное для вывоза¹⁵.

Среди керамики, в целом идентичной керамике из других областей распространения черняховской культуры, наблюдаются особенности: представлен тип сосудов (Будешты, Собарь) вытянутых, стройных, почти яйцевидных, наиболее широких посредине. Отсутствуют кувшины с фасетками и гранями, известные в Поднепровье.

На селище Дзалакэу обнаружены признаки местного косторезного дела. Находки литейного тигля и многочисленных поделок из бронзы, явнее, чем в других районах распространения черняховской культуры, свидетельствуют о существовании местного бронзолитейного производства. Стандартиность ряда серий предметов из глины, кости и бронзы позволяет поставить вопрос о возникновении ремесел.

Были высоко развиты домашние ремесла — пряжение и ткачество. Для расчесывания волокна применяли небольшие железные гребни с треугольными ручками. Пряслица найдены на всех селищах, где проводились раскопки, и на многих памятниках, обследованных разведками. Особенно мно-

¹² Э. А. Симонович. Поселения культуры полей погребений в районе города Никополь. «История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры». М., 1967, стр. 71, 73, 74; рис. 2, 1.

¹³ Заключение доктора биологических наук Т. С. Гейдеман.

¹⁴ С. Н. Бибиков. О времени образования надпойменного уступа в долине среднего течения Днестра. СА, 1958, № 3, стр. 30.

¹⁵ Э. А. Рикман, Э. В. Янушевич. Земледелие у племен черняховской культуры. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Кишинев, 1966, стр. 75—85.

го (70) пряслиц обнаружено при раскопках Будешты. Пряслица были в 18 женских погребениях, причем в 9 погребениях — по два пряслица. Массовость применения подтверждается тем, что их изготовляли на гончарных станках, причем некоторые серии пряслиц стандартны.

На многих селищах найдены конусообразные и пирамидальные глиняные грузила для натягивания нитей вертикального ткацкого станка. В жилищах селищ Будешты, Загайканы, Дзалакэу, Мырзешты¹⁶ обнаруженные скопления грузил отмечают, видимо, места ткацких станков. Ткачеством занимались в отдельных жилищах, а не в общинных постройках. Для разглаживания тканей применялись, как полагает С. А. Семенов, так называемые коньки со срезанным и заполированным основанием¹⁷, сделанные из костей ног лошади и осла. «Коньки» найдены на селищах Будешты, Дзалакэу, Комрат.

Фрагменты ткани обнаружены в могильнике Будешты и на селище Дзалакэу, а отпечатки ткани из шерсти и растительного волокна — на селищах Лукашевка — Пачина, Собарь, Загайканы. Переплетение нитей было полотняным (Будешты, Собарь, Дзалакэу) и диагонально-саржевым (Лукашевка — Пачина, Собарь). Распространенность ткацкого и портняжного дела подчеркивается частыми находками в Будештах бронзовых и железных иголок.

Нет ни одного памятника черняховской культуры, где бы не были найдены предметы из позднеантичных центров: амфоры, стеклянные кубки, краснолаковая керамика (эти предметы большей частью представлены обломками), реже — римские монеты. Товар привозили водными (Днестр, Прут и их притоки) и сухопутными путями, обеспечивая доставку хрупких кубков из стекла и амфор на отдаленные от рек поселения. Не только повсеместная распространенность, но и большое число найденных импортных предметов на ряде памятников свидетельствуют о значительности импортной торговли, которая охватывала и социальную верхушку населения, и рядовых общинников. Ведь импортные вещи найдены в рядовых жилищах и могилах.

Наиболее многочисленны амфоры, относящиеся к пяти видам и определяющиеся II—III и III—IV вв. н. э. Стеклянные кубки датируются по преимуществу III—IV вв. н. э. и вместе с амфорами определяют дату памятников черняховской культуры II—IV вв. н. э. Кубки обычно имеют конусообразную или цилиндрическую форму.

На селищах Днестровско-Прутского междуречья найдены римские монеты. Клады обнаружены у сел Будэй, Кирилени и т. д. Находки отдельных монет сделаны на селищах Загайканы, Балцаты и т. д. Особенность рассматриваемой области в отличие от Поднепровья — высокий процент бронзовых монет к общему числу найденных¹⁸. Бронзовые монеты представлены Лукашевским кладом¹⁹ и отдельными находками²⁰.

Как известно, бронзовые монеты применяются во внутренней торговле и денежном обращении. Римские монеты III—IV вв. в Днестровско-Прутском междуречье встречаются значительно чаще, чем на Волыни и в Поднепровье. Найдены клады короткого накопления, зарытые в конце IV в. и на рубеже IV и V вв.²¹ Все это свидетельствует, что в Днестровско-Прутском междуречье в указанные века денежное обращение было более

¹⁶ Г. Б. Федоров. Указ. соч., табл. 18, 21.

¹⁷ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 103.

¹⁸ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. САИ, вып. Г 4—4, 1961, стр. 15.

¹⁹ В. В. Кропоткин. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в. «Нумизматика и эпиграфика», т. I, М., 1960, стр. 215—222.

²⁰ А. А. Нудельман, Э. А. Рикман. Два клада и находки отдельных монет (римских и ранневизантийских) из Молдавии. «Изв. МФ АН СССР», № 4 (31), 1956, стр. 151, 152.

²¹ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР, стр. 19, 20, 23.

Рис. 14. Сходные формы изделий, позднеантичные (слева) и относящихся к черняховской культуре

1 — краснолаковый канфар (Бонаны); 2 — серолощеный кувшин (Будешты); 3 — краснолаковая миска (Будешты); 4 — серолощенная миска (Тудорово); 5 — бронзовая миска (Олопешты); 6 — серолощенная миска (Будешты); 7, 8 — глиняные грузила (Боспор); 9, 10 — глиняные грузила (Загайканы); 11, 12 — глиняные пряслица (Тира, Пантикапей); 13, 14 — глиняные пряслица (Будешты); 15 — стеклянный кубок (Черняховский могильник); 16 — стеклянный кубок (Черняховский могильник); 17 — серолощенный кубок (Тира); 18 — серолощенный кубок (Будешты); 19 — глиняный кубок (Балцаты II); 20, 21 — костяные гребни (Помпей); 22 — железный гребень (Кобуска Веке); 23 — костяной гребень (Будешты); 24 — костяной гребень (Черняховский могильник); 25 — серолощенный кувшин (Пантикапей); 26 — серолощенный кувшин (Маллешты); 27, 28 — краснолаковые миски (Пантикапей); 29, 30 — серолощенные миски (Будешты); 31 — краснолаковый кувшин (Готешты); 32 — красный кувшин (Будешты)

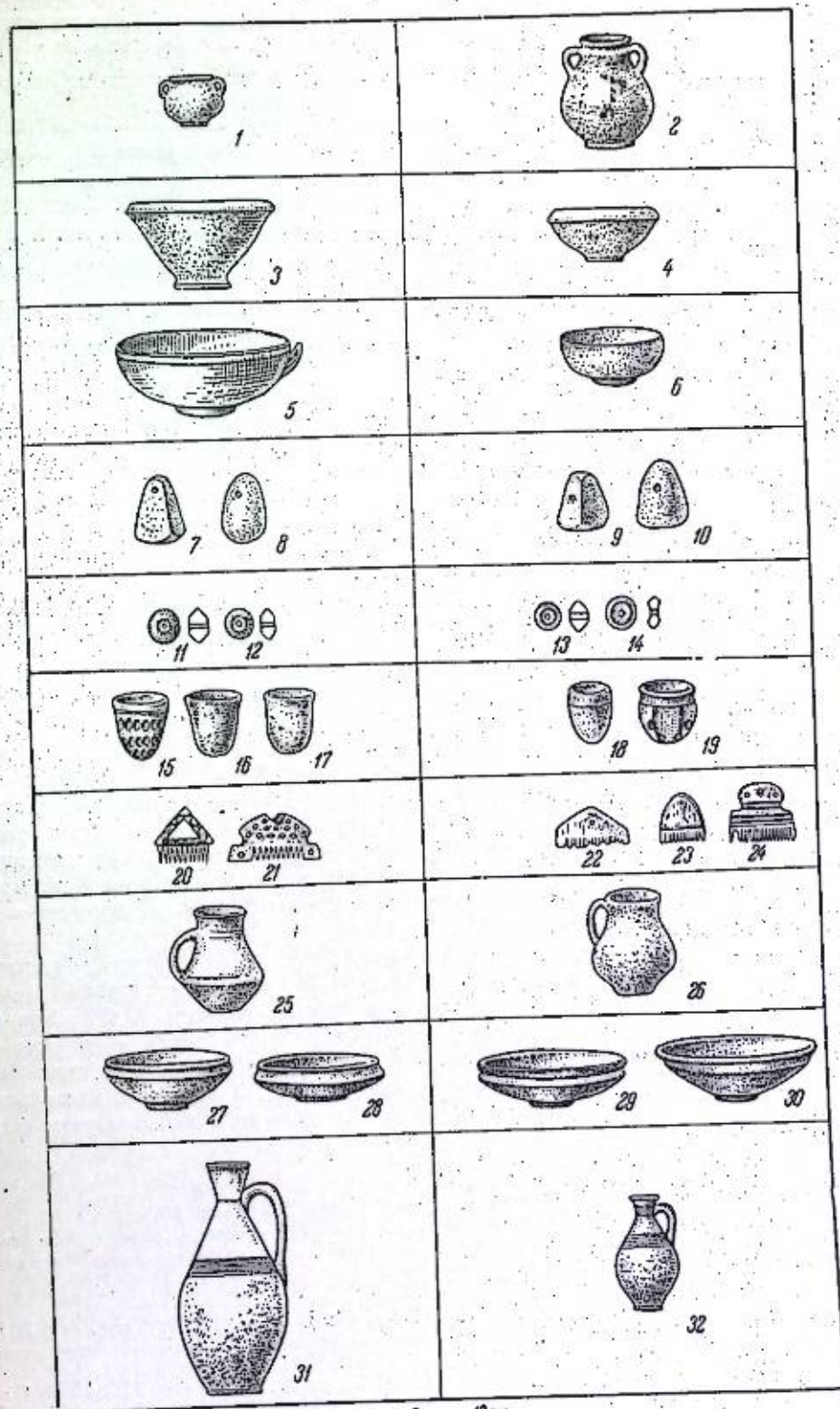
интенсивным и не ослабевало в отличие от Поднепровья. В интересующем нас районе в III—IV вв. сохранялись экономические связи с Римской империей.

В Днестровско-Прутском междуречье удалось выявить участие в гончарном производстве мастеров — выходцев из позднеантичных центров. На днище сосуда с кольцевым поддоном, относящегося к широко распространенной группе серой гладкой керамики, по сырой глине, до обжига, гончар начертал на дне греческие буквы «К» и «Ω». Видимо, мастера из Тиря или Истрии передавали гончарам из Днестровско-Прутского междуречья навыки античного керамического дела. Может быть, выходцы из позднеантичных центров начертали буквы R и V на каменной чаше (Собарь), F и S — на костяном игольнике и T — на пряслице из ножки амфоры (Будешты), хотя в двух последних случаях скорее следует предполагать, что эти начертания сделаны местными людьми. Погребение 89 могильника Будешты, где найден игольник, — обычное для варваров по ритуалу и инвентарю. Упомянутое пряслице — предмет, типичный для варварского быта.

Приведенные факты позволяют предположить, что варварское население воспринимало письменность позднеантичных центров. Знакомство варваров с античной культурой происходило во время их походов на римские провинции и во время походов римских императоров в глубь варварской территории, например Днестровско-Прутского междуречья²².

Влияние на гончарное дело племен черняховской культуры античного ремесла проявилось в распространении в Днестровско-Прутском междуречье и в других областях, где расселились черняховцы, горнов, напоминающих позднеантичные печи для обжига керамики. Техника производства гончарной керамики заимствована из позднеантичных центров, где она известна еще в первых веках до н. э. Ряд распространенных форм керамики исходит из позднеантичных прототипов (рис. 14). Так, форма двуручных кувшинов (Будешты, Дзалакэу, Балабанешты и т. д.) возникла на основе переработки формы краснолаковых двуручных канфаров. Некоторые миски (Тудорово, Будешты) получили свою форму от краснолаковых или металлических мисок, распространенных в римских провинциях и городах Северного Причерноморья. Цилиндрические округлодонные глиняные кубки воспроизводят форму соответствующих стеклянных кубков. Любопытно, что на некоторых кубках (Балцаты) в глине имитируется орнамент, типичный для стеклянных изделий этого рода — вышлифованные овалы. Штампованный орнамент на посуде также воспринят из позднеантичных центров. Техника его нанесения и отдельные фигуры, наблюдаемые на посуде с памятников Днестровско-Прутского междуречья, имеют

²² Аммиан Марцеллин. История, XXVII, 5, 6; Р. Вулпе. Верхний вал Бессарабии и проблема гревтунгов к западу от Днестра. МИА Ю-3 СССР и РНР. 1960, стр. 272.

0 10 см

прямые аналоги в орнаментации керамики первых веков н. э., например, из Истрии.

Форма глиняных биусеченно-конических пряслиц, конусообразных и пирамидальных грузил ткацкого станка также восходит к позднеантичным прототипам. Эти предметы одинаково широко распространены и в памятниках черняховской культуры, и в городах Северного Причерноморья. Прототипы костяных и железных черняховских гребней имеются на римских памятниках (Помпеи)²³.

На поселении Будешты среди костей домашних животных обнаружены кости осла, распространенного почти исключительно в античных городах Северного Причерноморья²⁴.

Можно предположить античное влияние и на идеологию; в черняховских погребениях находят стеклянные конусообразные кубки, целые и в обломках, связанные с культом Кибелы; на блюде из Петросского клада богиня держит в руках подобный конусообразный кубок.

Здесь же уместно упомянуть о позднечерняховских погребениях без вещей с костяками, ориентированными головой на запад, появившихся, как предполагает Э. А. Сымонович, под влиянием христианства. Для черняховских племен Днестровско-Прутского междуречья, обитавших в непосредственной близости к нижнему Дунаю (где обитали германские племена, принявшие христианство), приведенное объяснение представляется довольно убедительным и подчеркивает связь с позднеантичным миром.

Характер и особенности погребального культа в Днестровско-Прутском междуречье представлены материалом из могильника Будешты (360 погребений), Балцаты II (61 погребение) и Малаешты (39 погребений). Для этих могильников характерны индивидуальные погребения и биритуализм с осязательным преобладанием труположений. Последней чертой могильника рассматриваемого района отличаются от черняховских могильников Поднепровья, где зачастую процент трупосожжений преобладает, и от черняховских кладбищ Карпато-Дунайских земель, где преобладает процент труположений с переходом в моноритуализм²⁵.

Что касается ориентировки костяков, то для рассматриваемого района характерно сочетание северной и западной ориентировок при преобладании первой. Между тем в Поднепровье в Черняховском могильнике преобладает западная ориентировка костяков, а в могильниках Карпато-Дунайских земель — решительно северная ориентировка (Тыргшор)²⁶. По упомянутым двум признакам могильники рассматриваемого района занимают промежуточное место между черняховскими могильниками Поднепровья и Карпато-Дунайских земель.

В могильниках рассматриваемого района ярче, чем в соседних областях, проявляются черты, обычно наблюдаемые в погребальном ритуале сарматов. Таковы северная ориентировка погребенных, наличие в ямах заплечиков, гробов или колод, в одном погребении — подбоя, а в другом — красной краски²⁷. В этой же связи следует упомянуть о костяках со скрещенными, подогнутыми ногами и скорченными. О том же свидетельствует положение рук погребенных (на тазе, груди и т. д.), типичное для сарматских захоронений²⁸.

²³ Ф. Велицкий. Быт греков и римлян. Прага, 1878, рис. 309.

²⁴ В. И. Далкин. Домашние животные Восточной Европы в раннем железном веке. «Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический», т. LXIX (3), 1964, стр. 29.

²⁵ J. Ioniță. Указ. соч., стр. 220, 221, 225.

²⁶ Ch. Diaconu. Tirgşor. Bucureşti, 1965, p. 49; J. Ioniță. Указ. соч., стр. 223.

²⁷ Ю. В. Кухаренко. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. СА, XIX, 1954, стр. 118, 119.

²⁸ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, стр. 250; И. В. Сидицын. Древние памятники в низовьях Ерусалана. МИА, № 78, 1960, стр. 163, 165.

Сарматской чертой являются захоронения головы и ног лошади среди погребений могильника, обычай класть в могильные ямы часть туши барана или овцы, а также пожи. Отмечен обычай засыпать могилу тлеющими углями, прослеженный и у сарматов Поволжья и Южного Приуралья.

Каменные кладки, наблюдаемые в погребениях могильников Малаешты, Будешты и особенно Балцаты, следует, по-видимому, рассматривать как признак влияния на погребальный обряд германских племен, у которых в первых веках н. э. каменные конструкции были широко распространены.

Могильник Будешты дает основание поставить вопрос о северофракийском (гетодакийском или карпо-дакийском) элементе в черняховской культуре Днестровско-Прутского междуречья. В шести погребениях с обычным погребальным ритуалом и характерным инвентарем обнаружена посуда фракийского типа. Это лепные горшки и миски с крестообразно расположенными выступами, усеченно-конические миски; посуда аналогична керамике фракийцев, найденной на памятниках в Мунтении, Трансильвании и румынской Молдове, где она существует с эпохи латена до IV в. н. э. Горшки из могильника Будешты аналогичны некоторым формам посуды, отмеченным на позднегетском поселении II—I вв. до н. э. Лукашевка II. Обычай покрывать урны крышками известен не только в могильнике Будешты, но и в карпских могильниках типа Пенешты II—III вв. н. э.

По данным письменных источников, Певтингеровых таблиц II—IV вв. н. э. в Днестровско-Прутском междуречье обитали северофракийские племена (геты, даки, карпы), сарматы, веныды, германцы. Археологический материал из могильника Будешты уместно сопоставить с известием Птолемея (II в. н. э.), именующего население Поднепровья «тирагетами-сарматами»²⁹. Видимо, именно это наименование отражает преобладающий состав населения Днестровско-Прутского междуречья в черняховское время. Отмеченные выше особенности культуры черняховских племен Днестровско-Прутского междуречья порождены развитием в этом районе своеобразных «тирагетов-сарматов».

²⁹ Птолемей. Географическое руководство, III, 10, 7.

В. В. КРОПОТКИН

РИМСКИЕ ИМПОРТЫ ИЗ АНДРЕЕВСКОГО КУРГАНА
В МОРДОВСКОЙ АССР

В последние годы в советской литературе появилось несколько статей и заметок, посвященных изучению римских импортных изделий, обнаруженных в Подонье, Нижнем Поволжье и Прикамье¹.

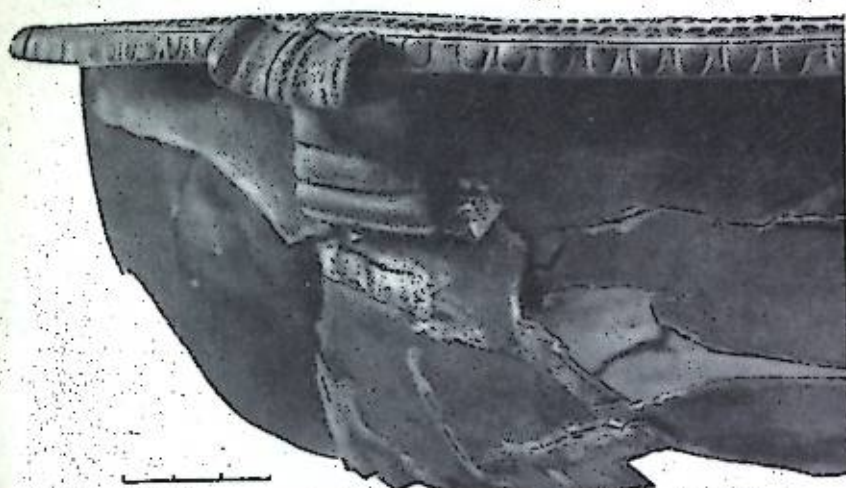
Новые находки привозных бронзовых сосудов и провинциально-римских шарнирных фибул типа AVCISSA в кургане близ с. Андреевка Ичалковского р-она Мордовской АССР (в бассейне р. Алатырь, левого притока р. Суры) пополнили серию римских импортов, найденных в центральных и восточных районах Восточной Европы.

Античные вещи из Андреевского кургана привлекли внимание П. Д. Степанова, который отметил важное значение этих находок для датировки обнаруженных в кургане древних захоронений². Наиболее интересной находкой является бронзовая чаша с навесными ручками, происходящая из разрушенного погребения (рис. 15, а). Чаша имела кольцевой поддон, его следы сохранились на дне сосуда. Венчик сосуда отогнут наружу и загнут вниз, край сосуда украшен пояском из ов (ovolo). На противоположных сторонах чаши к краю припаяны горизонтальные втулки в виде катушек для крепления навесных ручек (рис. 15, б)³. Размеры чаши: высота без поддона — 10,5 см, диаметр по краю — около 40 см, ширина бортика — 1,6 см, ширина втулки для ручек — 2,5 см.

Аналогичные чаши итальянского производства сравнительно часто встречаются в Центральной и Северной Европе и опубликованы в каталоге римских импортов Х. Эггера, который указал 17 находок подобных сосу-

а

б

Рис. 15. Андреевский курган. Бронзовая итальянская чаша с навесными ручками I в. до н. э.

а — общий вид; б — деталь.

дов⁴. Они найдены на Готланде (Lilla Soivide), в Польше (Rzadz), в Дании, Померании, Чехословакии и других районах. По мнению Х. Прайделя, чехословацкие находки в погребениях датируются первой половиной I в. н. э.⁵ Х. Эггерс выделяет два типа бронзовых чаш, причем тип Сойвиде (Eggers 91) он относит к стадий А и датирует I в. до н. э., а тип Поггендорф (Eggers 92) — к стадий В и датирует первой половиной I в. н. э.⁶

В Восточной Европе нам известны только две находки бронзовых чаш с навесными ручками типа Сойвиде (Eggers 91). Одна находка происходит из погребения в кургане близ станции Курджипской, недалеко от Майкопа, в предгорьях Кавказа (рис. 16, а, б), вторая — из Андреевского кургана в глухих мордовских лесах.

В Курджипском кургане вместе с чашей на кольцевом поддоне и навесными ручками была найдена бронзовая ойнохоя с фигурной ручкой, украшенная рельефным изображением Диониса (?) типа Eggers, 124—125, которые относятся к I—II вв. н. э.⁷

⁴ H. J. Eggers. Der römische Import in freien Germanien. Atlas der Urgeschichte, Bd. I. Hamburg, 1951, стр. 168, табл. 9, № 91-92, карта 30.

⁵ H. Preidel. Die germanischen Kulturen in Böhmen und ihre Träger. Cassel, 1930, стр. 181, сл.

⁶ H. J. Eggers. Указ. соч., стр. 168; он же. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit in freien Germanien. JRGZM, II, Mainz, 1955, стр. 230, сл.

⁷ ДАК, 1896, № 118; ОАК, 1896, стр. 149, 150, рис. 297а. Бронзовая чаша найдена при доследовании Курджипского кургана В. М. Смысовым в 1896 г. Размеры чаши: высота — 14,5 см, диаметр — 48 см.

¹ И. П. Берхин. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. «Археологический сборник», 2, 1961; В. В. Кропоткин. Из истории римской торговли с Восточной Европой. «Историко-археологический сборник к 60-летию А. В. Арциховского». М., 1962, стр. 147—153; Д. Б. Шелов. Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. «Acta Archaeologica Hungarica», т. XVII. Budapest, 1965, стр. 251—274; он же. Западноримские импорты в Нижнем Подонье в первые века н. э. ЗОАО, т. II (35), 1967, стр. 99—113; С. И. Капш и И. А. Ценные находки археологов в районе Новочеркасска. ВАН, 1963, № 3, стр. 128—130; S. I. Karoshina. A Sarmation Royal Burial at NovoCherkassk. «Antiquity», XXVIII, 1963; она же. Итальянский импорт на Нижнем Дону. ЗОАО, т. II (35), 1967, стр. 208—213; она же. Курганы сарматской знати на Нижнем Дону. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963, стр. 14, 15.

² П. Д. Степанов. Андреевский курган (предварительное сообщение). «Тр. Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики», вып. XXVII, серия историческая. Саранск, 1964, стр. 218, сл.

³ П. Д. Степанов. Указ. соч., стр. 219, табл. VII, 12. Автор относит время бытования чаши ко II в. н. э., но в публикации не приведено обоснование столь поздней датировки.

Рис. 16. Курфегинский курган. Бронзовая итальянская чаша I в. до н. э.
а — общий вид; б — деталь

Хронологически близки андреевской чаше провинциально-римские шарнирные фибулы типа AVCISSA, найденные в разрушенных погребениях (2 экз.) и в погребениях 36 и 53⁹ (рис. 17, а, б). Бронзовые фибулы этого типа распространены в дунайских провинциях Римской империи в первой половине I в. н. э. Римские воины и торговцы заносили эти изделия далеко от мест их изготовления — в города Северного Причерноморья, в области Прикубанья, Нижнего Поволжья и Поднепровья. Отдельные находки фибул типа AVCISSA обнаружены в лесной полосе Восточной Европы и в Западной Сибири⁹.

В насыпи Андреевского кургана выше погребения 21 обнаружен бронзовый кованый котелок галло-римского производства с железным обручем под венчиком и железной дужкой (рис. 18). Тулово котелка имеет почти цилиндрическую форму с небольшим расширением книзу, дно — выпуклое, со следами починки. Край отогнут наружу, конец бортика загнут вверх. С противоположных сторон к обручу прикреплены два ушка, в которые была продета дуговидная ручка. Размеры котелка: высота — 16 см, диаметр по верху — 27—28 см, диаметр дна — 25 см, ширина бортика — 2,1 см, тулово котелка повреждено и сильно помято¹⁰.

Аналогичные котелки галло-римского типа встречаются и позднесар-

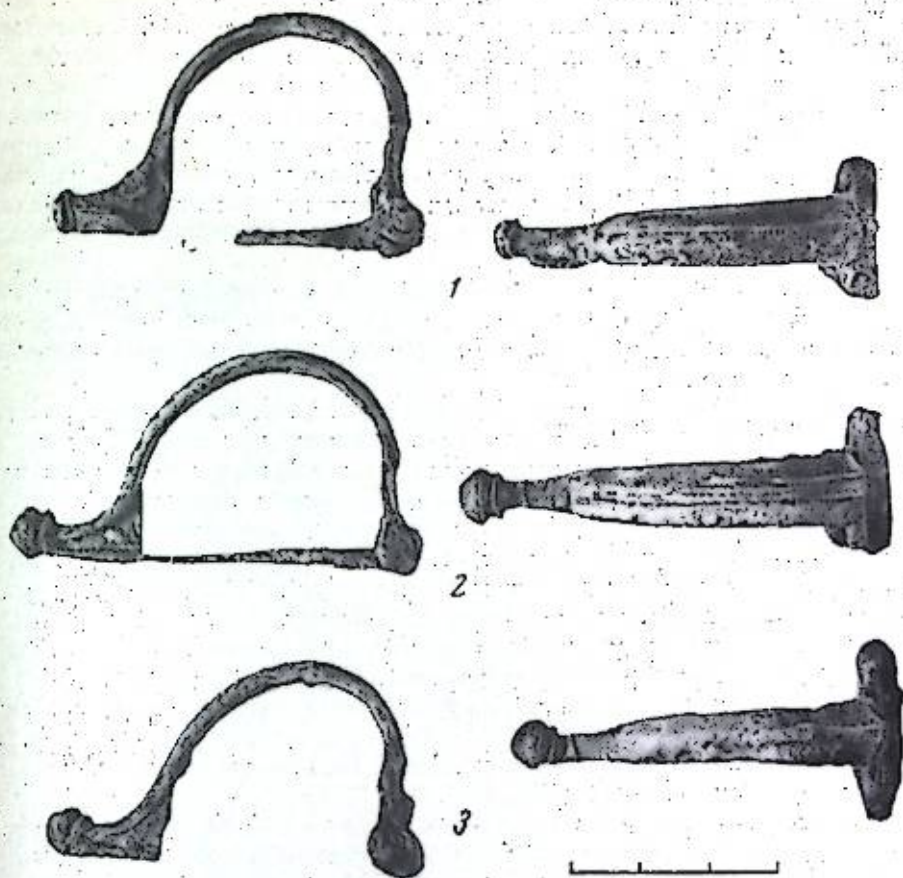

Рис. 17. Андреевский курган. Бронзовые шарнирные фибулы типа первой половины I в. н. э.

Рис. 18. Андреевский курган. Бронзовый галло-римский котелок II—III вв. н. э.

⁹ П. Д. Степанов, Указ. соч., стр. 218, 223, 238, 244, табл. VI, 1—2.

⁹ А. К. Амброз, Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э.; САИ, вып. Д1 — 30, 1966; В. В. Кропоткин, Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры, М., 1967, стр. 92, сл.

¹⁰ П. Д. Степанов, Указ. соч., стр. 219, 229, табл. VII, 13.

матских погребениях II—III вв. н. э. в Поволжье (Бережновка¹¹, Ровное¹², Федоровка¹³, Щербаковка¹⁴) и в Приуралье (пос. Красногорский¹⁵). Датировка этих погребений хорошо обоснована сопровождающим инвентарем и другими деталями погребального обряда и подтверждена западноевропейскими аналогиями¹⁶. Сходные сосуды галло-римского производства II—III вв. н. э. были найдены в меото-сарматских погребениях Прикубанья, например в кургане у станицы Даховской Тульского р-она Адыгейской АО¹⁷ и в курганах в окрестностях станицы Тбилисской Краснодарского края, раскопанных проф. Веселовским в начале XX в.¹⁸

Большой бронзовый острореберный котел с железной оковкой по венцу и навесными ручками, найденный в большом кургане на окраине г. Новочеркасска в 1962 г., также относится к кругу изделий галло-римского производства I в. н. э.¹⁹

Находки римских импортных изделий в Андреевском кургане в Среднем Поволжье, как и находки римских серебряных монет I—III вв. н. э., свидетельствуют о существовании торговых связей древнемордовских племен с сарматскими племенами Поволжья и Подонья и городами Северного Причерноморья, в особенности с Танаисом, в дельте Дона, который, по словам Страбона, «служил общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру из Боспора»²⁰. Сарматские элементы в погребальном обряде и инвентаре Андреевского кургана являются веским подтверждением разносторонних связей, которые поддерживали древнемордовские племена с сарматским миром.

Италийские и провинциально-римские изделия, найденные в погребениях Андреевского кургана, позволяют с уверенностью датировать их I в. до н. э.—I в. н. э., и только одно захоронение (21) можно отнести к более позднему времени — II—III вв. н. э.

Находки римских вещей в лесной полосе Восточной Европы от Прибалтики до Прикамья свидетельствуют о существовании торговых путей, которые связывали Римскую империю и города Причерноморья с отдаленными районами Восточной Европы. Конкретные географические представления об этих северных странах и их населении, которые мы находим у римских и ранневизантийских историков и географов, например у Иордана (Get., §116), были получены от римских и греческих купцов, ведших оживленную торговлю с варварскими народами Восточной Европы, в том числе и с племенами Среднего Поволжья и Прикамья, впервые упомянутыми на страницах исторических сочинений готским историком Иорданом.

¹¹ И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). МИА, № 78, 1960, стр. 74, рис. 27, 12.

¹² И. В. Синицын. Ровненский курганный могильник. КСИА, вып. 84, 1961, стр. 101, рис. 36, 3.

¹³ В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. «Труды секции археологии РАНИОН», т. IV, М., 1928, стр. 134, 135.

¹⁴ И. П. Берхин. Указ. соч., стр. 151, рис. 6.

¹⁵ Архив ИА АН СССР. 1935 г., д. 962, л. 142, рис. 205; И. П. Берхин, Указ. соч., стр. 151.

¹⁶ A. Radnoti. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien, Budapest, 1938, стр. 114—122, tabl. XXXII, XXXIII, XXXV; H. J. Eggers. Der römische Import, стр. 163, табл. 6, 42, карта 20.

¹⁷ Б. Луини. Даховские погребения. «Наука и жизнь», 1937, № 10, стр. 40; он же. Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа. ВДИ, 1940, № 3 (8), стр. 210—223; он же. Серебряная чаша с рельефными изображениями и греческой надписью и стеклянная чаша из находок у ст. Даховской. «Известия Ростовского областного музея краеведения», вып. II. Ростов-на-Дону, 1940, стр. 27—49.

¹⁸ ДАК, 1902, № 94, л. 74 и сл.; ОАК, 1902, стр. 66 и сл.

¹⁹ С. И. Капошина. Курганы сарматской знати на Нижнем Дону, стр. 14, 15.

²⁰ Strabo. Geogr. XI, 11, 3.

И. К. Фролов

ПОДВЕСКА С ВЫЕМЧАТОЙ ЭМАЛЬЮ ИЗ ОРЛОВСКОГО МУЗЕЯ

В Орловском краеведческом музее хранится бронзовая вещь, принадлежащая к типу так называемых треугольных подвесок¹ (рис. 19). Обычно они украшены выемчатой эмалью. На орловском экземпляре эмаль отсутствует, но заметны характерные выемы для эмалевых вставок. Подвеска имеет подтреугольную форму с тремя перекладными в основании. Два арочных проема в верхней головной части и треугольные вырезы между перекладными придают подвеске стройный ажурный вид. Выем для эмали, имеющий благодаря арочным проемам секирообразную форму, делится внутренними перемычками на три части, еще более подчеркивающие ажурность конструкции. Три перекладки основания, трапециевидные в сечении, имеют расплющенные круглые концы. Ушко для подвешивания отломано и реставрировано в древности. Подвеска представляет уникальную для области Верхней Оки находку. Впервые встречен экземпляр, почти идентичный целой серии вещей, сделанных в Прибалтике.

Среди многих мест изготовления вещей с выемчатой эмалью область верховьев р. Швентойи занимает особое положение. Это узколокальное производство наложило отпечаток на разнообразные категории вещей не только в Прибалтике, но и в Поднепровье, в бассейне Верхней Оки. В верховьях р. Швентойи, в районе Зарасай, подвески этого типа встречаются в Эйкотишкес и Дусетос². Отличительной особенностью этих вещей, как и подвески Орловского музея, являются перекладки с расплющенными концами. Сечение перекладки трапециевидное или треугольное, и по поверхности хорошо прослеживается узкая полоса орнамента, состоящего из двойного ряда круглых ямок-насечек, соединенных узким желобком. Ушко-головка для подвешивания имитирует обычно трехпроводную петлю с обмоткой поперек в перехвате. Имитация в виде двух-трех желобков вдоль и поперек ушка присутствует на каждом экземпляре данной серии вещей. В экземпляре из Дусетоса в арочные проемы в верхней головной плоскости вставлены стилизованные подвески-луницы, концы которого несколько расширяются и покрыты узкими желобками. По-видимому, такой желобчатый орнамент, имитирующий перехваты или перекладки, можно считать характерным для подвесок этой серии.

Но круг вещей этого стиля не ограничивается только «треугольными» подвесками. С той же территории происходят и другие предметы различной формы и назначения как покрытые эмалью, так и не имеющие этого украшения, но выполненные в том же стиле. Сюда относятся подковообразные фибулы, прямоугольные бляхи, височные кольца. Подковообразные

¹ Орловский краеведческий музей. Инв. № 14479. Случайная находка. Принесена в музей в 1965 г.

² Pr. Kulikauskas. Emaliuotieji dirbiniai Lietuvoje. Kaunas, 1941, стр. 3, 5.

фибулы из Раканай, Великушкес, Жадавайняй³ имеют треугольное сечение дужки и эмалевые украшения в центральном прямоугольном и конечных круглых щитках. Особенностью подковообразных фибул этого района являются отростки, помещенные по краю дужки. Эти отростки являются, вероятно, стилизованными изображениями лунниц (как простейших вариантов, так и усложненных типов). На ребре дужек можно видеть ямочный орнамент, сходный с орнаментом подвесок. Обработка поверхности, наличие характерных граней-сколов указывают на стилистическую близость изготовления подвесок и подковообразных застежек. В Великушкес эти предметы найдены вместе⁴.

К тому же географические ареалы «треугольных» подвесок типа Эйкотишкес — Дусетос и подковообразных фибул типа Раканай — Великушкес почти полностью совпадают (рис. 20). Подковообразные застежки локализуются в том же районе верховьев р. Швентойи. Этот же ареал очерчивается при картографировании височных колец со спиральным концом так называемого восточнолитовского типа. Последние встречены в Дусетос, Эйкотишкес, Жадавайняй, Раканай⁵. В Литовской ССР кольца подобного типа зафиксированы только в этом районе. Аналогичные височные украшения встречены также в отдельных пунктах восточной части древней балтской территории, но там они редки и изолированы. Такого плотного ареала, как района Зарасай — Дусетос, нет нигде.

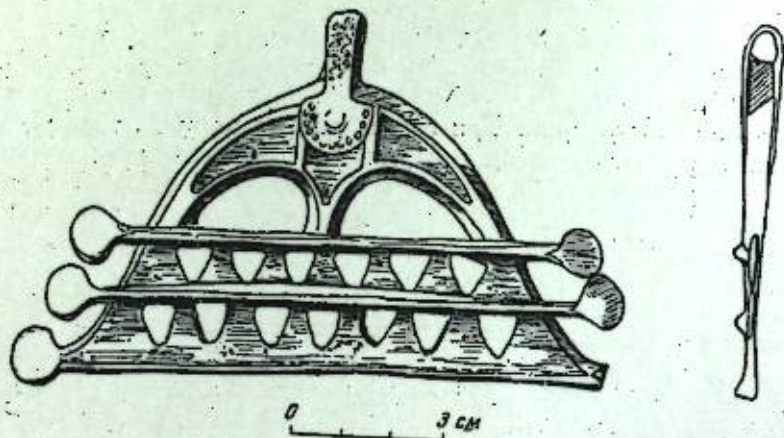

Рис. 19. Подвеска из Орловского музея

Кажется возможным говорить о местном изготовлении целой группы бронзовых вещей, локализуемых в верховьях р. Швентойи. Местные мастера выработали особый, присущий только данной области, стиль, оказавший влияние на производство вещей далеко за пределами этой территории. Причем можно говорить не только о подражании, но и о непосредственном продолжении традиций швентойских мастеров. В областях Среднего Поднепровья и верховьев Оки можно проследить те же стилевые элементы, что и в Восточной Литве. Однако формы вещей с эмалью за пределами литовской территории несколько видоизменяются.

Это вполне понятно, так как в Среднем Поднепровье уже ранее изготавливались вещи с эмалью, несколько отличавшиеся по форме и орнаментировке от изделий швентойских мастеров. К тому же не исключено воздействие на днепровско-окское производство еще одного центра изготов-

ления предметов с эмалью — района Мазурских озер. В связи с этим подвески типа Дусетос — Эйкотишкес в Среднем Поднепровье несколько видоизменяются и приобретают элементы, до тех пор им не присущие (рис. 21). Известный экземпляр, найденный в с. Межигорье⁶, сделан по тем же принципам, что и подвески Эйкотишкес — Дусетос, но конструкция вещи сильно изменилась. Головная часть, украшенная эмалью, сужена кверху и разделена зигзагообразной пластиной, тогда как две перекладки основания сдвинуты к низу подвески. Таким образом образовался очень широкий арочный проем в центре вещи, который мастер попытался раз-

Рис. 20. Карта распространения подвесок типа Эйкотишкес — Дусетос

сделать с помощью четырех пересекающихся зигзагообразных пластинок. Возможно, что здесь проявились элементы, свойственные подвескам из Межигонис⁷. Характерной особенностью межигорского экземпляра являются ажурные прямоугольники по концам основания, приспособленные для крепления цепочек. Вероятно, местоположение подвески в комплексе украшений сильно изменилось. Если в предыдущих случаях подвеска замыкала этот комплекс, то межигорский экземпляр уже служит составным звеном украшения. Очень близкой по стилю к межигорской является привеска из с. Килов Бориспольского р-она Киевской обл.⁸ Она несколько упрощена по сравнению с предыдущей находкой, но сохраняет некоторые из основных ее признаков. Совершенно исчезли перекладки основания, и концы подвески соединяются лишь узкой пластиной с зигзагообразным рельефным орнаментом. Хорошо прослеживаются вытянутая кверху головная часть, украшенная эмалью, и петли-прямоугольники по концам основания.

К этому же подтипу подвесок можно отнести вещь, найденную Н. И. Булычевым в числе других вещей с эмалью в составе клада на Мошинском городище⁹. На этом экземпляре почти не обнаруживаются характерные особенности подвесок Эйкотишкес — Дусетос, но обращает на себя внимание дальнейшее развитие элементов межигорской вещи. Кроме того, сказывается влияние так называемых треугольных фибул, обнаруженных в том же клада. Прямоугольники для подвешивания цепочек оказываются включенными в общий контур подвески. Появление контурной пластины является уже характерной чертой треугольных фибул. Эмалевое украшение приобрело вид треугольных щитков, присущих тем же фибулам.

³ И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси, вып. I, табл. XIX. Киев, 1896.

⁴ Ф. В. Покровский. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине Литвы. «Тр. IX АС», т. II, 1897, рис. 18, 19.

⁵ Е. А. Петровская, Р. А. Юра. Бронзовая бляха с эмалью. КСИА АН УССР, вып. 12, 1962, стр. 92, 93.

⁶ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. IX.

¹ H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. chr. (отд. оттиск). Tartu, 1938; Pr. Kulikauskas. Указ. соч., стр. 7—9.

² Pr. Kulikauskas. Указ. соч., табл. XI, 3, 4.

³ K. Volkaitė-Kulikausienė. Senovės lietuvių moterų galvos dangų ir jos papuošalai. «Is Lietuvių Kultūros Istorijos», II, стр. 51, р. 23. Vilnius, 1959.

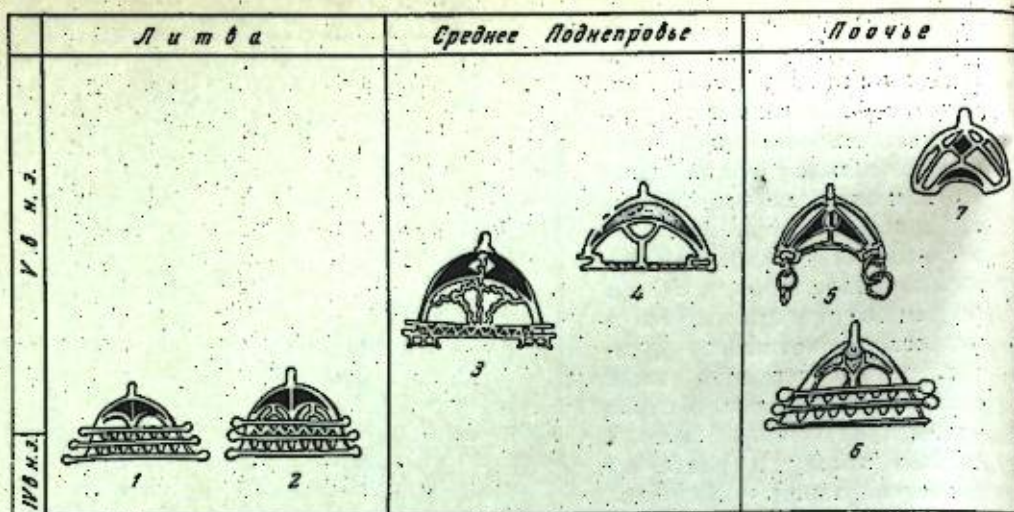

Рис. 21. Подвески IV—V вв., найденные в Литве, Среднем Поднепрорье и Поочье
1 — Эйкотишкес; 2 — Дусетос; 3 — Межгонь; 4 — Клов; 5 — Мошин; 6 — Орел; 7 — Моршанск

Последней в ряду подвесок этого типа можно назвать экземпляр, хранящийся в Моршанском музее¹⁰. Эта вещь сохраняет сходство лишь с подвеской Мошинского городища, но и то лишь в сильно упрощенном виде.

Таким образом, развитие основного типа подвесок Эйкотишкес — Дусетос дает целый эволюционный ряд, первые экземпляры которого были изготовлены в области течения р. Швентойи, затем в Среднем Поднепрорье и, наконец, в Поочье. Этот тип подвесок не только испытал на себе влияние других типов и даже категорий вещей, но и сам в свою очередь оказал на них сильное воздействие. Так, в области, заключенной между Киевом и Борзной, с одной стороны, и Харьковом и Белгородом, с другой, на базе подвесок типа Межонис возникает подтип с элементами Эйкотишкес — Дусетос. Примером может служить экземпляр, найденный в с. Борзны Черниговской области¹¹. Верхняя головная пластина копирует швентойские образцы, в то время как основание приближается к типу Межонис.

Датировка вещей с выемчатой эмалью — очень сложна. Большинство экземпляров представляет собой случайные находки, не имеющие достоверного комплекса. Поэтому при попытках датировки необходимо основываться на суммарных данных, полученных при анализе как каждой вещи в отдельности, так и всего сопровождающего инвентаря.

В районе верховья р. Швентойи все находки сделаны в области восточнолитовских курганов. Комплекс каждого погребения установить часто невозможно, и поэтому для начала необходимо учитывать сочетание всех вещей, сделанных одновременно с украшениями с выемчатой эмалью.

Находки в Эйкотишкес были обнаружены возле скелетов в 1934 г.¹² Здесь же найдена фибула со звездчатой ножкой. По стилю обработки последняя относится к вещам с эмалью. Она имеет скосы поверхности, разделенные выступами, близкими к тем, которые можно обнаружить на «треугольных» фибулах. Подобные фибулы со звездчатой ножкой найдены в погребении 5-в Рудайчай, район Кретинга¹³, в Тубаусяй того же рай-

¹⁰ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 152.

¹¹ М. Макаренко. Борзенські емалі та старі емалі України взагалі. Київ, 1927, табл. 3.

¹² Каунасский исторический музей. Инв. № 661: 1—12.

¹³ «Литовское народное искусство». Вильнюс, 1958, рис. 311, 312.

она¹⁴. Они определяются V—VI вв. н. э. Из датирующих вещей в Эйкотишкес найдена еще булава с бочонковидной головкой. Она относится к серии вещей III—IV вв. н. э.¹⁵ Таким образом, вещи, найденные в 1934 г. в Эйкотишкес, можно отнести ко времени IV—VI вв. н. э. Находки в Дусетос были сделаны в 1931 г.¹⁶ Обращает на себя внимание гривна с конусовидными, высокими концами, которые обычно датируются серединой I тысячелетия н. э. Подобную же дату имеют две прямоугольные бляхи с ушками. Бляхи орнаментированы в стиле вещей с эмалью. Хорошо прослеживается имитация перекладки с расплюснутыми концами. Кроме того, скосы боковых пластин и ажурная поверхность указывают на близость не только к подвескам, но и к треугольным фибулам. Вероятно, весь комплекс вещей из Дусетос можно отнести к середине I тысячелетия н. э. Может быть, следует за начальную дату принять конец IV в. н. э. Вещи из Жадавейняй, видимо, датируются тем же временем, что можно подтвердить находкой бронзовой гривны с конусовидными концами¹⁷. В комплексе находок из Ракенай необходимо отметить фрагмент такой же гривны с конусовидным концом, но с широкой дужкой и серию височных колец, среди которых есть кольца с загнутым внутрь концом (восточнолитовского типа¹⁸). Подобные кольца Р. Волкайте-Куликаускаене датирует V в. н. э.¹⁹ Таким образом, большинство вещей, найденных одновременно с предметами, украшенными эмалью, относятся к середине I тысячелетия н. э.

Для определения даты предметов с выемчатой эмалью можно воспользоваться косвенными данными.

Как отмечалось выше, височные кольца восточнолитовского типа из Дусетос, Жадавейняй, Ракенай и Эйкотишкес²⁰ имеют тот же ареал, что и находки с эмалью. К тому же такие височные кольца известны только в тех памятниках, где встречены вещи с эмалью. Представляется возможным связать два узколокальных производства этих категорий вещей. Следовательно, дата колец восточнолитовского типа будет, вероятно, приемлема для находок, орнаментированных выемчатой эмалью. А. З. Таутавичюс, рассматривая комплексы восточнолитовских курганов, относит погребения с труположением к IV—V и даже к началу VI в. н. э.²¹ Одним из наиболее поздних он считает погребения с фибулой со звездчатой ножкой из Эйкотишкес.

В могильнике «С» Ябара Кивийлиского р-она (Эстония) найдена подковообразная фибула с эмалью, украшенная отрезками-луныцами²². Эта вещь является импортом из области р. Швентойи и аналогична фибулам типа Ракенай. М. Х. Шмидехельм эту фибулу, как и булаву с конической головкой, найденную там же, датирует V—VI вв. н. э.²³ Фибула абсолютно чужда материалу могильника «С». Ее датировку, по всей вероятности, можно распространить на всю серию подковообразных фибул с отрезками.

Итак, как будто все данные говорят за то, что производство вещей с выемчатой эмалью в области верхнего течения р. Швентойи относится

¹⁴ Там же, рис. 310.

¹⁵ P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, стр. 214.

¹⁶ Каунасский исторический музей. Инв. № 659: 1—11.

¹⁷ Там же, инв. № 660: 2—11.

¹⁸ Там же, инв. № 658: 1—18.

¹⁹ R. Volkaite-Kulikaskienė. Senoves lietuvių moterų galvos dangai ir jos pavidalai, стр. 39.

²⁰ Там же, стр. 51, рис. 23.

²¹ А. З. Таутавичюс. Восточнославянские курганы. «Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. I, М.: 1959, стр. 33.

²² М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родоплеменного строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1956, стр. 72, рис. 15, 1.

²³ Там же, стр. 73.

к середине I тысячелетия н. э. Кажется наиболее вероятным, что мастерские в этом районе начали функционировать в конце IV в. н. э. и наибольшего расцвета достигли в V в. н. э., когда, видимо, и начался вывоз украшений в другие области.

Подвеска Орловского музея, как и вещи из Эйкотишкес и Дусетос, имеет три перекадины в основании. Такие перекадины возникли под влиянием перекадчатых фибул, широко распространенных в Прибалтике. Длинные тонкие перекадины были характерны для второй ступени клайпедской группы перекадчатых фибул²⁴ и для некоторых серий северо-восточных прибалтийских вариантов²⁵. Как первые, так и вторые в качестве украшений имели утолщения по концам перекадины. Большинство таких фибул датируется IV в. н. э. Однако перекадины изучаемых подвесок типологически ближе к перекадинам поздних серий перекадчатых и треугольных фибул. Шишечки-утолщения превращаются на последних в расплющенные кружки.

Если наиболее поздние варианты перекадчатых фибул датируются временем V—VI вв. н. э.²⁶, то вполне вероятно датировать вещи с длинными тонкими перекадинами, имеющими круглые расплющенные окончания, V в. н. э. В то столетие подобные перекадины появляются на различных категориях вещей, связанных с производством украшений с эмалью. Имея исходным вариантом перекадчатые фибулы III—IV вв. н. э., перекадины становятся элементами прямоугольных блях (Эйкотишкес) и даже цепи охотничьего рога, найденной в Лиел-Пудери²⁷ (Латвия). Причем перекадины этой находки аналогичны подобным элементам подвесок. Х. А. Моора датирует цепь из Лиел-Пудери V в. н. э.²⁸

Таким образом, подвеска Орловского музея, имеющая в основании перекадины с расплющенными концами, должна быть отнесена также к V в. н. э.

«Треугольная» подвеска, найденная в г. Орле, является импортом из района верховьев р. Швентойи, который получил распространение в V в. н. э. Подобные подвески являлись одной из категорий вещей, украшенных эмалью, начавших изготавливаться швентойскими мастерами с конца IV — начала V в. н. э.

М. Ф. КОСАРЕВ

К ВОПРОСУ О КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Комплексы кулайского типа в Нарымском Приобье были выделены П. И. Мягковым. Он первым из исследователей Сибири отметил своеобразие материала, найденного на горе Кулайке (р. Чая, Томская область), и обратил внимание на особый «нарымский» колорит кулайских медно-бронзовых изделий¹. Позднее к кулайским комплексам неоднократно обращался В. Н. Чернецов, который справедливо указал на значительное сходство кулайского литья с металлургическими изделиями из других районов таежного Приобья и включил Кулайку в круг культур раннежелезного века, родственных и синхронных Усть-Полую².

Находки кулайского типа происходят почти исключительно из жертвенных мест и кладов. Видимо, поэтому кулайские комплексы включают в основном предметы культового назначения — стилизованные фигурки животных, птиц, антропоморфных существ и т. д. Ниже мы рассмотрим вкратце основные категории кулайских медно-бронзовых изделий.

1. Изображения лося (гора Кулайка, рис. 22, 1—3; местонахождение на р. Бокчар³, Кривошенинский клад⁴ и др.) относятся к предметам так называемого плоского литья. Хорошо передан своеобразный овал носовой части головы животного. Глаза и ноздри обозначались сквозными отверстиями. Рот в большинстве случаев открыт, шея несколько вытянута вперед. Ноги по сравнению с общим размером изображения непропорционально малы, причем передние конечности по своеобразию согнутости их в коленном суставе иногда напоминают лапы хищника (рис. 22, 2); в отдельных случаях они трехпалы или четырехпалы (рис. 22, 5).

Стилистической особенностью кулайских лосей являются их ажурность и детализировка внутреннего строения туловища («скелетный» мотив). Встречены фигурки лосей с несколькими головами (Кривошенинский клад⁵). В Кривошенинском кладе есть также изображения лосей, внутри туловища которых обозначены сердце или маленький лось⁶.

2. Древовидные зооморфные фигурки (гора Кулайка, рис. 22, 8, 12; Бокчарское местонахождение⁷, Кривошенинский клад⁸) внешне восприни-

¹ П. И. Мягков. Древности Нарымского края. ТТКМ, т. II, 1929.

² В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени. МИА, № 35, 1953; он же. Усть-полуйское время в Приобье. МИА, № 35, 1953.

³ П. И. Мягков. Указ. соч., табл. I, 13, 15, 16.

⁴ Р. А. Ураев. Кривошенинский клад. ТТОКМ, т. V, 1956, табл. I, 3—5; II, 1, 6.

⁵ Там же, табл. II, 1.

⁶ Там же, табл. I, 3, 4.

⁷ П. И. Мягков. Указ. соч., табл. I, 1, 8.

⁸ Р. А. Ураев. Указ. соч., табл. III, 9.

²⁴ Н. Моора. Указ. соч., стр. 95.

²⁵ Там же, стр. 92.

²⁶ Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, № 108, стр. 94.

²⁷ Н. Моора. Указ. соч., рис. 69, 3.

²⁸ Там же, стр. 483.

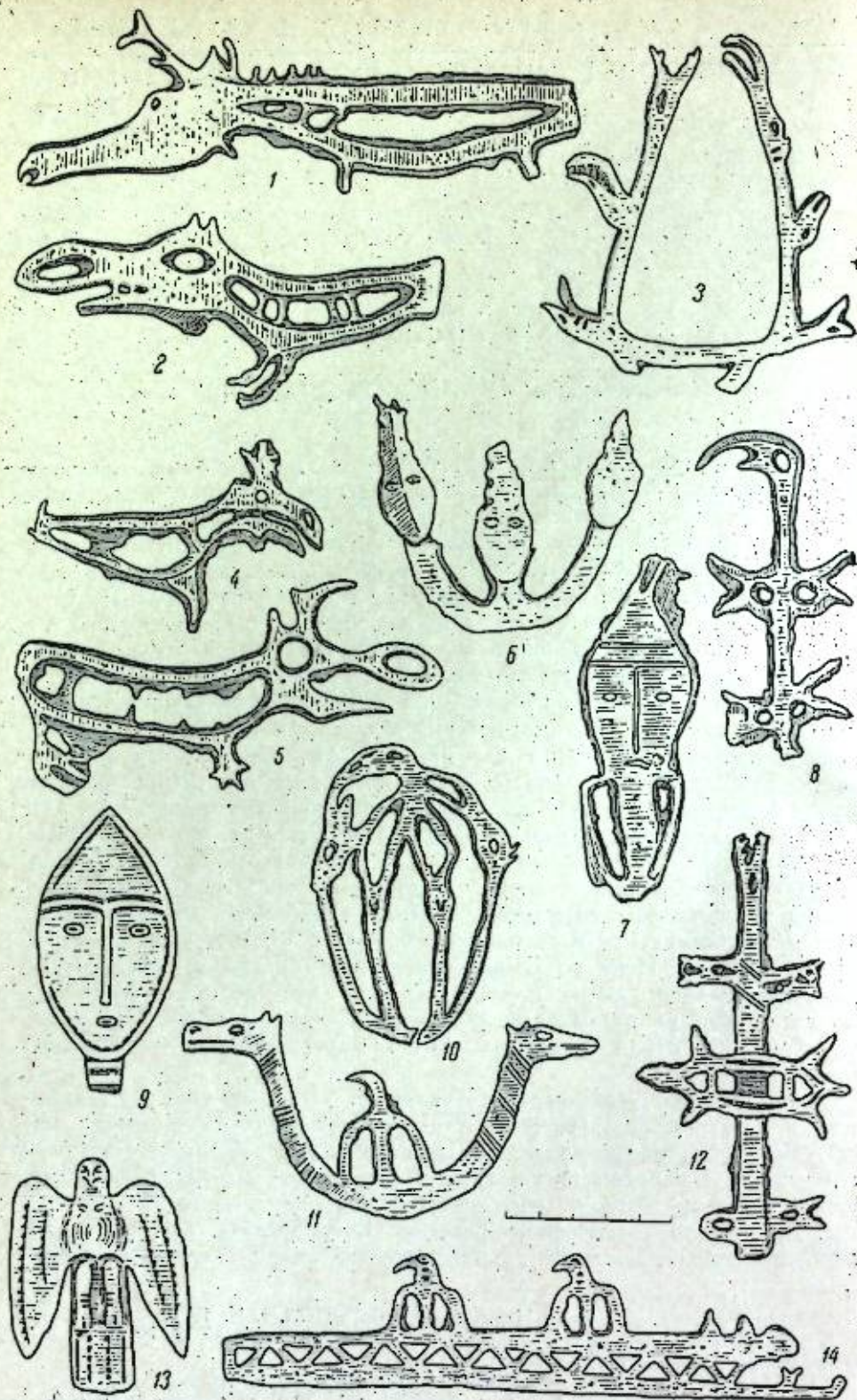

Рис. 22. Зооморфное и антропоморфное литье кулайского типа из Нарымского Приобья
 1—3, 5, 6, 8—12 — гора Кулайка, р. Чап; 4 — р. Бокчар, приток Чап; 7 — Смолокуровское городище (инзюва
 р. Чулым); 13 — р. Чижанка, приток Чап; 14 — р. Нюраса, приток Чап

маются как ствол дерева, увенчанный головой птицы или зверя, от которого в обе стороны отходят головы лося или хищных животных. Эта категория изображений очень разнообразна и обнаруживает разную степень стилизации — от достаточно реалистических до предельно схематичных. Представляется несомненным стремление мастера соединить в одном изображении несколько различных зооморфных существ, показать их единство, неразрывную связь.

К этой категории предметов примыкают изделия в виде двух симметрично расположенных и обращенных друг к другу голов животных — лося⁹, змеи и лося (рис. 22, 3). В парном изображении змеи и лося (гора Кулайка) поза змеи, судя по характерной изогнутости туловища, раскрытой пасти и т. д., выражает явную агрессивность.

Несколько особняком стоит подковообразный предмет, завершающийся в верхней части головами животных, видовой принадлежности которых определить весьма трудно (гора Кулайка, рис. 22, 11). В нижней части подковы находится небольшая фигурка хищной птицы. Морды животных повернуты в разные стороны и в отличие от других зооморфных фигур лишены всякой экспрессии. Длинные шеи украшены несколькими рядами поперечных валиков.

3. На антропоморфных идолах (гора Кулайка, местонахождения на реках Бундюр и Бокчар, Кривошеинский клад¹⁰, Смолокуровское городище, рис. 22, 7) четко обозначены лишь голова и туловище. В верхней части лба нередко изображался ряд рельефных линий, образующих горизонтальную лесенку¹¹. Глаза и рот трактовались рельефными овалами или изображались в виде прямых рельефных черточек. Достаточно характерен «скелетный» мотив в изображении туловища¹².

В кулайских комплексах встречены антропоморфные личины, а также двойные и даже тройные изображения человеческих фигур (рис. 22, 6, 9)¹³.

4. Фигурки птиц (р. Чижанка, рис. 22, 13; р. Бокчар, рис. 23, 5; дер. Малая Пиковка, рис. 23, 6; Кривошеинский клад¹⁴ и др.). Основными объектами изображения были филин (сова?) и другие хищные птицы. Птицевидные фигурки почти всегда изображались в фас. Голова выполнялась рельефно, а детали лица (глаза, линия рта вдоль клюва) наносились прочерченными линиями. Крылья во всех случаях развернуты и опущены вниз. И крылья, и туловище нередко украшались пунктирными линиями, продольными желобками, волнистыми линиями, лестничным узором и т. д. (рис. 22, 13; 23, 6). На груди отдельных птицевидных фигур имеются рисунки человеческого лица (рис. 23, 6). Лапы птиц обозначены рельефными утолщениями или выгравированы уже после отливки. Наряду с небольшими по размерам фигурками встречаются довольно крупные (дер. Малая Пиковка, рис. 23, 2; гора Кулайка, рис. 23, 5). Хвостовое оперение птицы из Малой Пиковки трактовано как зубья гребенки. Головы некоторых птицевидных изображений имеют антропоморфные черты (рис. 23, 6).

5. Скульптурные навершия. Выполнены в реалистическом стиле и в отличие от других кулайских изделий относятся к предметам полого литья. Нам известны навершия в виде головы хищной птицы (дер. Малая Пиков-

⁹ П. И. Мягков. Указ. соч., табл. I, 4; Р. А. Ураев. Указ. соч., табл. I, 6.

¹⁰ П. И. Мягков. Указ. соч., табл. III, 1—4; Р. А. Ураев. Указ. соч., табл. I, 1, 3.

¹¹ П. И. Мягков. Указ. соч., табл. III, 1, 2; Р. А. Ураев. Указ. соч., табл. I, 1.

¹² П. И. Мягков. Указ. соч.; Р. А. Ураев. Указ. соч.

¹³ П. И. Мягков. Указ. соч., табл. III, 5, 6; Р. А. Ураев. Указ. соч., табл. III, 1.

¹⁴ Р. А. Ураев. Указ. соч., табл. II, 3.

ка, рис. 23, 4)¹⁵, головы кабана (р. Нюрса)¹⁶ и головы рыбы (р. Чижапка)¹⁷. На навершиях из Малой Пиковки и Нюрсы имеется орнамент в виде двух параллельных волнистых линий, идущих от глаза к затылочной части.

6. Четырехугольные ажурные решетки. В Томском областном краеведческом музее хранятся три таких находки (р. Нюрса, рис. 22, 14; гора Кулайка¹⁸ и Кривошенинский клад¹⁹). В верхней части двух первых решеток изображен ряд хищных птиц с опущенными крыльями и повернутыми в сторону клювами. Решетка из Кривошенинского клада украшена головами какого-то животного, скорее всего лоса.

7. Наконечники стрел (г. Кулайка, рис. 23, 7)²⁰. Почти все известные наконечники кулайского типа — трехлопастные. Они имеют скрытую втулку, причем лопасти выступают за втулку, образуя жальца. Кулайские наконечники крупнее и массивнее скифо-тагарских. В этом отношении они напоминают усть-полуйские стрелы. Однако наконечники Усть-Полуя имеют выступающую втулку и более широкие лопасти²¹. Особенностью кулайских наконечников является и то, что лопасти сужаются не плавно, а наклонным уступом в средней части.

Интересно, что кулайские бронзовые копья — тоже трехлопастные. Всего известно три экземпляра таких копий. Первое (дер. Мурзино, Колпашевский р-он Томской области, рис. 23, 10) было найдено с гранчато-обушковым чеканом. Подобные чеканы, по классификации С. В. Киселева, относятся к I стадии тагарской культуры. Другое (пос. Дунаево, Колпашевский р-он) было обнаружено вместе с ажурным навершием (рис. 23, 9), имеющим аналогию в Есаульском кладе под Красноярском (тагарское время)²². Третье происходит «откуда-то из Нарымского края»²³. Его лопасти покрыты рисунками рыб, лосей и антропоморфных личин, выполненными в обычном кулайском стиле.

Перечисленные выше трехлопастные наконечники копий очень велики по размерам, имеют длинную втулку и сравнительно короткие и неширокие лопасти. Их пропорции в общем близки сейминским, что, возможно, является свидетельством какой-то опосредствованной генетической связи некоторых категорий кулайских бронзовых орудий с сейминскими.

Традиция трехлопастности в Томско-Нарымском Приобье выработалась очень рано — еще в бронзовом веке. Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с черешком был найден В. И. Матющенко на Еловском поселении (южная часть Томской области) в комплексе с андронидной по обранку керамикой. Трехлопастная бронзовая буса, имитирующая втульчатый наконечник стрелы, обнаружена нами на Десятковском поселении (низовья Чульма, бронзовый век).

Богатство и разнообразие кулайских медно-бронзовых изделий не исчерпывается описанными вещами. Мы охарактеризовали лишь наиболее многочисленные группы кулайских находок, исключив из рассмотрения категории, представленные единичными вещами, так как последние могут оказаться нетипичными для кулайской культуры.

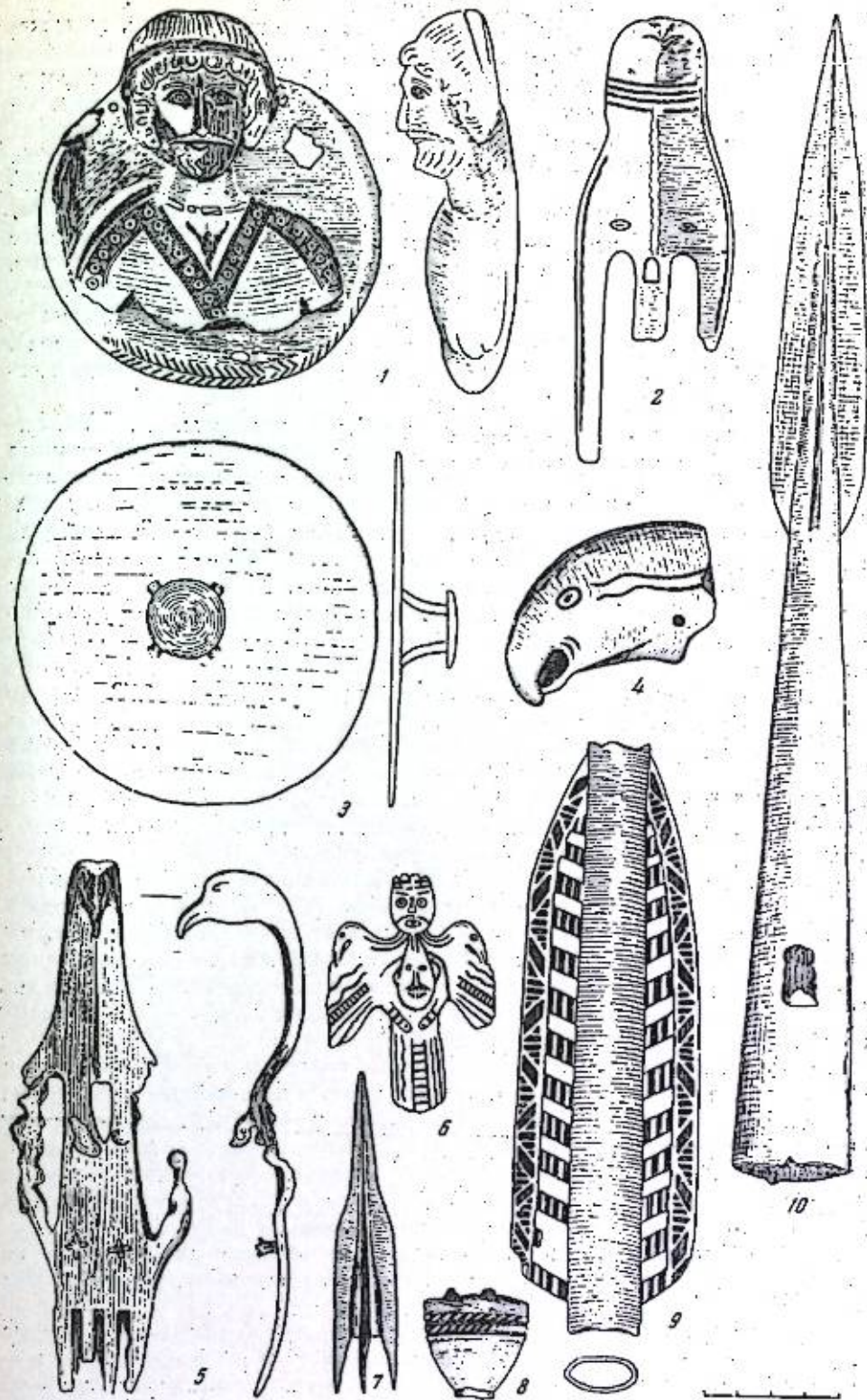

Рис. 23. Находки кулайского времени из разных мест Нарымского Приобья

1—4, 6 — дер. Малая Пиковка (Колпашевский р-он Томской обл.); 5, 7, 8 — гора Кулайка, р. Чап; 9 — дер. Мурзино (Колпашевский р-он Томской обл.); 10 — дер. Дунаево (Колпашевский р-он Томской обл.)

¹⁵ Такое же навершие было найдено на р. Нюрсе (см.: П. И. Мягков. Указ. соч., табл. II, 7).

¹⁶ Там же, табл. II, 9.

¹⁷ Там же, табл. II, 8.

¹⁸ Там же, табл. II, 17.

¹⁹ Р. А. Ураев. Указ. соч., табл. III, 4.

²⁰ Всего в разных местах Нарымского Приобья было найдено несколько десятков бронзовых наконечников кулайского типа. Значительная часть из них опубликована (см.: П. И. Мягков. Находки на горе Кулайке. ТТКМ, т. I, 1927).

²¹ В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени. МИА, № 35, 1953, табл. II.

²² Р. В. Николаев. Есаульский клад. СА, 1961, № 3, рис. 1, 13.

²³ В. Н. Чернецов. Усть-полуйское время в Приобье, рис. 1.

Вне Нарымского Приобья пока известен лишь один комплекс, содержащий предметы кулайского типа. Это — Мурлинский клад, найденный в Среднем Прииртышье, недалеко от устья Тары²⁴. Среди вещей Мурлинского клада имеются несколько кулайских наконечников стрел, птицевидный идол, очень похожий на изображение птицы из дер. Малая Пиковка (рис. 23, 2), и ажурные изображения лося, близкие по стилю кулайским. Видимо, западная окраина распространения кулайской культуры подходила близко к Иртышу, но в целом ее ареал вряд ли выходил далеко за пределы Нарымского Приобья — во всяком случае материал раннежелезного века из Тюменской области и Красноярского края, насколько можно судить по имеющимся находкам, отличен от кулайского и сопоставим с ним лишь по немногим деталям и некоторым стилистическим элементам (Усть-Полуйское городище, Ишимский и Есаульскийклады, Айдашинская пещера), причем эти сопоставимые признаки касаются не комплексов в целом, а отдельных вещей и отчасти техники литья.

Характеризуя бронзовые изделия кулайской культуры, П. И. Мягков подчеркивал наличие в облике кулайских находок некоторых степных черт (навершие в виде головы кабана, известная скифоидность кулайских наконечников стрел, находки в кулайских комплексах бронзовых котлов, напоминающих «скифские», и т. д.). Он пришел к выводу, что кулайская культура возникла на степной основе при участии северных таежных воздействий. В сложении кулайской культуры П. И. Мягков видел процесс постепенного перехода «от степной культуры к культуре преимущественно леса»²⁵. Мы считаем эту точку зрения правильной и хотели бы несколько конкретизировать ее и привести новые доказательства.

До последнего времени основным препятствием в решении вопроса о происхождении кулайской культуры являлась слабая изученность местных памятников бронзового века и неудачи в поисках Кулайских поселений. Жертвенные места иклады содержат лишь металлические вещи и не дают керамики, а керамика (и прежде всего орнаменты) является, как известно, основным критерием при выявлении генетической преемственности и этнической принадлежности древнего населения.

В результате последних работ В. И. Матюшенко в бассейне Томи и в левобережной части Томской области, а также А. П. Дульзона и автора в низовьях Чулыма было раскопано несколько памятников эпохи бронзы, которые вместе с известными ранее комплексами позволяют более определенно представить себе историко-культурное развитие Среднего Обь-Иртышья и Нарымского Приобья во II и начале I тысячелетия до н. э. — т. е. в период, предшествующий кулайской культуре.

Накопленный археологический материал свидетельствует о том, что в конце неолитической эпохи наметились очень существенные культурные различия между западной (тоболо-иртышской) и восточной (томско-нарымской) частями этой территории. Тоболо-Иртышье раньше других областей Западной Сибири — еще на заре эпохи металла — вступило в активные контакты со степными культурами Казахстана, а позднее было втянуто в сферу андроновских влияний. Во второй половине II тысячелетия до н. э. в лесном и лесостепном Тоболо-Иртышье складываются андронидные по облику культуры, из которых наиболее изучена сузунская в низовьях Тобола²⁶.

Томско-Нарымское Приобье развивается более изолированно, и многие автохтонные признаки, общие в неолите для всей Западной Сибири, живут здесь на протяжении всего бронзового века. Особенно хорошо это видно на орнаментации глиняной посуды. Так, для керамики Самусьского

IV поселения в низовьях Томи (развитой бронзовый век)²⁷ характерны в орнаменте волнистые узоры, сплошные взаимопроницающие треугольные зоны, псевдоплетенка, «отступающая» гребенка (рис. 24, 1, 2, 4)²⁸, т. е. архаичные неолитоидные элементы, исчезнувшие в большей части Западной Сибири еще на рубеже III и II тысячелетий до н. э.

Таким образом, во II тысячелетии до н. э. в лесном и лесостепном Обь-Иртышье оформляются две разные культурные традиции, две параллельные линии развития — андронидная (тоболо-иртышская) и автохтонная (томско-нарымская), последнюю мы иногда называем «самусьской» (по наиболее изученной группе памятников бронзового века близ пос. Самусь в низовьях Томи).

В последней четверти II тысячелетия до н. э. наблюдается экспансивное распространение части иртышского населения, жившего на территории омского лесостепья, на северо-восток — в южную часть томско-нарымской тайги. В результате этого продвижения на Томи и Чулыме утвердилось новая, андронидная по облику культура, носители которой были знакомы со скотоводством и земледелием. Эту новую культуру мы назвали еловской²⁹ (по Еловскому поселению; раскопки В. И. Матюшенко, 1960—1961 гг., Кожениковский р-он Томской обл.). Приход скотоводческо-земледельческого населения в Томско-Чулымскую тайгу был подготовлен, видимо, происходившим в это время ландшафтным сдвигом на север, зафиксированном по почвенным, палеоботаническим и другим данным³⁰.

Однако проникновение еловцев в районы искомого обитания самусьских племен не привела к прекращению самусьской линии развития. Потомки древнего самусьского населения продолжают жить в северных районах Нарымского Приобья. В переходное время от бронзового века к железному носители автохтонной самусьской линии развития начинают возвращаться в южные районы Томской обл. (Притомье, Причулымье), вступая в активные взаимодействия с занявшими эту территорию еловскими племенами.

При изучении керамики еловского типа на Десятковском поселении в низовьях Чулыма хорошо видно, как в андронидные еловские орнаменты все более и более внедряется таежный (позднесамусьский) элемент (волна, «отступающая» гребенка, псевдоплетенка, гладкая качалка и т. д.)³¹, а еловские геометрические узоры (взаимопроницающие резные треугольники, уточки, меандр, свастика) постепенно мельчают и трансформируются в геометрические штампы³². Я высказал предположение, что этот ассимилятивный процесс характеризует начало сложения кулайской культуры³³.

В течение нескольких последних лет Нарымский отряд Западно-сибирской экспедиции проводил раскопки на немногих уцелевших частях однослойного Смолокуровского городища³⁴.

²⁷ Самусьское IV поселение хорошо датируется найденными здесь в большом количестве литейными формами кельтов турбинского типа.

²⁸ См. также: В. И. Матюшенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях Томи. СА, 1959, № 4, рис. 6.

²⁹ М. Ф. Косарев. Десятковское поселение. КСИА, вып. 97, 1964; он же. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья. СА, 1961, № 3, рис. 1; А. П. Баранес, М. Ф. Косарев, В. Д. Славини. Еловский археологический комплекс. «Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири». Томск, 1966.

³⁰ М. Ф. Косарев. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья.
³¹ М. Ф. Косарев. Десятковское поселение. КСИА, вып. 97, 1964, рис. 27—29; он же. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья, рис. 3.

³² М. Ф. Косарев. К вопросу о степном компоненте в культурах железного века лесного Приобья. СА, 1964, № 2, рис. 1; он же. О некоторых обских орнаментах. КСИА, вып. 101, 1964, рис. 12.

³³ М. Ф. Косарев. О некоторых обских орнаментах, стр. 48; он же. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья. СА, 1966, № 2, стр. 31.

³⁴ Материал из разведочных раскопок В. С. Снялева и Е. М. Пеняева в 1946 и 1949 гг. Смолокуровского городища хранится в археологическом музее Томского университета.

²⁴ В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени, табл. XI—XII.

²⁵ П. И. Мягков. Указ. соч., стр. 83, 84.

²⁶ В. И. Мошинская. Сузун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 58, 1957.

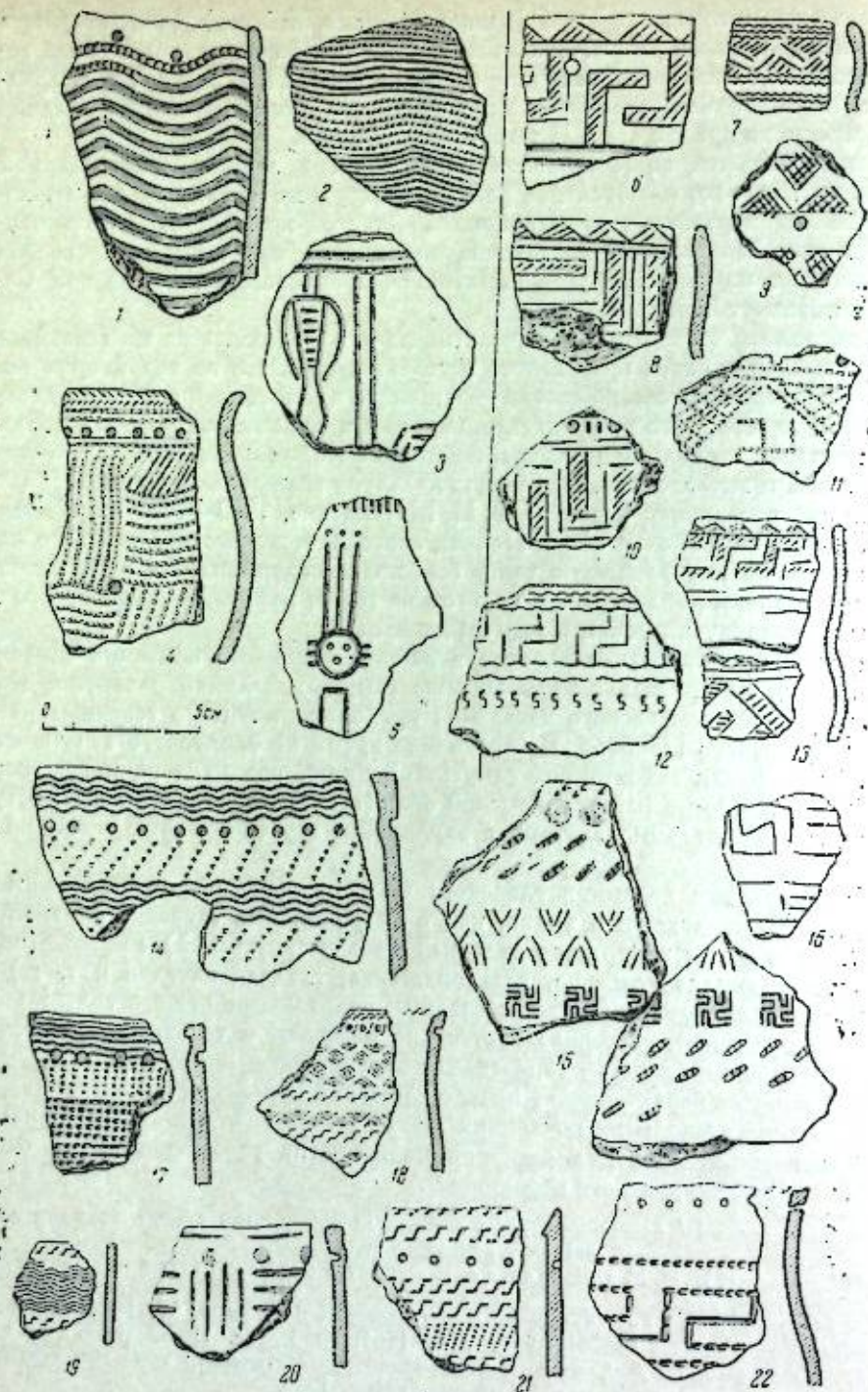

Рис. 24. Керамика из раскопок поселений кулайской культуры
 1—5 — Самусьское IV поселение (низовья Томи); 6—11, 13 — Десятковское поселение (низовья Чулым); 12 — го-
 родище Остятская гора у пос. Молчаново близ устья Чулым; 14—22 — Смолокуровское городище (низовья
 Чулым)

Орнаментация посуды городища — очень своеобразна. С одной сторо-
 ны, для нее обычны элементы, генетически сопоставимые с геометрически-
 ми орнаментами на керамике еловской культуры — меандр (рис. 24, 16, 22;
 ср. с рис. 24, 7, 9), штамп-уточка (рис. 24, 21; ср. с рис. 24, 12),
 ступенчатый штамп (рис. 24, 18; ср. с рис. 24, 12), штамп-свастика
 (рис. 24, 15; ср. с рис. 24, 11) и т. д.; с другой стороны, в орнаменте посу-
 ды из Смолокуровки присутствуют архаичные лесные мотивы, издревле ха-
 рактерные для керамики самусьской линии развития: волна (рис. 24, 14,
 19; ср. с рис. 24, 1), «отступающая» гребенка (рис. 24, 17; ср. с рис. 24, 2),
 псевдоплетенка (рис. 24, 20, ср. с рис. 24, 4) и т. д. Интересно отметить так-
 же, что кулайский антропоморфный стиль во многом превосходит рисун-
 ки человеческих фигур на керамике Самусьского IV поселения
 (рис. 24, 3, 5 — вертикальные линии на голове, «скелетный» мотив в изо-
 бражении туловища, опирающиеся на бедра руки и т. д.).

Бронзовая антропоморфная фигурка кулайского типа, найденная в
 1966 г. в культурном слое Смолокуровского городища, позволяет датиро-
 вать городище кулайским временем и отнести к кулайской культуре.

Томские археологи, исследовавшие в последнее время Молчановский
 курганный могильник (левобережье Оби, близ устья Чулым, VII—IX вв.
 н. э.), отмечают, что погребальный инвентарь этого памятника связан в ге-
 нетическом отношении как с более ранними кулайскими комплексами, так
 и с этнографическим материалом, характеризующим культуру и быт совре-
 менных нарымских селькупов (смешанная угро-самодийская группа насе-
 ления)³⁵. Нам кажется, что сложение кулайской культуры отражает ранние
 этапы этнического смешения угорских и самодийских племен, и в этом
 смысле кулайское население можно считать далекими предками нынешних
 нарымских селькупов. Предположение об угро-самодийской (древнеселькуп-
 ской) принадлежности кулайской культуры высказывал и Р. А. Ураев³⁶.

Связи кулайского населения со степными ираноязычными племенами,
 безусловно, имели место, но они не сыграли сколько-нибудь заметной роли
 в сложении кулайской культуры. Известная «скифоидность» некоторых ку-
 лайских бронзовых вещей (трехлопастные наконечники стрел, котлы и т. д.)
 скорее всего объясняется общими для скифо-сибирской территории генети-
 ческими корнями бронзовой металлургии, уходящими в турбинско-сеймин-
 ское и еловское время.

В пределах кулайского ареала мне известно лишь три предмета, безус-
 ловно южного происхождения, — тагарский гранчатообушковый чекан (дер.
 Мурзино, Колпашевский р-он Томской обл.), проушной топорик тагарско-
 го облика (гора Кулайка)³⁷ и серебряный медальон с изображением пар-
 фянского царя (дер. Малая Пиковка, рис. 23, 1)³⁸. Все эти вещи резко вы-
 деляются из собственно кулайских комплексов и сразу же определяются
 как привозные. Связи со скифо-тагарским миром были эпизодичны и носи-
 ли, видимо, экономический характер. Во всяком случае они не сказались
 существенно в облике кулайской культуры.

³⁵ Доклад Л. А. Павленок, прочитанный в Институте археологии на заседании урало-
 сибирской группы 15 января 1966 г.

³⁶ Р. А. Ураев. Указ. соч., стр. 345.

³⁷ П. И. Мягков. Указ. соч., табл. III, 8.

³⁸ Известна еще одна находка подобного медальона (Ханты-Мансийский националь-
 ный округ) (см.: Р. В. Книжало. Серебряная пластина с изображением парфя-
 нского царя. СА, 1959, № 2, рис. 1).

В. Е. СТОЯНОВ

ЗАУРАЛЬСКИЕ ЛЕСОСТЕПНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА¹

Начало специальным исследованиям зауральских лесостепных памятников раннего железного века положили П. А. Дмитриев и К. В. Сальников². Планомерное изучение поселений было начато К. В. Сальниковым в 1937 г. раскопками Гороховского («Чудаки») ³ городища. В конце 40-х и 50-е годы К. В. Сальников и Е. М. Берс произвели новые работы на поселениях железного века. На этой основе были созданы первые классификации и периодизации зауральских древностей⁴.

Начиная с 1961 г. зауральские памятники ежегодно исследуются Уральской археологической экспедицией. Сплошные маршрутные и рекогносцировочные обследования, раскопки одновременно на поселениях и могильниках дали обильный материал с территорий, ранее лишь затронутых исследованиями. Были раскопаны и многослойные поселения, сохранившие сравнительно хорошо последовательность древних напластований.

Зауральские поселения железного века можно подразделить на три подгруппы: первая — селища; вторая — городища; третья — поселения с городищами, состоящие из двух взаимосвязанных частей — укрепленной (городища) и неукрепленной (селища). Последняя составляет непосредственное продолжение первой, часто значительно более обширное (Воробьевское на р. Исети, Гороховское на р. Юргамыш, левом притоке р. Тобола и др.).

Городища очень многообразны. Прежде всего следует отметить различия в форме площадок. Она обуславливалась естественными очертаниями участка террасы и конфигурацией дерево-земляных оборонительных сооружений (валов, рвов и т. п.). Второй фактор существеннее, так как в зави-

¹ Доклад, прочитанный на заседании сектора скифо-сарматской археологии 22 марта 1967 г.

² П. А. Дмитриев. Мисовские стоянки и курганы. «Тр. секции археологии РАНИОН», вып. IV, 1929.

³ К. В. Сальников. Три года работы на городище «Чудаки». КСИИМК, вып. V, 1940; он же. Городище Чудаки Челябинской области (по раскопкам 1937 г.). СА, IX, 1940.

⁴ К. В. Сальников. Исетские древние поселения. СА, XXV, 1956; он же. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала. Свердловск, 1960; он же. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, 1961, № 2; он же. Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала. Сб. «Вопросы археологии Урала», вып. I. Свердловск, 1961; он же. Иткульская культура (к вопросу о «зауральском анамнезе»). Сб. «Краеведческие записки», вып. II. Челябинск, 1962; Е. М. Берс. Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья. Сб. «Вопросы истории Урала». Свердловск, 1958; она же. Памятники и керамика гамаюнской культуры. Сб. «Из истории Урала». Свердловск, 1960; она же. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.

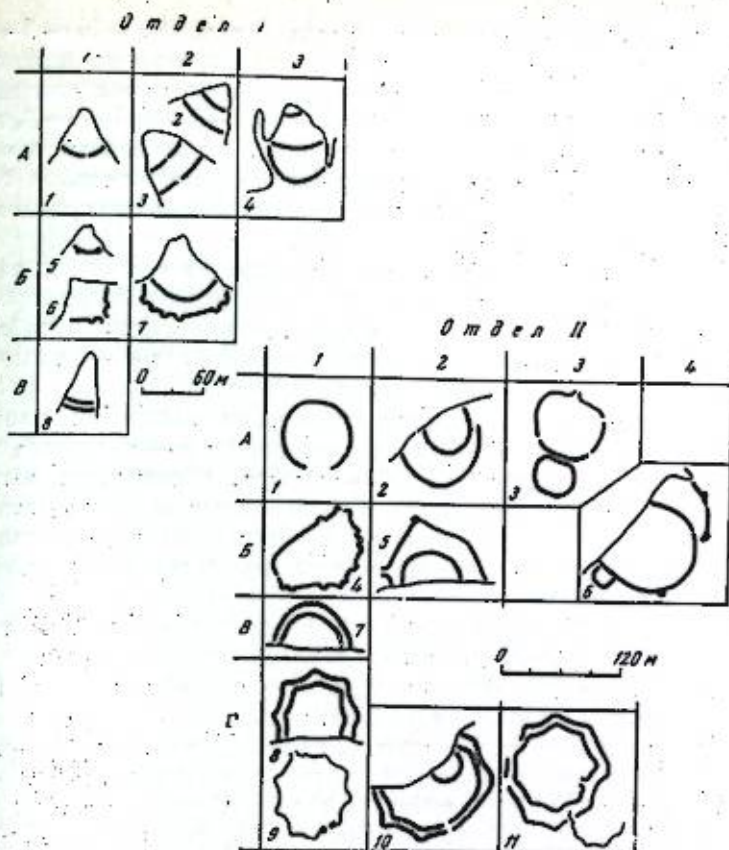

Рис. 25. Классификация городищ лесостепного Зауралья

Отдел I — городища с поперечными валами и рвами. Подотделы: 1 — одноплощадочные; 2 — двухплощадочные; 3 — трехплощадочные. Типы: А — один вал и ров;

Б — один вал с башнеобразными выступами и ров; В — два вала и ров
1 — Крутихинское; 2 — Большое Баяльское; 3 — Бархатонское (Ирломское); 4 — Усть-Терекское; 5 — Малое Бакальское; 6 — городища Матайку; 7 — Большое Мурзинское; 8 — Усть-Карабальское

Отдел II — городища с замкнутыми линиями валов и рвов. Подотделы: 1 — городища с замкнутыми линиями валов и рвов. Подотделы: 1 — одноплощадочные; 2 — двухплощадочные, площадки вписаны одна в другую; 3 — двухплощадочные, площадки касаются внешними сторонами или прилегают; 4 — трехплощадочные. Типы: А — один вал и ров; Б — один вал с башнеобразными выступами и ров; В — два вала и ров; Г — два вала с башнеобразными выступами и ров
1 — Шадринское; 2 — Приговское; 3 — Квашинское; 4 — Большое Погорельское; 5 — Большое Мылнинское; 6 — Воробьевское; 7 — Ладейское; 8 и 9 — Большое и Малое Казахбевские; 10 — Большое Сигрийское; 11 — Гороховское

симости от размещения оборонительных сооружений городищу можно было придать любую целесообразную форму. Такие различия в планировке учитываются при отнесении городищ к одному из двух отделов. Внутри каждого из них выделяются подотделы, фиксирующие усложнения простейшего варианта плана. Некоторые различия в конструкции укреплений принимаются во внимание при определении типа городища (рис. 25)⁵.

Отдел I составляют городища, расположенные на мысах и ограниченные с одной стороны валами и рвами, пролегающими поперек мыса. В нем

⁵ Учтено большинство городищ (около 200) известных в горно-лесном, лесном и лесостепном Зауралье, датированных (от начала железного века до начала II тысячелетия н. э.) и недатированных. Из их числа в дальнейшем изложении выделяются те, которые появляются и существуют в раннем железном веке или на одном из его этапов и характерны для лесостепных территорий.

преобладают простейшие городища подотдела 1 и типа А (I—1—А)⁶. Городища подотделов 2 и 3 отличаются от большинства из подотдела 1 более стабильными и значительными размерами⁷ и более массивными оборонительными сооружениями. Городища I—1—Б, I—2—Б, I—3—А и некоторые I—2—А, судя по аналогиям и находкам, существовали в окончательных вариантах только в позднем периоде железного века. А городища I—1—А, с проходами в средней части валов, можно датировать, судя по находкам, ранним периодом железного века.

Отдел II составляют городища, расположенные на сплошных участках террас или на мысах и ограниченные замкнутыми (в форме прямоугольника, круга или овала) линиями валов и рвов. В нем также преобладают простейшие городища (II—1—А). Городища подотделов 2—4 отличаются от них более стабильными и значительными размерами⁸.

Городища отдела II различаются характером застройки площадок. Можно различить три вида внутренней планировки: а — площадка занята единой многокамерной постройкой; б — жилища, обращенные выходами внутрь площадки, расположены двумя параллельными рядами вдоль длинной оси городища; в — жилища, обращенные выходами внутрь площадки и ориентированные радиально, размещены по периметру круга или овала, ограничивающего городище⁹.

Застройка а обнаружена на трех городищах II—1—А: Шайдурихинском (на р. Аять)¹⁰, Туманском (на р. Сосьве)¹¹ и Мань-Няслан-тур (на р. Ляпи)¹²⁻¹³. Первые датируются концом II — первой половиной I тысячелетия до н. э., последнее — X — XIII вв. н. э.

Застройка б определена в раскопках на одном (Логиновское на р. Ишиме)¹⁴ и по сохранившимся особенностям микрорельефа на двух городищах II—1—А (Сортынья III на р. Северной Сосьве¹⁵, Красногорское на р. Исети)¹⁶. Городища Сортынья III и Логиновское датируются VI—IX вв. н. э.

Застройка в определена в раскопках на городище II—1—А, относящемся к VI—IV вв. до н. э. (Лихачевское на р. Ишиме)¹⁷, в раскопках и по сохранившимся особенностям микрорельефа — на городищах II—1—Г и II—3—Г, существовавших в IV—III вв. до н. э. (Малое и Большое Казакбаевские на р. Караболке¹⁸ и Гороховское на р. Юргамыш).

Из предшествующего перечисления ясно, что период существования городищ отдела II продолжался от начала железного века до XIII—XIV вв. н. э.

Исетские городища отдела I связаны преимущественно с коренной, а городища отдела II — с боровой террасами. Однако в бассейнах рек Багаряк, Караболки, Синары, Верхней Исети и других районах предгорий, где преобладает сложный иссеченный рельеф берегов, таких устойчивых соот-

⁶ Здесь и в дальнейшем римская цифра обозначает отдел, арабская — подотдел, а заглавная буква — тип.

⁷ Превосходят площадью городища подотдела 1 в среднем почти в три раза.

⁸ Превосходят площадью городища подотдела 1 в среднем в 2—4 раза.

⁹ Городища с застройкой а находятся в лесной зоне, городища с застройкой б — в лесной и лесостепной, а городища с застройкой в — в лесостепи или у ее северной и северо-западной границы.

¹⁰ Е. М. Берс. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.

¹¹ Раскопки В. И. Липского в 1966 г.

¹²⁻¹³ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. МИА, № 58, 1957, стр. 230 и сл.

¹⁴ Раскопки В. Ф. Генинга в 1963 г. Архив ИА, д. 2718.

¹⁵ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 190.

¹⁶ Разведки В. Н. Фролова в 1963 г.

¹⁷ Раскопки В. Ф. Генинга в 1964 и 1965 гг. См.: Г. Б. Зданович. Лихачевское городище на р. Ишим. «V Уральское археологическое совещание (Тезисы докладов и сообщений)». Сыктывкар, 1967.

¹⁸ Раскопки К. В. Сальникова в 1953 г. Архив ИА, д. 811.

ветствий в размещении городищ не фиксируется. Можно еще отметить, что в бассейнах рек Исети, Тобола, Туры, Тавды, Конды и Северной Сосьвы известно более десятка городищ отдела II, расположенных на мысах (в том числе на мысах коренной террасы), в условиях, характерных для размещения городищ отдела I.

Наконец, необходимо упомянуть и Кашиинское городище¹⁹ на р. Кунаре (правом притоке р. Пышмы). Здесь на высоком и длинном мысу коренного берега долгое время сохранялись остатки двух различных городищ: с напольной стороны поперек мыса пролегли два вала и рва, ограничивая городище отдела I, а на его площадке, близ напольных укреплений, находились остатки городища отдела II. Можно предполагать, что различные городища были сооружены на одном месте в разное время, городище отдела II было сооружено позднее, так как его вал насыпан из культурного слоя, взятого с площадки, ограниченной поперечными напольными валами.

Очевидно, во время возникновения укрепленных поселений в местностях с преобладанием высокого иссеченного рельефа берегов создавались городища с поперечными валами и рвами, в местностях с преобладанием низкого и слабо иссеченного рельефа — городища с замкнутыми линиями валов и рвов. Дальнейшее развитие и распространение этих традиций не всегда и не полностью определялось зависимостью от специфического рельефа.

О том, что эти традиции могли существовать и развиваться относительно самостоятельно, а иногда и обособленно, свидетельствует обширный материал. В настоящее время в Европейской части СССР и Западной Сибири известно три ареала, в пределах которых зафиксировано много первобытных городищ с замкнутыми линиями валов и рвов: первый — бассейн р. Оби в районе г. Томска²⁰, второй — Зауралье, третий — запад Европейской части СССР, от среднего течения р. Дона до Прибалтики²¹. Однако там же есть городища с поперечными напольными валами и рвами. Но на обширных промежуточных территориях, на западе в бассейне рек Волги и Камы, на востоке, в бассейне р. Иртыша, распространены городища с поперечными валами и рвами, а городища с замкнутыми линиями валов и рвов нет или известно очень мало.

В Зауралье в эпоху железного века городища отдела II преобладают (в среднем более чем двукратно, а в отдельных районах и пятикратно) над городищами отдела I. Картографирование показывает, что основная масса всех уже известных к востоку от Урала городищ отдела II локализуется в лесостепной и лесной зонах — между Уралом на западе и реками Тоболом и Иртышом (ниже устья Тобола) на востоке, самые северные — в бассейнах рек Северной Сосьвы и Конды, самое южное — на р. Аят (левом верхнем притоке р. Тобола)²².

Особый интерес представляют городища с усложненной планировкой и фортификацией и особенно городища II—1—Б и Г, II—2—Б и Г, II—3—Г и II—4—Б. Внутренние площадки, напоминающие цитадели, обширные предвратные укрепления, внутренние или внешние выступы валов и рвов,

¹⁹ А. А. Спицын. Зауральские древние городища. «Записки ОРСА», т. VIII, вып. 1, СПб., 1906.

²⁰ А. П. Дульзон. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья). ТТОКМ, т. V, 1956.

²¹ П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, вып. Д 1—31, 1965; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961; П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963; он же. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966; О. М. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957; М. Х. Шмидельман. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.—V в. н. э.). Таллин, 1955.

²² Сведения о городище на р. Аят любезно сообщил В. С. Стоколос.

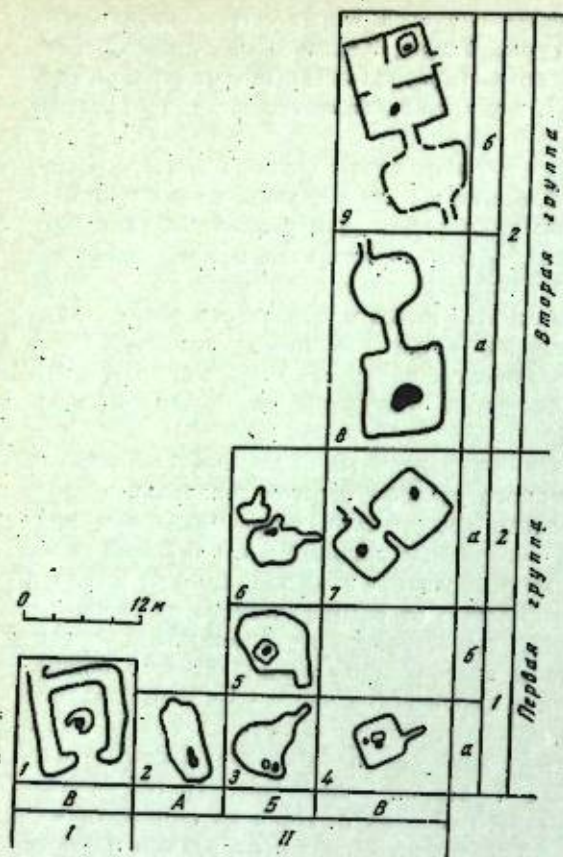

Рис. 26. Классификация жилищ лесостепного Зауралья

Группа первая — обособленные жилые постройки. Группа вторая — единые постройки, состоящие из жилой и хозяйственной камер. Отделы: I — наземные; II — полуземляничные жилища. Подотделы: 1 — однокамерные; 2 — двухкамерные сооружения. Типы: А — жилые камеры и углубления втиснутых прямоугольных очертаний, Б — углубления неправильных очертаний; В — жилые камеры и углубления четырехугольных, почти квадратных очертаний. Видим: а — очаги на уровне пола; б — очаги на дне специального углубления. 1 — Носиловское поселение; 2 — Речкинское I; 3, 5 — Боровое; 4 — Катайское; 6, 7 — Речкинское II селище; 8, 9 — Воробьевское поселение

прекрывающие проходы, башнеобразные выступы валов (Большое и Малое Казакбаевские, Большое Сигряжское на р. Синаре, Суварышское, Воробьевское и Большое Мыльниковское и другие на р. Исети, Гороховское) свидетельствуют о высокоразвитой фортификации.

Очень показательное распространение зауральских городищ с усложненной фортификацией и планировкой. Они почти не выходят из лесостепной зоны, большинство расположено вдоль ее северной кромки (от бассейна р. Синары, далее по р. Исети, до устья р. Туры на востоке), а Гороховское городище — близ южной границы (на р. Юргамыш, левом притоке р. Тобола). Севернее обозначенного ареала таких городищ пока не обнаружено.

Истоки этой фортификационной техники в пределах Зауралья обнаружить не удастся. Их следует искать на юге, в области высокоразвитых культур Приаралья и др. (городища архаического и конгюйского периодов, в их числе Чирик-рабат, Кой-Крылган-кала, Малый Кырк-кыз, Джеты-асарские)²³.

В большинстве своем, вероятно, зауральские поселения раннего железного века представляли места длительного и постоянного обитания: на всех раскопывавшихся селищах и городищах обнаружены остатки жилищ и хозяйственных сооружений.

Жилища разнообразны. Они классифицируются в зависимости от соотношения жилых и подсобных помещений (подгруппа), размещения пола относительно уровня древней поверхности (отдел), количества камер (под-

отдел), очертаний и пропорций плана (тип), наличия или отсутствия очажных углублений (рис. 26).

Предлагаемая классификация основана на остатках построек. Остатки жилищ первой подгруппы II—1—А—а, II—1—Б—а и б, II—2—Б—а²⁴ имеют нечеткие и неправильные очертания. Можно думать, что эта особенность обусловлена своеобразием конструкции. Вероятно, углубленные части таких жилищ не имели жесткой деревянной облицовки, а стена и кровля опирались на деревянную раму, лежавшую на древней дневной поверхности за пределами котлована²⁵.

В отличие от них жилища первой подгруппы II—1—В—а и б, II—2—В—а, и жилые камеры жилищ второй подгруппы имеют котлованы четких четырехугольных очертаний, следы жестких деревянных конструкций, начинавшихся на дне котлованов, и длинные коридорообразные переходы или выходы. Аналогии уводят нас на юг, в Приаралье, где подобные сооружения были раскопаны на тазабагыбских поселениях Анга 5, Кават 3, Кокча 15 и 16 и амирабадском поселении Якке-Парсан 2²⁶.

Не случайно, вероятно, и то, что большинство жилищ первой подгруппы II—1—В и жилищ второй подгруппы обнаружено на городищах II—1—Г, II—3—Г и II—4—Б, имеющих также южные аналогии.

В комплексах керамики зауральских поселений раннего железного века преобладают сосуды с широкими горловинами, высокими яйцевидными туловами, заууженными округлыми или приостренными днищами; орнамент в большинстве случаев занимает лишь верхние части сосудов и состоит из простейших узоров, горизонтальных поясков, из наклонных отрезков, елочек и зигзагов.

Основываясь на различиях форм (венчиков, горловин, тулова и днищ), некоторых технологических особенностях (состав глиняного теста и примесей, приемы обработки поверхности и т. п.) и орнаментации, выделено семь типов посуды: каменогорский (описан Е. М. Берс)²⁷, носиловский, иткульский (описан К. В. Сальниковым)²⁸, воробьевский, бантовский, гороховский (описан К. В. Сальниковым)²⁹ и речкинский. Даже различия в технике нанесения орнамента указывают на их своеобразие. Для каменогорского характерны штампованный (крест и короткая змейка) и ямочный орнамент: носиловский характеризуется преобладанием ямочного («жемчужного») и гребенчатого орнамента, а резной встречается изредка. Иткульская керамика орнаментирована преимущественно гребенчатыми узорами, хотя встречаются ямочные и резные. Для воробьевской характерен почти исключительно гребенчатый орнамент; для бантовской — ямочный («жемчужный») и резной, хотя встречается и гребенчатый. Гороховская и речкинская керамика орнаментирована резными узорами (рис. 27). Степень различия между типами керамики неодинакова. Так, иткульская посуда отличается от воробьевской, а гороховская от речкинской значительно меньше, чем каменогорская от носиловской, воробьевская от гороховской и т. д.

Картографирование керамических типов (рис. 28, 29) выявляет, что каменогорская керамика встречается главным образом на поселениях горнолесной зоны Зауралья, а носиловская — в лесостепи, по Средней и Нижней Исети и Среднему Тоболу. Поселения с иткульской керамикой локали-

²⁴ Римская цифра обозначает отдел, арабская — подотдел, заглавная буква — тип, а малая — вид.

²⁵ Э. П. Соколова. К истории жилища обских угров. СЭ, 1957, № 2.

²⁶ М. А. Иттиа. Раскопки стоянок тазабагыбской культуры в 1957 г. Сб. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4, 1960; она же. Раскопки стоянки Кават 3 в 1958 г. Сб. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 6, 1963; она же. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958—1959 гг.). Там же; она же. О месте тазабагыбской культуры среди культур степной бронзы. СЭ, 1967, № 2.

²⁷ Е. М. Берс. Памятники и керамика гамаюнской культуры.

²⁸ К. В. Сальников. Иткульская культура.

²⁹ К. В. Сальников. Городище «Чудаки» Челябинской обл.

²³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М.—Л., 1948; он же. По следам древне-хорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948; он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

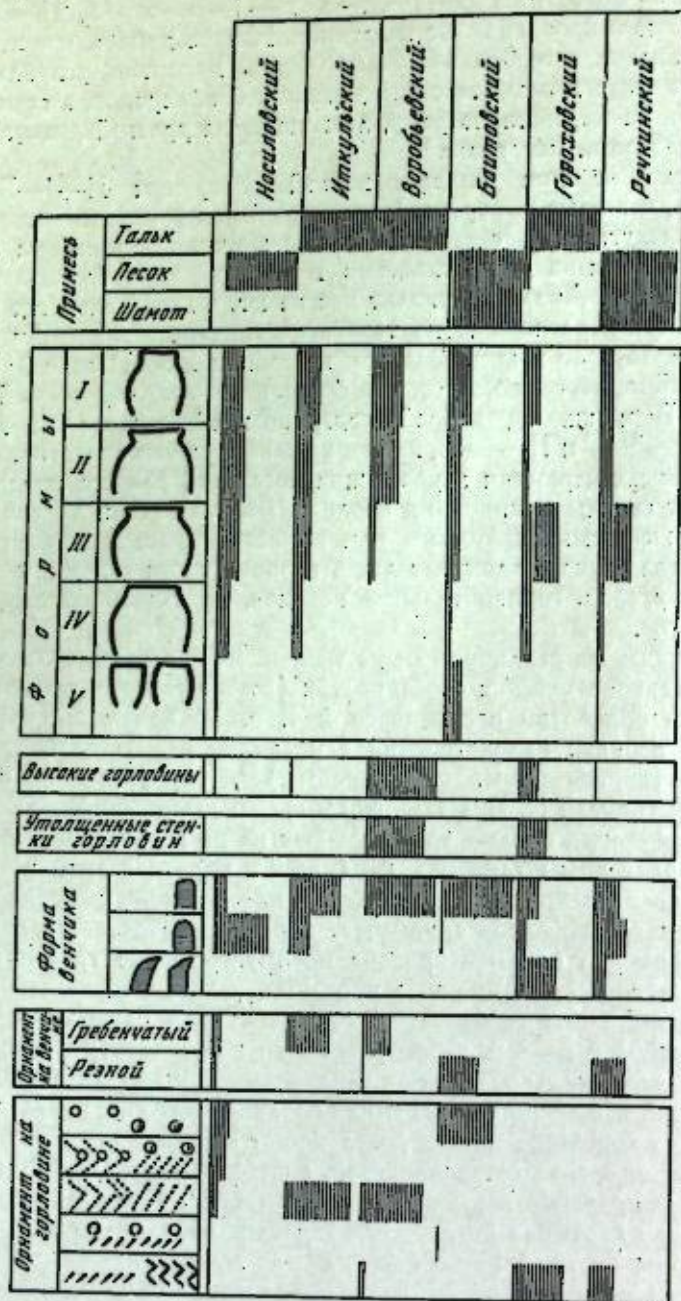

Рис. 27. Сравнительная характеристика типов Зауральской керамики. Одна линия обозначает примерно 5%

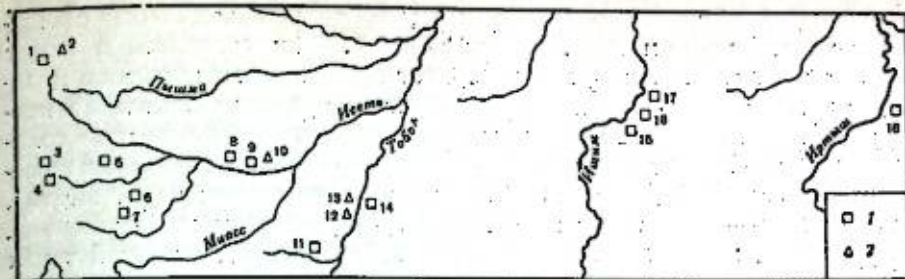

Рис. 28. Схема расположения городищ (1) и селищ (2)

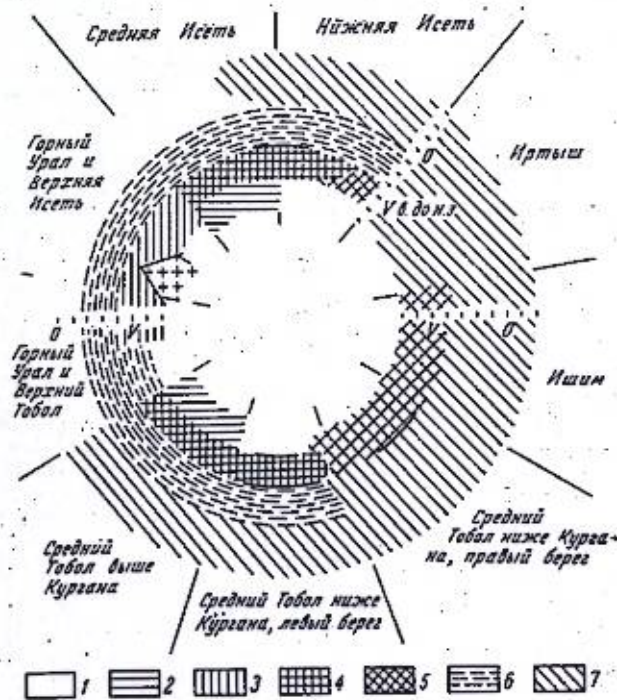
7 — Шабдурихинское; 2 — Верхнее Макушино; 3, 4 — Иткульские 1 и II; 5 — Верхнее Зотинское; 6, 7 — Малое и Большое Казакбаекские; 8 — Воробьевское; 9 — Носиловское; 10 — Боровое; 11 — Гороховское; 12, 13 — Речкинское 1 и II; 14 — Бантовское; 15 — Чушенское; 16 — Лукачевское; 17 — Узловское; 18 — Розановское

зуются преимущественно в пределах горно-лесного и лесного Зауралья, с воробьевской — по Средней Исети и Среднему Тоболу, а с бантовской — между Ишимом на востоке и Средним Тоболом на западе. Поселения с гороховской керамикой рассеяны на лесостепных пространствах от предгорий на западе до Тобола на востоке, а речкинская характерна для многих поселений, встречающихся в лесостепи от Иртыша на востоке до Средней Исети и Среднего Тобола на западе.

Стратиграфия, установленная на ряде поселений и могильников, позволяет связать отдельные типы керамики с определенными разновидностями городищ, жилищ, а иногда и погребений, обособить таким образом ряд культурных комплексов, наметить их относительную и абсолютную хронологию.

Рис. 29. Локально-хронологические соотношения культурных комплексов из лесостепного Зауралья

Сектор круга — отдельная территория, обозначенная подписью. По радиусам отложена хронологическая шкала: деление век. Однородной штриховкой показано распространение культурных комплексов с керамикой определенного типа: 1 — каменигорской; 2 — носиловской; 3 — иткульской; 4 — воробьевской; 5 — бантовской; 6 — гороховской; 7 — речкинской

Самыми ранними и одновременными можно считать комплексы с керамикой каменогорского и носилового типов³⁰. Они относятся к концу бронзового и началу железного века³¹. Этот период непосредственно предшествует и в своей поздней части совпадает со временем появления первых простейших городищ. Носиловская керамика зафиксирована пока только на селищах, в жилищах первой подгруппы I—1—В, ограниченных по периметру канавками (первый слой Носилового поселения на р. Исети), а каменогорская — на городищах II—1—А (Шайдурихинском и Туманском).

Комплексы с иткульской, воробьевской и бантовской керамикой также можно считать одновременными³² и относить к раннему этапу железного века (вероятно, VI—IV вв. до н. э.)³³. В это время широко распространяются простейшие городища отдела II («средний слой» Воробьевского на р. Исети³⁴, Бантовское на р. Тоболе³⁵, Лихачевское на р. Ишиме — все II—1—А), реже — простейшие городища отдела I (I—1—А) и, может быть, только на западе Зауралья (Верхне-Зотинское на р. Багаряк)³⁶. Можно предполагать, что в конце этапа появляются усложненные разновидности городищ отдела II (Иткульское II³⁷ на оз. Иткуль — II—2—А, Носиловское — II—3—А). Иткульская керамика найдена в жилищах первой подгруппы I—1—А (Иткульское I городище³⁸, Верхне-Макушинское селище на оз. Мелком, в верховьях р. Исети³⁹). Воробьевская обнаружена в жилищах первой подгруппы II—1—А и Б (Боровое селище на р. Исети⁴⁰, Речкинское I селище на р. Тоболе⁴¹). Бантовская керамика лежала на дне жилища первой подгруппы I—1—В, ограниченных по периметру канавками, и в полуземлянке, сохранившейся менее чем наполовину (Лихачевское городище).

Комплексы с керамикой гороховского типа можно относить к длительному периоду, ограниченному концом второй и последней четвертью I тысячелетия до н. э.⁴² На некоторых поселениях, расположенных в среднем течении р. Исети, гороховские комплексы залегают в слоях, перекрывающих напластования с воробьевскими комплексами (Воробьевское поселение и Боровое селище), что может указывать на относительно поздний возраст исетских памятников с гороховской керамикой. Гороховские памятники бо-

³⁰ В первом слое Носилового поселения вместе с носиловской керамикой найдены обломки сосудов, близко напоминающие каменогорскую керамику. Раскопки В. Е. Стоянова в 1963 г. Архив ИА, д. 2749.

³¹ Из первого слоя того же поселения происходят обломки сосуда, орнаментированные штампованным крестом и аналогичные найденным в большеречинских погребениях 1 и 13 Томского могильника на Большом мысу (см.: М. Н. Комарова, Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 24, 1952).

³² На ряде памятников в едином слое найдены иткульская керамика вместе с воробьевской, а воробьевская вместе с бантовской.

³³ К. В. Сальников. Иткульская культура.

³⁴ Раскопки В. Е. Стоянова в 1961 и 1962 гг.

³⁵ Разведки Т. Г. Гашевой в 1963 г.

³⁶ Архив В. Я. Толмачева, Государственный архив Свердловской обл., ф. 139, д. 24, л. 33.

³⁷ Обследование Н. П. Кипарисовой в 1953 г. Архив ИА, д. 827.

³⁸ К. В. Сальников. Иткульская культура.

³⁹ Е. И. Берс. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей.

⁴⁰ Раскопки В. Е. Стоянова в 1963 г. Архив ИА, д. 2749.

⁴¹ В. Е. Стоянов, А. Г. Ширяев. Речкинское I селище на р. Тоболе. ВАУ, вып. 6, 1964.

⁴² На Лужковском I селище (верхнее течение р. Исети, близ г. Каменска-Уральского; раскопки В. С. Стоколова в 1956 г.) в жилище вместе с гороховской керамикой найдены обломки каменного жертвенника савроматского типа. На Раскатихинском могильнике (р. Тобол, выше г. Кургана; раскопки Т. М. Потемкиной в 1966 г.) обнаружено погребение с гороховским сосудом, дата погребения — не позднее V—IV вв. до н. э. На Шмаковском (р. Тобол, среднее течение; раскопки В. Ф. Генинга в 1961—1962 гг.) и Приговском (р. Исеть, среднее течение; раскопки В. Ф. Генинга в 1961 г.) могильниках исследованы погребения с гороховской керамикой, их дата — IV—II вв. до н. э.

лее древнего возраста, в том числе синхронные иткульским, воробьевским и бантовским, следует искать в лесостепи южнее и юго-западнее (Гороховское поселение и погребение на Раскатихинском могильнике). Гороховская керамика найдена на городищах самых сложных разновидностей отдела II (II—1—Г, II—3—Г и II—4—Б; Малое и Большое Казакбаевские, Воробьевское и Гороховское), в жилищах первой подгруппы II—1—Б и В и в жилищах второй подгруппы.

Комплексы с речкинской керамикой следует датировать длительным периодом — от второй четверти I тысячелетия до н. э. до первых веков н. э. (ранняя дата требует уточнения). В восточных пределах речкинского ареала есть ранние (Розановское городище на р. Иртыше)⁴³ и поздние (Саргатские курганы на р. Иртыше)⁴⁴ памятники, на западе — пока известны только поздние (Речкинское II селище на р. Тоболе⁴⁵ и др.). Речкинская керамика встречена на простейших городищах (I—1—А), в жилищах первой подгруппы II—1—В, II—2—Б и В (Чупинское⁴⁶ и Узловское⁴⁷ городища на р. Ишиме, Розановское городище и Речкинское II селище).

Локально-хронологические соотношения выделенных культурных комплексов показаны на схеме (рис. 29).

Таким образом, анализ материалов поселений позволяет выделить ряд своеобразных локально-хронологических вариантов. Несмотря на выразительную специфику, их нельзя представлять себе в виде изолированных и замкнутых культурных ареалов. Правда, степень различий между ними неодинакова. Так, культуры иткульских и воробьевских поселений, занимающих смежные территории, достаточно близки, что, вероятно, обусловлено их генезисом, а в дальнейшем развитии в условиях близкого соседства и взаимодействия. Зато синхронные бантовские, четко отличаясь от названных выше памятников, имеют ряд сходных черт с ранними речкинскими. И все они достаточно выразительно отличаются от гороховских и более поздних речкинских, что также, вероятно, обусловлено генетическими и историческими особенностями.

⁴³ Раскопки В. Ф. Генинга и Г. А. Здановича в 1965 г. Архив ИА, д. 3152.

⁴⁴ В. П. Левашова. Два сосуда из курганов Омской обл. КСИИМК, вып. XX.

1948.

⁴⁵ Раскопки В. Е. Стоянова в 1963 г. Архив ИА, д. 2749.

⁴⁶ Раскопки В. Ф. Генинга в 1964 г. Архив ИА, д. 2865.

⁴⁷ Раскопки В. Е. Стоянова в 1964 г.

И. Н. МЕДВЕДСКАЯ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БРОНЗОВЫХ ЧЕРЕШКОВЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

Бронзовые черешковые двулопастные наконечники стрел появляются в Средней Азии и Казахстане уже с эпохи поздней бронзы. Встречаются они и в более восточных районах².

В археологической литературе неоднократно ставился вопрос о происхождении черешковой формы насада бронзовых наконечников стрел³. Однако до сих пор нет ответа на вопросы: откуда произошла эта форма насада, почему именно в Средней Азии и Казахстане она получила столь широкое распространение. Решение этих вопросов очень существенно для разработки относительной хронологии черешковых и втульчатых бронзовых наконечников стрел, поэтому представляется целесообразной попытка связать некоторые морфологические и функциональные признаки наконечников стрел с подобными признаками, характерными для некоторых бронзовых орудий.

Среди металлических изделий эпохи бронзы в большом количестве представлены бронзовые черешковые ножи. Их подразделяют на двулезвийные и однолезвийные, включая в эту категорию и черешковые копья, которые порой трудно отличить от ножей⁴. Среди двулезвийных ножей выделяются три типа: 1) ножи с невыделенным черешком вытянуто-ромбической формы; 2) ножи с обособленным черешком; 3) ножи с выемками у основания. Эта форма впоследствии развилась в кинжалы. Особенно интересны ножи второго типа, встречающиеся во всей Средней Азии. Широкое распространение этот тип получил и в Европе⁵. Ножи второго типа распространяются с конца III тысячелетия до н. э., но в Европе к середине II тысячелетия, или даже несколько раньше, листовидные ножи совершенно выходят из употребления, вытесняемые ножами третьего типа⁶.

¹ Статья представляет собой часть доклада, обсуждавшегося на заседании семинара по археологической классификации ЛОИА 8 мая 1967 г.

² Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, вып. В 4—9, 1966, стр. 31—37.

³ С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи. СА, 1966, № 2, стр. 162; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 376; К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, стр. 118.

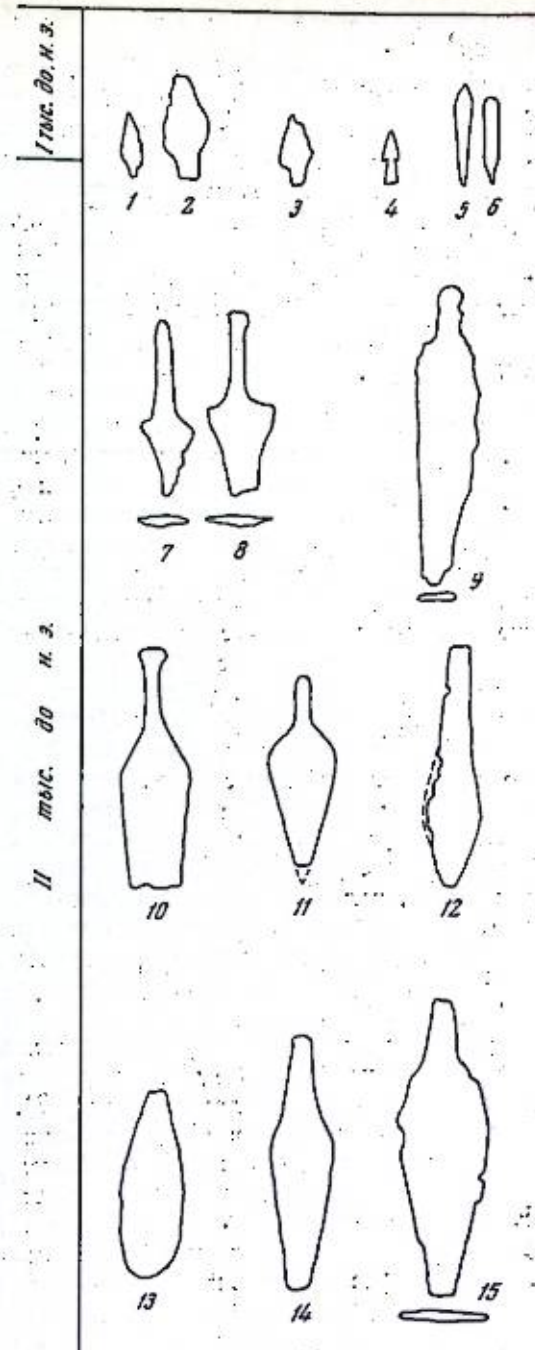
⁴ Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 37.

⁵ Там же, стр. 39.

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 51, 54; Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и Приуралье. МИА, № 90, 1960, стр. 72.

Рис. 30. Сравнительная таблица бронзовых черешковых орудий Средней Азии. Наконечники стрел

1, 4, 6 — Дальверзин; 2 — Ангар; 3 — Чусть; 5 — Обадан-депе. Дротики: 7, 8 — Тажирбай. Ножи: 9 — Намазга-депе; 10 — Чимбайлик; 11 — Алтын-депе; 12 — Алау; 13, 14 — БЧК; 15 — Шурабат

Однако в Средней Азии, судя по находкам на Кайракумских поселениях, на Дальверзине, они существовали дольше, вплоть до последней четверти II тысячелетия до н. э. Длительное существование листовидных ножей, наряду с более развитыми формами ножей третьего типа, можно, по словам Е. Е. Кузьминой, признать особенностью среднеазиатской культуры⁷.

На этом основании кажется правдоподобной мысль о том, что столь долгое бытование черешковых ножей — копий повлияло и на происхождение черешковых наконечников стрел. Как в Европе втульчатые копья послужили образцами втульчатым наконечникам стрел⁸, так, возможно, и в Средней Азии черешковая форма насада ножей и копий была воспринята для крепления наконечников стрел.

Казалось бы, не проще ли искать происхождение черешковой формы насада среди непосредственных предшественников бронзовых наконечников стрел — кремневых. Так, В. М. Массон замечает, что, видимо, двулопастные черешковые формы повторяют формы кремневых черешковых наконечников⁹. Б. А. Литвинский пишет, что «известную роль в сложении плоских бронзовых наконечников с черешком в виде насада-лопаточки сыграли, по-видимому, подражания каменным черешковым наконечникам»¹⁰. Не учитывать этих предположений нельзя, но они много не могут нам объяснить. Так,

⁷ Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 41.

⁸ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 37.

⁹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, 1959, стр. 46.

¹⁰ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайракумов. Душанбе, 1962, стр. 222.

кремневых наконечников стрел с черешком среди других типов наконечников — мало.

Например, комплекс Заман-Баба, относящийся к середине II тысячелетия, содержит только один наконечник со слабо выраженным черешком в числе листовидных или миндалевидных наконечников¹¹. В мургабском варианте культуры Намазга VI — Аучин-депе известны лавролистные без черешка и черешковые наконечники с шипообразными загнутыми концами¹². Среди каменных наконечников в Кайраккумах почти нет черешковых¹³. Итак, среди многообразия форм каменных наконечников стрел черешковая форма — не ведущая. Кремневые наконечники с черешком встречаются редко не только в Средней Азии, но и в других районах степной полосы Евразии¹⁴.

Таким образом, одинаковое распространение кремневых черешковых стрел на этих территориях не объясняет того факта, что в степной полосе СССР в начале I тысячелетия до н. э. бронзовые наконечники стрел не имели черешкового насада, а на территории Средней Азии и Казахстана они получили широкое распространение.

Предположению о преемственности формы насада не противоречат и данные об эволюции ранних черешковых наконечников стрел.

Е. Е. Кузьмина подразделяет наконечники стрел эпохи бронзы по форме насада на втульчатые и черешковые. Черешковые в свою очередь делятся на четыре типа: плоские, листовидные с жилкой, с опущенными жалъцами и жилкой и с упором. К типу I (плоских) относятся черешковые наконечники без продольной жилки. Датируются они концом II — началом I тысячелетия¹⁵. Обращает на себя внимание примитивность этих наконечников, нечеткость, невыработанность формы, а главное, плохие боевые качества. Отсутствие продольной жилки ослабляло ударную силу и прочность наконечника стрелы. Такая несовершенство плоских наконечников стрел и объясняет их нераспространенность и быстрое исчезновение, замену их улучшенным типом II, который имеет уже продольную жилку. И хотя такое укрепление наконечника — еще не кардинальное изменение типа (как, например, замена двулопастной стрелы трехлопастной), но все же это улучшение боевых качеств двулопастного наконечника стрелы. Тип I появился, видимо, раньше, но некоторое время оба типа существуют одновременно, только тип II существует дольше, переходя уже в скифскую эпоху.

При сравнении ножей-копий, дротиков и наконечников стрел типа I нельзя не видеть их сходства в форме насада и в возможном способе крепления черешка в древке (рис. 30). Черешковая форма насада этих орудий существовала в Средней Азии на протяжении длительного периода и могла послужить образцом при изготовлении бронзовых наконечников стрел, появившихся где-то в конце II тысячелетия до н. э. В некоторых случаях можно даже встретить сходство в форме самого наконечника и ножей-копий и дротиков, оно может объясняться не подражанием, а скорее одинаковым назначением тех же дротиков и наконечников стрел.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

ДВА СКЛЕПА БЕЛЯУССКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1967 г. был обнаружен могильник у городища Беляус и начаты его раскопки¹. Городище и могильник находится между Евпаторией и Черноморском, в 23 км от последнего. В результате погружения морского берега городище в настоящее время оказалось всего в 15 м от уреза моря. Могильник же непосредственно примыкает к городищу со степной, северной, стороны, где за грунтовой дорогой Беляус — Оленевка простирается колхозное поле. Протяженность территории, занятой могильником с юга на север, составляет не менее 900 м. Раньше, находя здесь керамику, мы предполагали, что с севера к городищу примыкает селище, культурный слой которого полностью распахан.

Поводом к открытию могильника явилось то, что на расстоянии 70 м от северного края городища были замечены выкорчеванные плугом тесаные камни. На месте двух скопления камня, отстоящих друг от друга по линии восток — запад на 37 м, на глубине всего 0,20 м от поверхности, обнаружены два склепа. Перекрытия их скрыты вместе с курганами. Склепы (рис. 31; 32) состоят из небольшой прямоугольной камеры, ориентированной меридианально, и ведущего в нее с юга дромоса. Стены камер сложены насухо из тесаных плит. Обращенная к земле сторона плит обработана грубо. Полы мощеные. Различия между склепами весьма незначительны, и мы отметим их, описывая каждый склеп в отдельности.

Склеп 1. Размеры его камеры — 2,81 × 1,97 м. От стен, за исключением западной, сохранились три ряда общей высотой 0,90 м. В середине западной стены — пролом шириной 1,17 м, доведенный до нижнего ряда кладки. Верхние два ряда стен состоят из узких по фасу, положенных плашмя плит, нижний — из прямоугольных широких или квадратных, поставленных на ребро. Верхний ряд северной и восточной стен, начинающийся собой уступчатый ложный свод, положен с напуском, некоторые верхние камни наклонно срезаны, что должно было придавать плавность перекрытию. Нижние ряды не строго вертикальны, а слегка наклонены внутрь. В юго-восточном и юго-западном углах склепа на верхней плоскости камней третьего ряда высечены неглубокие квадратные пазы (0,32 ×

¹ Раскопки велись Донулавской экспедицией ИА АН СССР и Евпаторийского музея под руководством автора. Склепы обнаружены сотрудниками экспедиции Ю. А. Лифшицем и Б. Г. Родиным. Обмеры выполнены В. И. Томиным, реставрация находок в поле и лаборатории — И. Н. Мартыновой. О раскопках городища см.: О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов. Херсонесское укрепление на городище Беляус. СА, 1965, № 2; О. Д. Дашевская. Разведки в северо-западном Крыму в 1961—1963 гг. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 151; она же. Античная башня на городище Беляус. КСИА, вып. 115, 1968.

¹¹ «Каменный и бронзовый век в Средней Азии». М., 1966, стр. 210.

¹² В. М. Массон. Указ. соч., стр. 21, табл. XIII.

¹³ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Указ. соч., табл. 115.

¹⁴ Там же, стр. 281.

¹⁵ Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 31, табл. VI, рис. 32, 36—39, 41, 46—48.

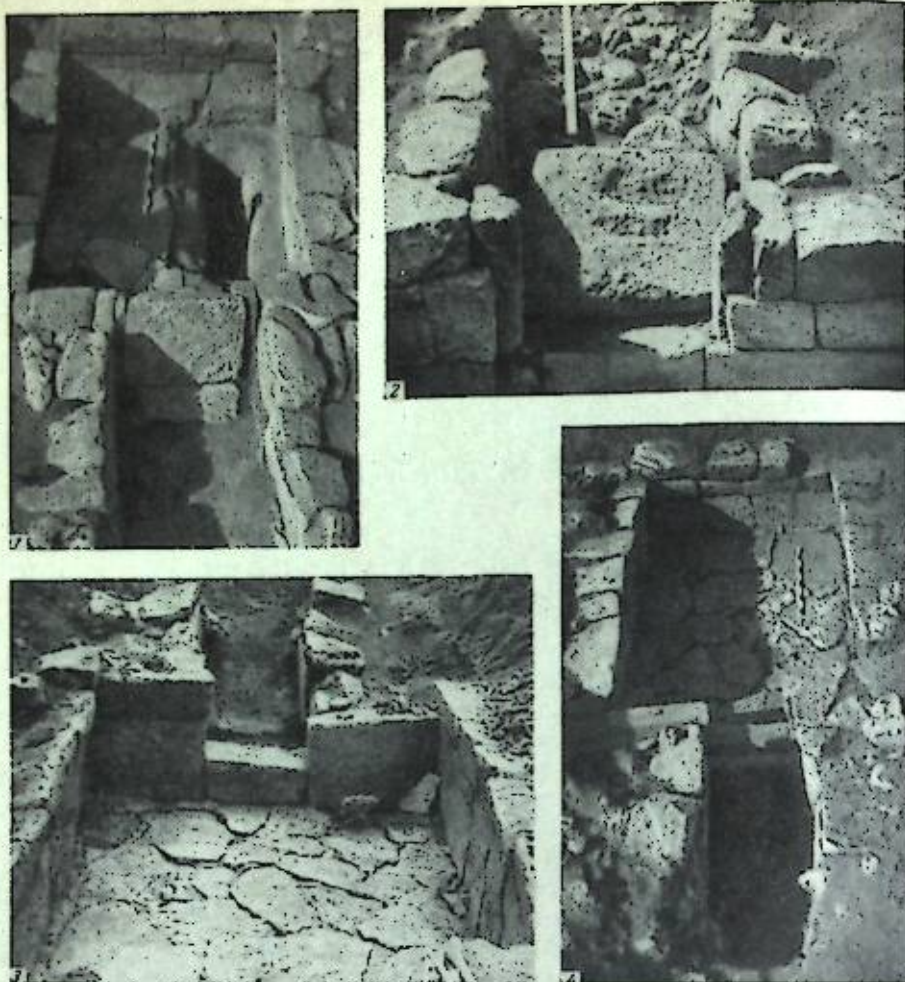

Рис. 31. Беляусский могильник. Склепы

1 — склеп 1, вид с юга; 2 — склеп 1, вход и дромос, вид с севера; 3 — склеп 1, вид с севера; 4 — склеп 2, вид с юга

$\times 0,32 \times 0,07$ м) для укладки с напуском камней следующего, не сохранившегося ряда.

Извлечена рухнувшая в склеп огромная тесаная плита размером $1,45 \times 0,98 \times 0,31$ м, замыкавшая перекрытие. Одна из ее боковых сторон ровная, другие — обколоты.

Вход в камеру был с южной стороны. Ширина проема составляла 0,82 м. К обеим сторонам его приставлены отдельно вытесанные вертикальные камни-косяки с вырезанными углами. В них вставлялась закладная плита, которую мы нашли отваленной. Высота ее — 0,64 м, ширина — 0,74 м, толщина — 0,135 м. На ее плоскости, обращенной к камере, вырублены два продолговатых углубления, напоминающих следы ног, что говорит о вторичном использовании.

Порог толщиной 0,17 м возвышался над полом камеры на 0,30 м. На эту же глубину нижняя часть камеры углублена в глинистый материк. Открытый дромос длиной 2,38 м проходит горизонтально по уровню материка. Расширяясь к югу, он достигает ширины 1,20 м. Боковые стенки дромоса, выложенные камнем, имеют высоту 0,70 м (два-три ряда). На южном конце его с обеих сторон поставлено на ребро по одной большой плите, равной по высоте остальной кладке. После того как была выбрана

из дромоса каменная забутовка и поставлена в первоначальное положение плита заклада, под ней за порогом на дне дромоса оказалась горизонтально лежащая плита размером $0,65 \times 0,48 \times 0,20$ м.

При раскопках в камере склепа попадались отдельные человеческие кости (кусочек нижней челюсти, зубы, фаланги пальцев). В засыпи встречены обломки реберчатых амфор и лепных горшков, а также большая раковина *Surgaea* с просверленным отверстием для подвешивания (рис. 33,8)². Все это, как и смещенность закладной плиты, указывало на ограбление склепа.

Вымостка склепа неоднородна: в южной части камеры плиты хорошо подогнаны и лежат ровно, в восточной — неровно, образуя бугристую поверхность площадью около $2 \times 0,50$ м, а в западной — вымостка местами отсутствует. У восточной стены найдены череп и кости ног коня. Больше ничего на полу склепа не оказалось. Как выяснилось, продолговатый восточный участок кажущейся вымостки являлся перекрытием вырытой здесь при вторичном использовании склепа узкой могилы глубиной 0,90 м, а кости лошади также относятся ко вторичному захоронению. Перекрытие этой могилы было образовано двумя слоями каменных плит, взятых с вымостки пола, причем верхний слой положен лицевой стороной вниз.

Погребение содержало скелет мальчика-подростка с деформированным черепом, захороненного на спине, головой на север. Погребальный инвентарь состоял из золотой серьги с зернью и инкрустацией цветным стеклом, золотой фигурки лошади или осла, серебряных одежных пряжек, наконечников ремней и конского убора — железных удиц с псалями, колокольчика и серебряных уздечных пряжек. Это захоронение относится к гуниской культуре и датируется концом IV — началом V в. н. э.³ Для него склеп был освобожден начисто и если бы не второй аналогичный склеп, то датировка первого была бы сильно затруднена.

Склеп 2. Площадь его камеры — $2,77 \times 1,94$ м, ширина входного проема — 0,63 м, высота порога — 0,27 м, длина дромоса — 1,75 м, ширина его на южном конце — 0,75 м.

От северной стены склепа уцелели три ряда кладки (0,89 м), от южной части восточной стены — также три (0,95 м), от остальных — два. Кладка стен обонх склепов настолько идентична, что они производят впечатление не только одновременных, но и выполненных одними и теми же мастерами. Некоторые отличия имеются в конструкции косяков. Та же конфигурация их здесь достигается другим способом: восточный косяк сделан из цельного камня с вырезанным углом (как в беляусской башне), а западный составлен из двух камней, образующих нужный угол. Дромос высотой 0,90 м забутован камнем. В кладке его стен есть очень большие плиты. За порогом лежит тесаный камень длиной 0,58, шириной 0,18 и высотой 0,25 м. Пол камеры вымощен хорошо подогнанными плитами, грубее обработанными и более крупными, чем в склепе 1.

На полу и в перекрывающем его слое земли (начиная с уровня 0,45 м над полом) обнаружены разбросанные в беспорядке человеческие кости, черепные крышки, отдельные челюсти — остатки 22 умерших, среди которых были мужчины, женщины, дети. Единственный череп хорошей сохранности принадлежал мужчине лет 30, ярко выраженного европеоидного типа⁴. В склепе оказалась также челюсть собаки.

Состояние погребального инвентаря, как и состояние костяков, свидетельствует о его разграблении. Как и в первом склепе, его можно отне-

² Такие раковины-подвески, привезенные с побережья Индийского океана, широко распространены на памятниках первых веков нашей эры (см.: Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, стр. 30, рис. 39, 5).

³ О. Д. Даниевская. Погребение гуниского времени в Черноморском районе Крыма. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1968.

⁴ Определение Т. С. Кондукторовой, которой приношу глубокую благодарность.

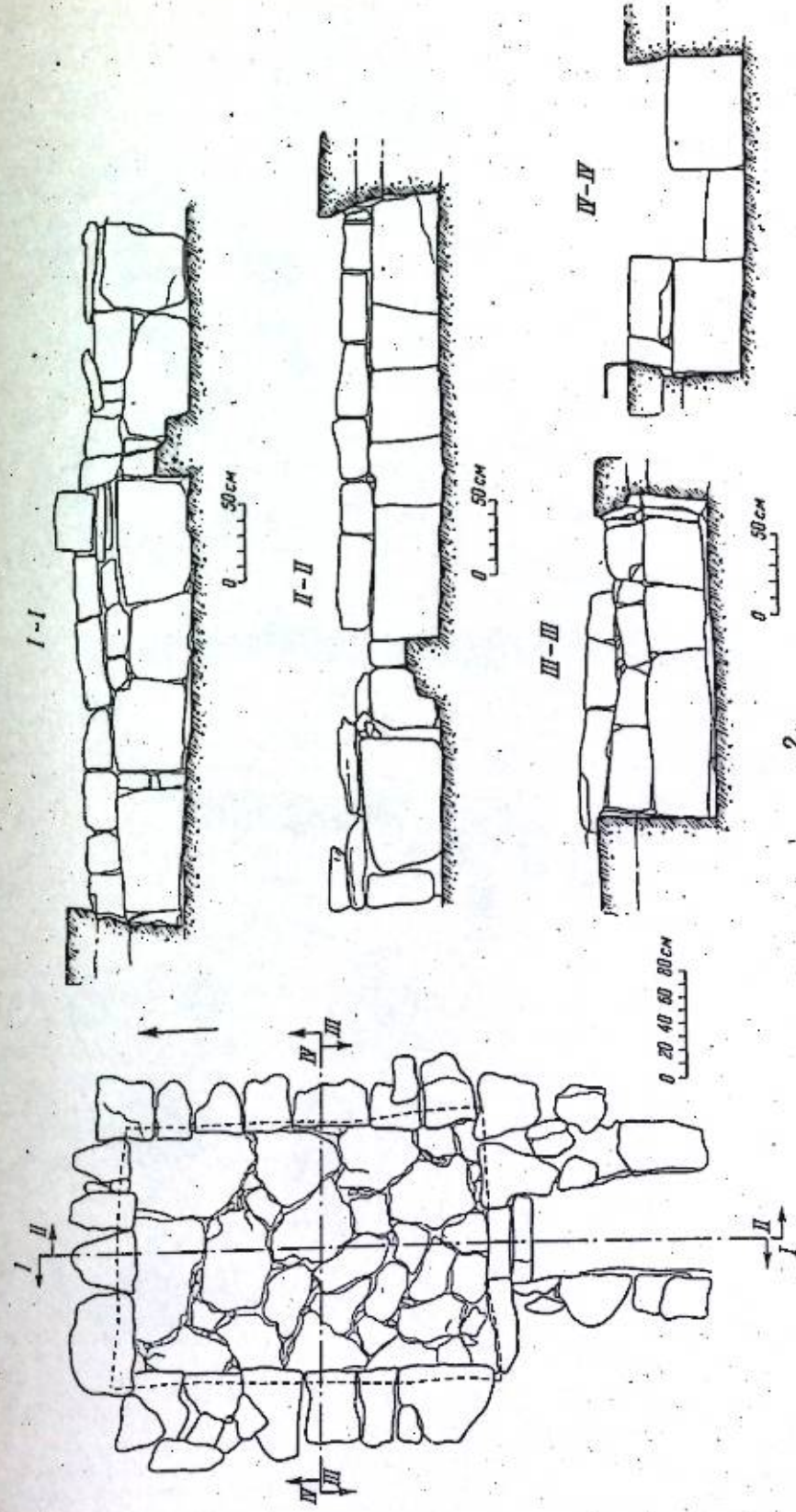
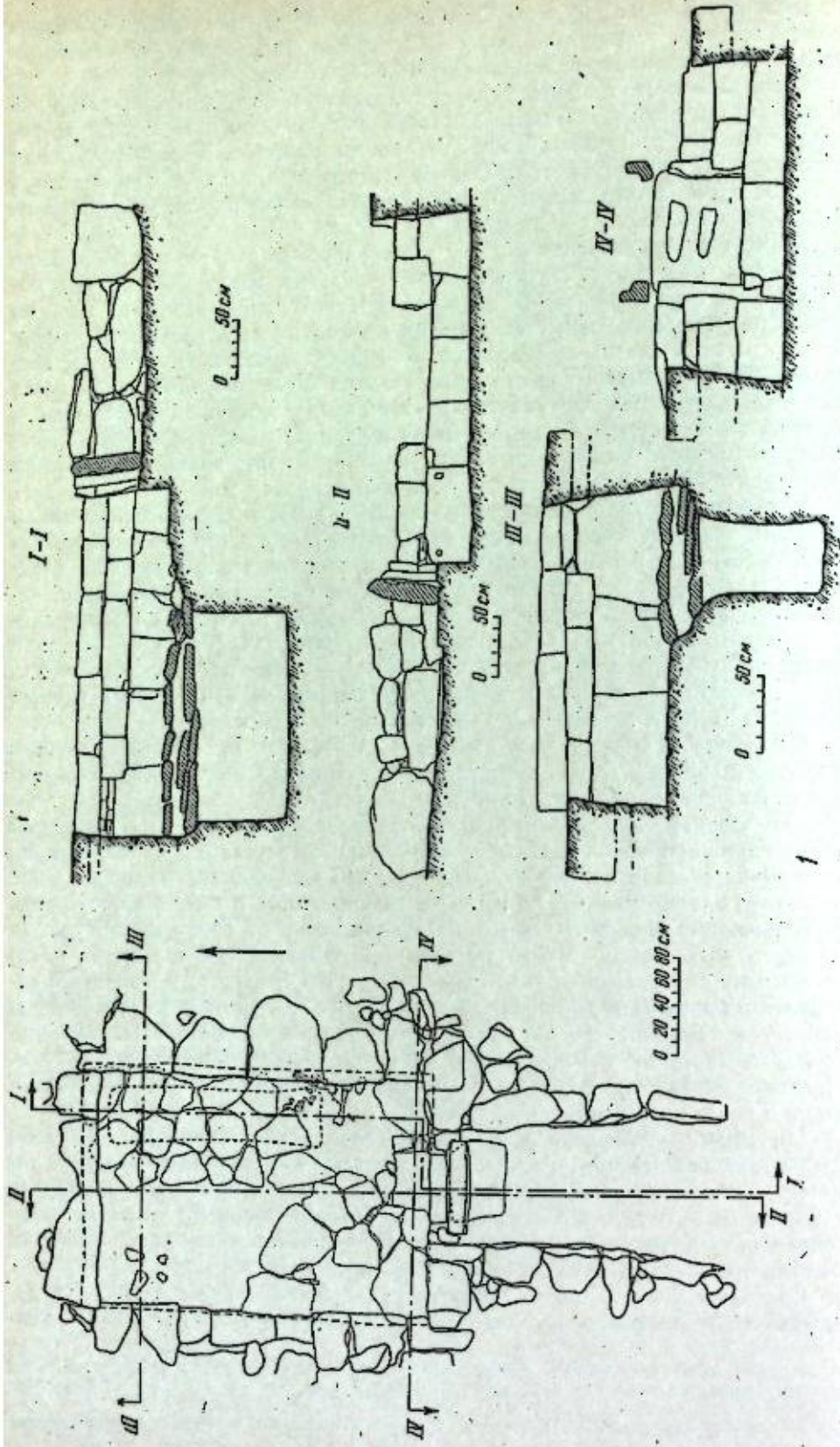

Рис. 32. Беллусский могильник. Планы и разрез склепов

1 — склеп 1; 2 — склеп 2

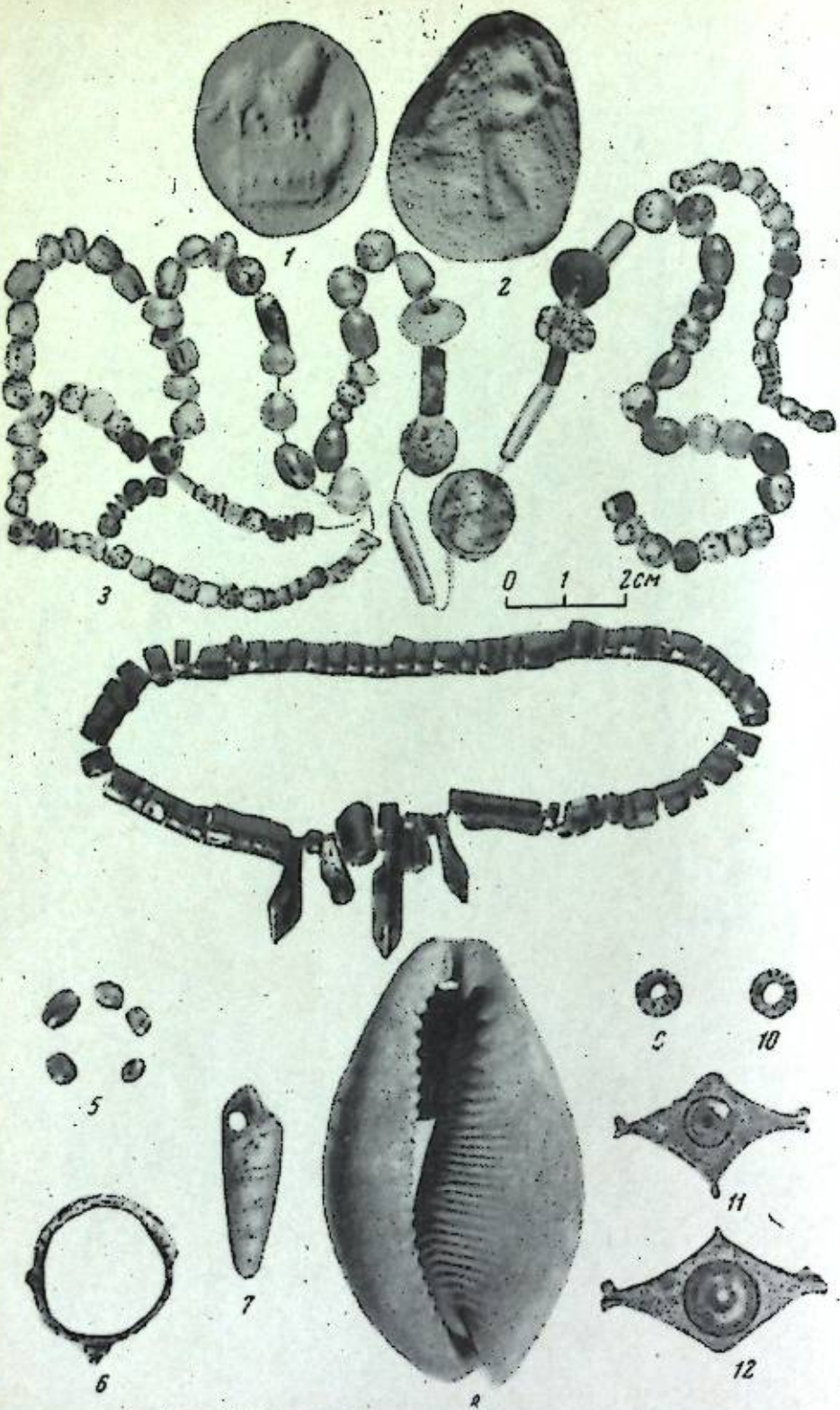

Рис. 33. Беляусский могильник. Находки из склепов

1—7, 9—12 — склеп 2; 8 — склеп 1; 1, 2 — геммы стеклянные (увеличены в три раза); 3 — бусы стеклянные; 4 — бусы гагатовые; 5 — бусы сердоликовые; 6 — височное кольцо бронзовое посеребренное; 7, 8 — подвески из раковины; 9, 10 — бусинки бронзовые; 11, 12 — фибулы бронзовые

сти к гунискому времени. Все вещи оказались разбросанными или слома-
ными.

Из краснолаковых фрагментов полностью восстановлены два неболь-
ших тонкостенных кубка (рис. 34,7,8), тарелочка, сделанная из отбече-
ного поддона большой краснолаковой миски, и чаша с клеймом в виде
ступни, заключенным во врезанный круг (рис. 34,9), хорошо датирующая
серединой I в. н. э.⁵ Остальные обломки краснолаковой керамики
являются остатками шести сосудов, среди которых надо отметить кониче-
скую миску с прижатыми к прямому бортику ручками, также характерную
для I в. н. э.⁶

Из лепной керамики найдены целыми ладьевидный светильник, типич-
ный для комплексов I в. н. э.⁷ (рис. 34,5), и два миниатюрных сосуди-
ка (рис. 34,1,2), вероятно, сопровождавших детские погребения. Восстано-
влены еще три маленьких сосуда, один из которых — лощеный, на высо-
ком поддоне (рис. 34,4), горшочек с хорошим серым лощением и две
небольшие миски. Среди прочих можно различить обломки не менее чем
пяти простых и лощеных горшков и мисок.

Орудия и бытовые предметы представлены железными ножами, осел-
ком (рис. 34,6), коническим глиняным пряслицем, обломками бронзового
зеркала.

В склепе собрано много бус: по количеству стеклянные бусы составили
длинное ожерелье, гагатовые — короткое, единичны сердоликовые, янтар-
ные и бронзовые. Среди стеклянных (рис. 33,3) преобладают мелкие — из
белого и синего стекла, некоторые с позолотой, есть рубчатые, бочковид-
ные, цилиндрические, сферические, сдвоенные, стросенные и т. п. Гагатовые
(рис. 33,4) представляют собой отрезки цилиндра различной длины и
стреловидные подвески, распространенные в некрополях Северного При-
черноморья как в I в. н. э., так и в более раннее время.⁸ Сердоликовые
бусины все мелкие, бочковидные (рис. 33,5); бронзовые (рис. 33,9,10) —
сферические, реберчатые; янтарные — уплощенно-биконические. К ожере-
льям относится также подвеска из раковины *Ceritium*, обитающей у бере-
гов Крыма (рис. 33,7).

Интересны две стеклянные геммы (рис. 33,1,2). На одной изображена
крылатая Ника, на другой — овца, стоящая на носу корабля, снабженно-
го тараном.

В числе бронзовых украшений — подвеска в виде ведерка⁹, незамкну-
тое височное кольцо, украшенное гроздью из четырех шариков зерна и
покрытое тонким слоем серебра (рис. 33,6), и две разной величины шар-
нирные фибулы-броши с ромбическими щитками и завитками на углах
(рис. 33,11,12). Ромбовидные фибулы известны вообще в Северном При-
черноморье со II в. до н. э.¹⁰ но данная разновидность их зафиксиро-
вана лишь во второй половине I — начале II в. н. э.¹¹

Таким образом, по дошедшим до нас остаткам инвентаря погребения
в склепах (за исключением вторичного — гуниского) датируются I в. н. э.

⁵ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 298.

⁶ Т. М. Арсеньева. Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное. СА, 1963, № 1, стр. 195, рис. 7,4.

⁷ О. Д. Дашевская. Раскопки Южнодонузлавского городища в 1963—1965 гг. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 70, рис. 21,8.

⁸ Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя скифского. МИА, № 96, 1961, стр. 171; Д. Б. Шелов. Некрополь Тапанса. МИА, № 98, 1961, стр. 13, табл. XLII, 3; Т. М. Арсеньева. Указ. соч., стр. 200, рис. 9, 1.

⁹ В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя скифского. Сб. «История и археоло-
гия древнего Крыма». Киев, 1957, рис. VI, 2.

¹⁰ Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 156, рис. 6,10.

¹¹ А. К. Амброс. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, вып. Д1—30, 1966, стр. 33, табл. 15,5.

Рис. 34. Беляусский могильник. Находки из склепа 2
1—5 — лепные сосуды; 6 — оселок; 7—9 — красноглазковые сосуды

По своей архитектуре беляусские склепы восходят к более ранним склепам с уступчатым перекрытием, известным на Боспоре вплоть до I в. до н. э.¹² Наряду с монументальными сооружениями там в эллинистическую эпоху бытовали и маленькие уступчатые склепы, совпадающие по размеру с нашими¹³. При греческом характере архитектуры публикуемых памятников такая деталь, как выравнивание напущенных камней перекры-

¹² В. Д. Блаватский. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями. СА, XXIV, 1955, стр. 52.

¹³ Л. И. Чунстова. Курганные гробницы, открытые в 1950 г. в районе Тиритаки. АИБ, I. Симферополь, 1952, стр. 220 и сл., рис. 4.

тия путем подтески, находит параллель в скифском белогорском склепе (Восточный Крым, III в. до н. э.)¹⁴.

Поскольку никаких признаков погребений ранее I в. н. э. в беляусских склепах нет, можно предполагать, что тогда же построены и сами склепы, что повторные захоронения совершались в течение непродолжительного отрезка времени, или же допустить, что были и более ранние погребения, но от них не осталось ни малейших следов.

Раскопки погребений, принадлежавших жителям городища Беляус в самый последний период его существования, приобретают особый интерес, поскольку определение состава населения Северо-Западного Крыма в этот период является насущной проблемой археологии изучаемого района. В настоящее время все исследователи, ведущие здесь раскопки, с большими оговорками, ввиду скудости письменных источников, придерживаются гипотезы, что в I—II вв. н. э. эта территория больше не входила в Херсонесское государство, будучи вторично захваченной скифами¹⁵. Данными погребальных памятников мы до сих пор не располагаем, если не считать случайных находок трех надгробных стел первых веков нашей эры, носящих варварский характер¹⁶. Первые результаты раскопок Беляусского могильника не противоречат принятой гипотезе.

¹⁴ Т. Н. Троицкая. Скифские курганы Крыма. ИКОГО, I, 1951, стр. 103, рис. 8.

¹⁵ А. Н. Карасев. Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории. «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 116; А. Н. Щеглов. О населении северо-западного Крыма в античную эпоху. ВДИ, 1966, № 4, стр. 156; О. Д. Дашевская. Раскопки Южнодонузлавского городища в 1963—1965 гг., стр. 70.

¹⁶ П. Н. Шульц. Надгробный рельеф из с. Марьино. СХМ, III, 1963; он же. Надгробный рельеф сарматского круга. Сб. «Культура античного мира». М., 1966; О. Д. Дашевская. Археологические исследования близ оз. Донузлав. «Археологические открытия 1966 г.», М., 1967, стр. 213, 214.

Э. А. СИМОНОВИЧ

РАСКОПКИ НИКОЛАЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА
НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Первые работы на Николаевском могильнике в 1912 г. сразу привлекли к нему внимание русских и зарубежных специалистов¹. Была высказана версия, предложенная М. Эбертом и А. Шлицем на основании археологических данных и антропометрических измерений, о восточногерманской принадлежности значительной части погребений могильника. Это мнение было принято многими западноевропейскими учеными². Подобные выводы могли иметь какое-то основание лишь до обнаружения и раскопок могильников такого же типа под Симферополем и в Золотой балке на Нижнем Днепре. Анализ обряда погребения и антропологические исследования³ убедительно показали позднескифскую принадлежность этих памятников. Для изучения сложной картины этнических перемещений в первые века н. э. в Северном Причерноморье представлял интерес могильник у с. Николаевки, где, судя по публикациям, прослеживалось переплетение культуры поздних скифов с античной, сарматской, зарубинецкой и черняховской. В 1966 г. на территории могильника⁴ было вскрыто 1453 кв. м, из них около 1000 кв. м образовали раскоп I — восточнее места основных работ М. Эберта, остальная площадь, западнее над Каменной балкой, была исследована широкими траншеями (рис. 35). Кроме могил, на вскрытой площади были обнаружены ямы, выкопанные до начала использования территории в качестве кладбища. Они содержали кости животных и керамику эллинистического времени. Всего новыми раскопками было обнаружено 16 могил, в которых было 30 костяков. Наиболее ранние захоронения обнаружены в грунтовых ямах и земляных склепах-катакомбах. Последние нередко содержали по несколько человек (в одном случае — останки восьми погребенных) и были расположены в наиболее южной части могильника, ближайшей к городищу. Следы самых поздних захоронений в своеобразной грунтовой яме и подбое были открыты в раскопе I. Девять обнаруженных в 1966 г. склепов состояли из предмогильных входных ям, ориентированных примерно одинаково с юго-запада на северо-восток, с ровным или наклонным в сторону могилы полом, и камер-склепов. Полукруглый вход в склеп был заложен одной необработанной ка-

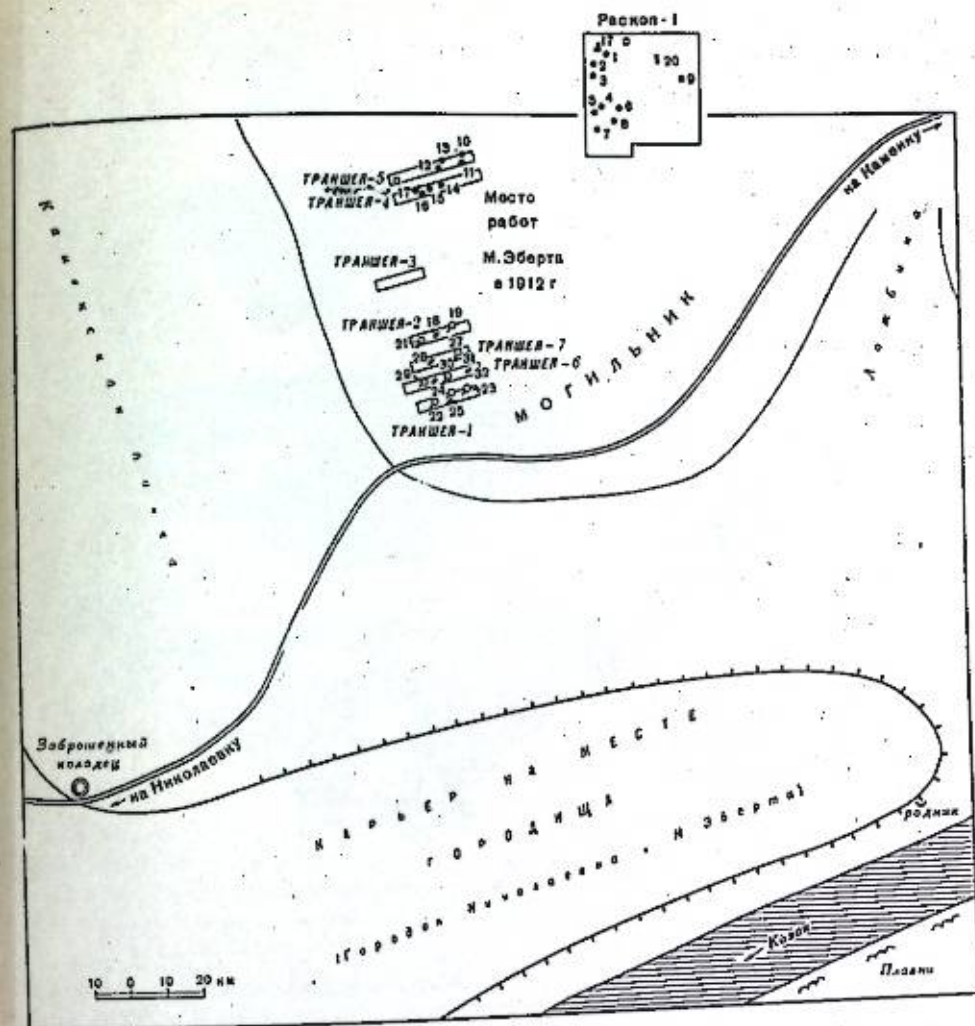

Рис. 35. Николаевский могильник. План

● — ямы с обломками керамики и костями животных; ☉ — земляные склепы; / — грунтовые могилы;
□ — шурфы М. Эберта; □ — подобные могилы

менной плитой больших размеров — до 1 м в диаметре или же чаще несколькими небольшими камнями. Ступенька высотой около 0,5 м отделяла пол склепа от предмогильной ямы. Склепы имели полусферический свод и были округлыми или овальными в плане. В двух-трех случаях отмечена подмазка дна зеленоватой глиной и остатки древесного тлена возле костей погребенных, возможно, являвшиеся следами какой-то подстилки⁵. Скелеты в склепах ориентированы головами, как правило, на северо-запад, хотя встречена и противоположная ориентировка. В свое время М. Эбертом был отмечен случай захоронения в склепе северной ориентировки подростка, сопровождавшегося в числе другого инвентаря узкогорлой провинциально-римской амфорой III—IV вв. н. э.⁶ Нередко к

⁵ Дважды в могилах были найдены угли сосны и дуба. По определению Г. Н. Лисицкой, в четырех могилах остатки дерева принадлежали в двух — сосне, а в одном — дубу и в одном дереву какой-то лиственной породы.

⁶ М. Ebert. Südrubland im Altertum. Bonn und Leipzig, 1921, S. 262 «Большинство погребений принадлежит к III в. и только два — древнее I в. н. э.», — писал М. Эберт, пересмотрев свои первоначальные датировки статьи 1913 г., когда большинство находок он относил ко времени I и II вв. н. э.

¹ M. Ebert. Ausgrabungen bei dem. Gorodok Nikolajewka am Dnjepr Gouv. Cherson. PZ, Bd V. Hf. 1—2. Leipzig, 1913, S. 80—114; A. Schlitz. Die Schädel aus dem Nekropol Nikolajewka. Там же, стр. 114—147.

² Сведения о истории исследований и высказанные мнения приведены нами в статье: Э. А. Симонович. К вопросу об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников рубежа и начала нашей эры. ЗОАО, т. I (34), 1960, стр. 154, 155.

³ Т. С. Кондукторова. Населения Неаполя Скифского за антропологическими данными. «Материалы з антропології України», вып. 3, 1964, стр. 32—71.

⁴ Работы проводились Институтом археологии АН СССР и Институтом антропологии при МГУ.

Рис. 36. Керамика из Николаевского могильника
1, 2, 5, 7 — лепные сосуды; 3, 4, 6, 8 — гончарные

северо-востоку в соответствии с направлением предмогильных ям скелеты ориентированы головами. Последнее наиболее позднее захоронение склепа обычно находится в анатомическом порядке, а предшествующие отодвинуты в сторону и иногда их кости сложены в кучу. Положение костяков либо вытянутое, либо с руками, сложенными на животе. В трех случаях, включая одно погребение в грунтовой яме, встречены скрещенные в голенях ноги. Отмечены случаи, когда человеку, похороненному в склепе, под голову клали камень. Инвентарь небогатый: изредка лежал сосуд типа миски или чарки, поставленный в головах или в ногах. Как исключение в одном случае отмечено два сосуда, относящихся к одному погребению в могиле 21. В погребениях находилась керамика как местная лепная, так и гончарная античного производства: красноглиняные миски полусферической формы с загнутыми внутрь краями и покрытые плохим лаком времени I—II вв. н. э., серо-буролаковая большая миска с выделенным ребром по грани перегиба тулова, также относящаяся к раннеримскому времени. Среди этих форм выделяется один сосуд, покрытый темным лаком (рис. 36,4). Прямых параллелей ему найти не удалось, но краснолаковая мисочка из Танаиса и сосуд из Колонтаевского могильника повторяют его формы и датируются I в. н. э.⁷ Среди лепной посуды заслуживают вни-

⁷ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, № 98, 1961, стр. 28, табл. XXVIII, 3; он же. Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. «Acta archaeologica», т. XVII, Fasc. 1—4. Budapest, 1965, стр. 251—274; Е. Ф. Похорова, Г. Т. Ковпаненко. Могильник біля с. Калантаєво. «Археологія» т. XII, 1961, стр. 136, рис. 6,2.

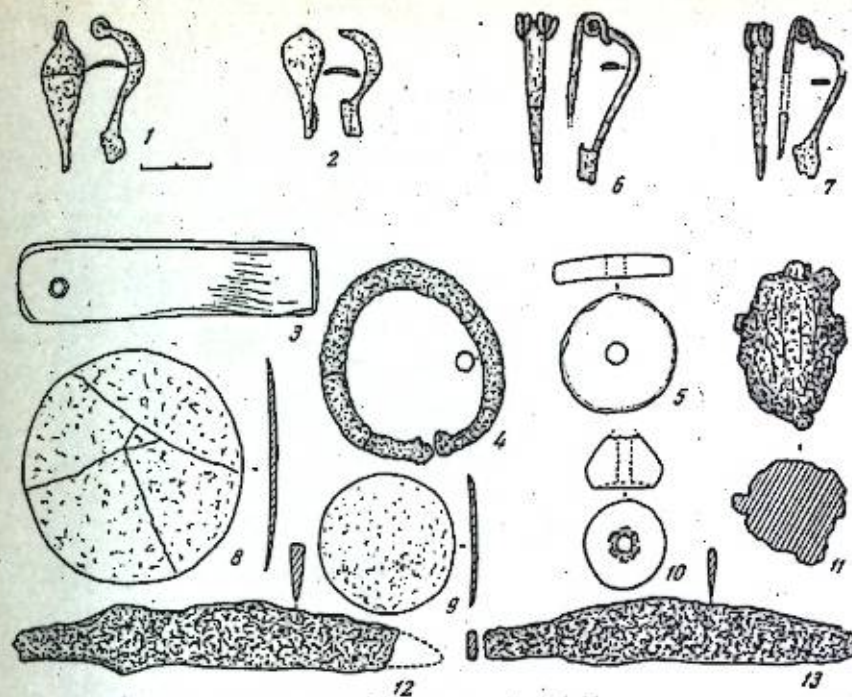

Рис. 37. Николаевский могильник. Находки из погребений I—II вв. н. э.
Бронзовые фибулы и зеркала (1, 2, 6—9), точильный брусок (3), железные браслеты, когти и шпатель (4, 11—13), глиняные пряслица (5, 10)

мания миски или их обломки, покрытые лощением и напоминающие зарубинские формы керамики (рис. 36,1). В двух случаях в могилах встречены глиняные пряслица: в виде кружка, выточенного из стенки амфоры, и конусообразное, вылепленное из серой глины. Из металлических предметов обычной находкой возле пояса или бедра мужчины является железный ножик. Иногда ножик клали возле костей животных — остатков жертвенной пищи⁸. Находки оружия для склепов Николаевского могильника мало характерны. В склепе 21, например, был найден массивный наконечник нагайки из железа (рис. 37,11). Немногочисленны изделия из цветных металлов: обломки четырех фибул I — начала II в. н. э.⁹ были обнаружены в могиле 29 и в единственном разграбленном в древности склепе 19; в этих могилах, кроме того, были обнаружены обломки бронзовых зеркал в виде простых, неорнаментированных металлических кружков, датируемые I в. н. э. Встречаются при раскопках и перстни. От одного перстня сохранилась бронзовая жуковина со стеклянной геммой с изображением головы негра. На гемме из другой могилы была изображена сцена с сатиром¹⁰. Самой обычной находкой не только для женских и детских, но даже для мужских погребений (в 13 из 16 раскопанных могил) были разнообразные стеклянные, пастовые и каменные (сердоликовые и халцедоновые) бусы. Судя по расположению в могиле, их носили не

⁸ По определению В. И. Цалкина, в одном из склепов были кости мелкого рогатого скота, в другом — крупного рогатого скота и в третьем — свиньи.

⁹ А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР. САИ, вып. Д1—30, 1966, стр. 25, табл. 4, 4—8; Э. А. Симонович. Фибулы Неаполя Скифского. СА, 1963, № 4, стр. 144—148, рис. 3; он же. К вопросу об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников рубежа и начала нашей эры, стр. 158, рис. 3, 3.

¹⁰ ВДИ, 1967, № 2, стр. 198—200; см. аналогичные изображения: А. Furtwängler. Beschreibung der Geschnittenen Steine im Altertum. Berlin, 1898, стр. 98, табл. 18, 1902; стр. 133, табл. 25, 2959.

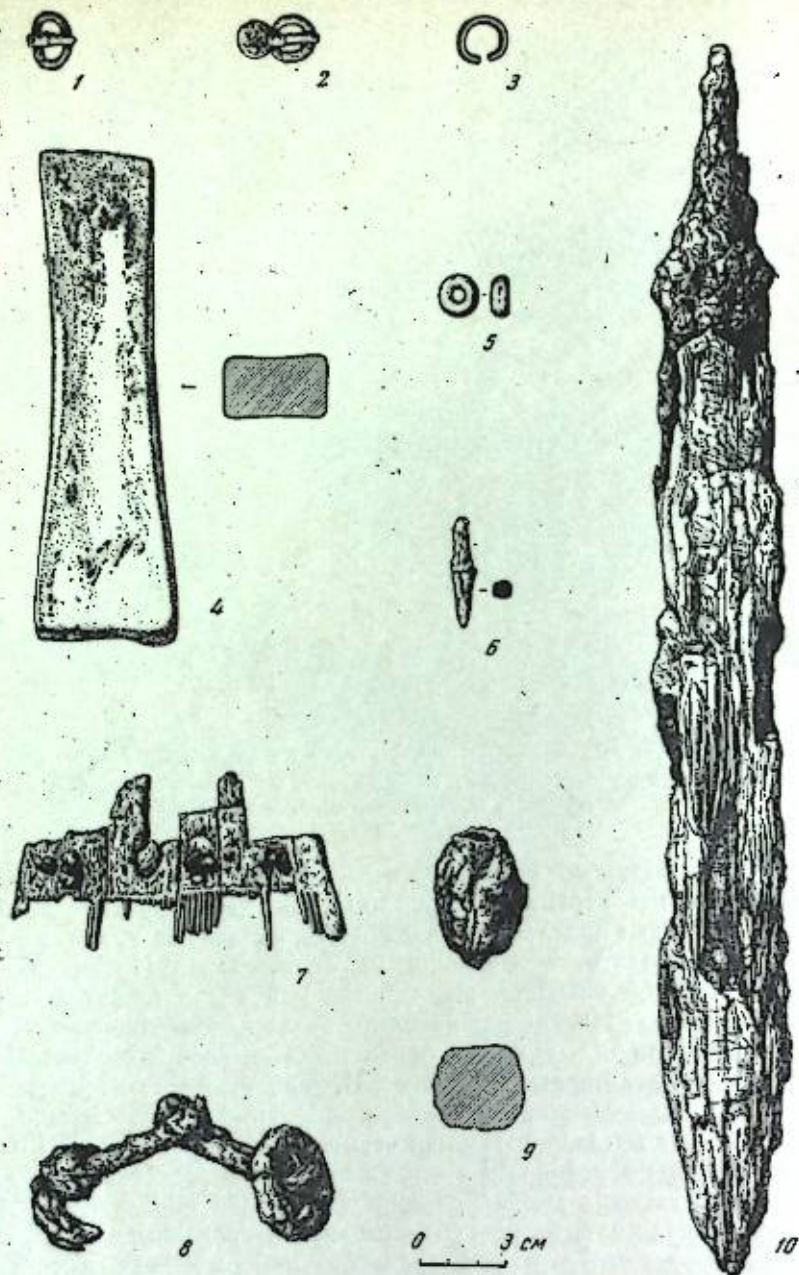

Рис. 38. Николаевский могильник, Погребение 20, III в. н. э.
 Бронзовые пряжки (1, 2); золотое кольцо (3); каменный точильный брусок (4); стеклянная бусина (5); железное шило, наконечник нагайки, удила, короткий меч (6, 8, 9, 10); костяной многозубый гребень, скрепленный железными заклепками (7)

только на шее; бусами обшивали рукава и подола платьев. Эта этнографическая особенность костюма местных жителей резко обособляет их от черняховского населения. Подбойные погребения представлены ограбленной могилкой 17, ориентированной север—юг, с подбоем с восточной стороны. Яма была завалена камнями. В заполнении сохранились только кости мелкого рогатого скота. При ограблении погребенный, видимо, был извлечен из могилы. У М. Эберта также отмечены случаи ограбления подбойных

могил 11. Подбойные могилы в Золотой Балке¹² и в Неаполе Скифском на восточном могильнике были связаны с наиболее поздними захоронениями¹³. Также в Николаевском могильнике одно из самых поздних захоронений, вскрытое М. Эбертом, датируемое стеклянным кубком со шлифованными овалами и арбалетной подвязного типа фибулой с расширяющейся ножкой рубежа III—IV вв. было обнаружено в подбойном погребении¹⁴.

Описанная подбойная могила в Николаевке находилась в значительном отдалении от группы земляных склепов, вблизи нее было обнаружено только позднее грунтовое погребение 20, о котором речь будет идти ниже.

Пять грунтовых погребений (три детских и два взрослых) расположены были близ склепов. Они находились в простых прямоугольных или овальных ямах, ориентированных с юго-запада на северо-восток, головами на северо-восток, за исключением одного случая — погребения младенца (23), обращенного головой на северо-запад. Дно ямы в грунтовых погребениях в отдельных случаях подмазывали глиной зеленоватого цвета (погребение 28). Поза умерших та же, что и в земляных склепах. Обломки железных ножей, каменный точильный брусок, бусы и лепная мисочка в погребении 23 — вот все, что составляло инвентарь подобного рода захоронений. По всем данным, они были одновременны ранним погребениям, найденным в склепах. По богатству инвентаря от них резко отличалось позднее грунтовое захоронение 20, принадлежавшее, по-видимому, представителю племенной знати. Скелет мужчины лет 50 был уложен в узкую, слегка расширяющуюся в северную сторону прямоугольную с закругленными углами яму, ориентированную в направлении север—юг. У дна, в 0,40 м от него, яма еще больше сужается и образует запячки. Это узкое прямоугольное углубление было перекрыто деревом. Дно ямы покрывал слой зеленоватой глины. Скелет лежал на спине, в вытянутом положении и был обращен головой на север. Возле черепа на земляной приступке ямы лежали: большой каменный точильный брусок, железный нож, удила, шильце, костяной гребень, скрепленный железными гвоздиками, с полукруглым выступом на спинке. Другой железный нож лежал у правого бедра. В ногах — железный наконечник нагайки овальной формы со следами древесного тлена от рукоятки. Под правой рукой на боку — короткий (0,42 м) железный двулезвийный меч с остатками дерева от ножен. Около груди было золотое кольцо с несомкнутыми концами. Кроме того, найдены две бронзовые пряжки и круглая бусина — у запястья правой руки, сделанная из синего стекла. Под поясницей сохранились чешуйки железа, возможно, от большой панцирной пряжки. Весь комплекс находок позволяет датировать захоронение III в. н. э. (рис. 38).

Судя по опубликованным материалам и новым раскопкам, Николаевский могильник принадлежал в основном позднескифскому населению, находившемуся в теснейшем взаимодействии с греческими городами Северного Причерноморья. Наличие погребений в подбоях, забитых камнями, узких сужающихся к ногам ямах, скрепленные в голенях ноги и маленькие сарматские зеркала, наконечники нагаек и пр. говорят о взаимодействии местного населения с сарматами. Гораздо больше вопросов вызывает наличие на нижнеднепровских городищах и в могильниках зарубинцевских и черняховских элементов, как-то: лепной и гончарной посуды, костяных многозубых гребешков, бронзовых фибул и пряжек типов, встречаемых

¹¹ М. Эберт. Ausgrabungen bei dem Gorodok Nikolajewka am Dniepr Gouv. Cherson, S. 88.

¹² Э. А. Симонович. К вопросу об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников рубежа и начала нашей эры, стр. 155; М. И. Вязмитина. Могильник рубежу нашей эры біля с. Золота Балка. АН УРСР, т. X. 1961, стр. 102.

¹³ Э. А. Симонович. Итоги новых работ..., стр. 34, 35.

¹⁴ М. Эберт. Ausgrabungen bei dem Gorodok Nikolajewka am Dniepr Gouv. Cherson, S. 87, Abb. 96.

на памятниках черняховской культуры. В то же время при раскопках типично черняховского могильника в Причерноморье в с. Коблево было обнаружено четыре склепа-катакомбы, близкие николаевским¹⁵. Все это свидетельствует о сложном переплетении культурных элементов в первые века н. э., хотя в общем могильники разных групп местного населения, близкие или даже совпадающие по времени их существования, различаются друг от друга достаточно четко. Удельный вес таких особенностей, в частности зарубинецких и черняховских, на городищах и могильниках низового Днепра был ограничен. По-видимому, для осуществления торговых связей северных племен с античными городами-полисами необходимы были опорные пункты вдоль нижнего течения реки. Такие крепости, как Николаевское городище могли являться торговыми факториями, в существовании которых могли быть заинтересованы многие стороны, и мнение В. И. Гошкевича в этом отношении представляется нам вполне вероятным¹⁶. Во всяком случае эллинистические элементы культуры (посуда, геммы, бусы и пр.) на Николаевском могильнике являются достаточно яркими и показывают направление торговых связей местного населения¹⁷. В то же время никаких признаков проникновения германских прибалтийских особенностей ни в обряде погребения, ни в находках Николаевского могильника усмотреть не представляется возможным. Памятник возник задолго до прихода готов и продолжал использоваться в эпоху развития черняховской культуры, как и городище, и могильник в с. Красный Маяк (быв. Бизюков монастырь) и некоторые другие другие нижнеднепровские городища. Соединение в одних могильниках разнородных этнокультурных элементов скорее всего указывает на мирный характер сосуществования неоднородных в этническом отношении групп племен, живших на Нижнем Днепре, вблизи берегов Черного моря, в римский период.

¹⁵ Э. А. Симонович. Памятники черняховской культуры на Черном море. МИА, № 139, 1967, стр. 219.

¹⁶ В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам Низового Днепра. ИАК, 47, СПб., 1913, стр. 145.

¹⁷ Например, известно из письменных источников проникновение римских купцов за пределы лимеса задолго до освоения римлянами Дакии и включения причерноморских эллинистических городов в провинцию Нижнюю Мезию (см.: И. Т. Кругликова. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955, стр. 26—31).

Ю. В. КУХАРЕНКО

МОГИЛЬНИК у дер. ВЕЛИЧКОВИЧИ

В последние годы внимание исследователей все более и более привлекают так называемые готско-гепидские древности, открытые в Полесье и на Волыни (могильники Брест-Тришин, Любомль, Машев, Баев, Дитыниччи, поселение в Лепесовке и др.). В связи с этим представляется целесообразным ввести в научный обиход, хотя и скудные в количественном отношении, но интересные материалы еще из одного памятника этого типа. Это могильник у дер. Величковичи Каменецкого р-она Брестской обл. БССР. Он был открыт случайно в начале 50-х годов прошлого века М. Вислоцким. Расположен на песчаной возвышенности правого берега р. Западный Буг, примерно в одной миле от устья впадающей в Западный Буг р. Пульвы. На развеванной ветром поверхности М. Вислоцкий обнаружил несколько разрушенных погребений с трупосожжением. На месте погребений им было собрано большое количество «побитых белых и черных урн», несколько бронзовых фибул и некоторые другие вещи. Две из фибул, найденных М. Вислоцким на могильнике, были представлены на Археологической выставке в Варшаве в 1856 г. и описаны в каталоге второй выставки под номером 132. Они же упоминаются и в известной сводке О. Альмгрена¹.

Часть вещей, найденных на могильнике в Величковичах, была передана М. Вислоцким в кабинет археологии Краковского университета². В 1875 г. они вместе с сопроводительным письмом М. Вислоцкого из кабинета археологии были переданы на хранение в Краковский археологический музей, где и находятся в настоящее время³.

Среди этих вещей особого внимания заслуживают три типичные североевропейские фибулы — вещи, редко встречающиеся на нашей территории (рис. 39, 1—3). Две из них, упоминавшиеся О. Альмгреном, имеют широкий гребень на головке и расширенную ножку (рис. 39, 1—2), третья — арбалетовидная с узкой ножкой и пластинчатым приемником (рис. 39, 3). Все фибулы — бронзовые, фрагментированные. Фибулы с широким гребнем на головке хорошо датируются концом II в. н. э., арбалетовидная — III, а возможно — IV в. н. э.⁴ К этому же времени относятся и остальные вещи из Величкович, найденные вместе с фибулами на месте разрушенных погребений. Среди них имеются два бронзовых кольца, сделанные из круглой в поперечном сечении проволоки (рис. 39, 6, 7), две стеклянные бусины: граненная, прозрачная (рис. 39, 4), гладкая, темносиняя (рис. 39, 5) и доннышко небольшого лепного сосуда-урны, сделанного

¹ O. Almgren. Studien über Nordeuropäische Fibelformen. Leipzig, 1923, S. 176.

² Переданы в 1871 г. и хранятся в коллекции Подчашиньского.

³ Инвентарные номера 645, 649 и 668.

⁴ O. Almgren. Указ. соч., стр. 58—61, 86, 87; А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, вып. Д 1—30, 1966, стр. 39, 70, 71.

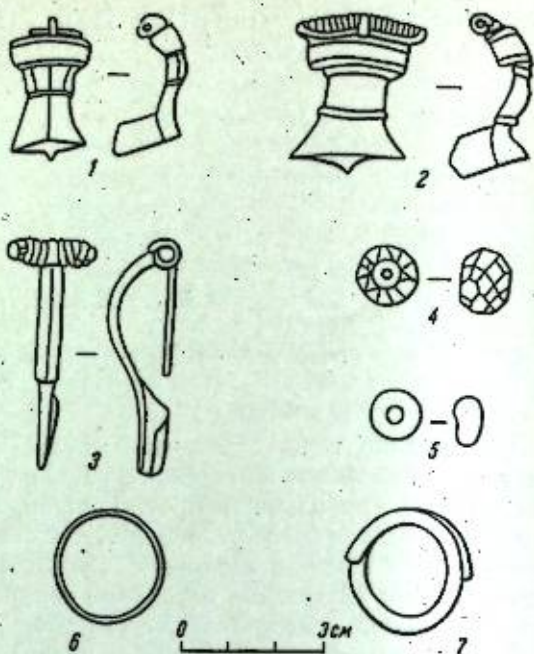

Рис. 39. Могильник у дер. Величковичи. Вещи из разрушенных погребений

1—3 — фибулы; 6, 7 — кольца; 4, 5 — бусы (1—3; 6, 7 — бронза; 4, 5 — стекло)

из глины, содержащей примеси песка. Наружная поверхность этого сосуда тщательно сглаженная, коричневая.

Судя по вещам, могильник около дер. Величковичи относится к той же группе памятников готско-гепидской культуры, что и исследованный нами в последние годы могильник в Тришине на окраине Бреста⁵. Ряд подобных же могильников известен по берегам Западного Буга и на соседней территории Польши⁶. Исследование этих памятников, в том числе и могильника в Величковичах, важно для выяснения многих вопросов, связанных с одной из самых дискуссионных проблем советской археологии — проблемой продвижения древнегерманских племен к Черному морю, засвидетельствованному письменными источниками.

⁵ Ю. В. Кухаренко. Могильник Брест-Тришин. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 97—101.

⁶ А. Кемписты. Obrządek pogrzebowy w okresie rzymskim noc Mazowszu. «Swiatowit», t. XXVI, 1965, str. 5—161.

В. Б. НИКИТИНА

ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА р. ТЕТЕРЕВ

При разведочных работах, проводившихся в зоне затопления Житомирской ГЭС в 1963 г., наряду с большим количеством других археологических памятников был обследован и ряд селищ раннего железного века. На одном из них — Тетеревка 3 мной были произведены небольшие раскопки.

Это селище расположено на правом берегу р. Тетерев, напротив дер. Тетеревка. Оно занимает участок пологого склона высокого коренного берега реки. Площадь, на которой расположено селище, сильно разрушена окопами. Подъемный материал — мелкие обломки лепных сосудов — распространен полосой шириной около 50 м вдоль берега реки.

На поселении был вскрыт участок площадью в 114 кв. м. Почва на этом участке вплоть до материка, залегающего на глубине 0,3 м, — песчаная, сильно гумусированная и содержит много примесей золы. Никаких вещевых находок в почвенном слое найдено не было. Материк — твердый песок желтого цвета.

После снятия почвенного слоя в материке было обнаружено несколько ям. Самая большая из них — яма 1; она частично разрушена окопом. Сохранившаяся часть ее — в плане овальная, диаметр ее с севера на юг — 5 м, с востока на запад — 4,1 м. Стенки ямы — отвесные, глубина — 0,5 м от уровня современной поверхности, дно — плоское. На нем, почти в центре ямы, находилось еще две ямы на расстоянии 0,2 м одна от другой. Одна из них (яма 2) — в плане круглая, диаметр ее — 1,6. Дно ямы — ступенчатое, наибольшая ее глубина — 0,75 м. Диаметр меньшей ямы 3, также круглой в плане, — 1 м, глубина — 0,45 м.

Песок, заполнявший ямы, перемешан с золой и мелкими древесными угольками. В первой, большой яме, и во второй, вскрытой на ее дне, обнаружено большое количество обломков лепных сосудов, среди которых имеются и очень крупные фрагменты. В яме 3 никаких вещевых находок не было найдено. Остальные ямы, обнаруженные на площади раскопа, — неправильной округлой в плане формы: их диаметр — от 0,3 м до 2,1 м, глубина — от 0,1 м до 0,7 м. В зольно-угольном заполнении их никаких находок не было.

Керамика, обнаруженная в ямах, представлена следующими основными типами сосудов:

1. Большие и довольно тонкостенные лепные сосуды, по-видимому, тюльпановидной формы, с прямыми, слегка отогнутыми наружу венчиками (рис. 40, 1—6). Края венчика у большинства сосудов горизонтально срезаны (рис. 40, 1—3). Многие сосуды имеют наlepной валик под венчиком или по тулову (рис. 40, 3, 5—6). Часто валик украшен пальцевыми вдавлениями или же насечками, нередко расположенными группами по две или по четыре вместе. Насечка иногда встречается и по краю вен-

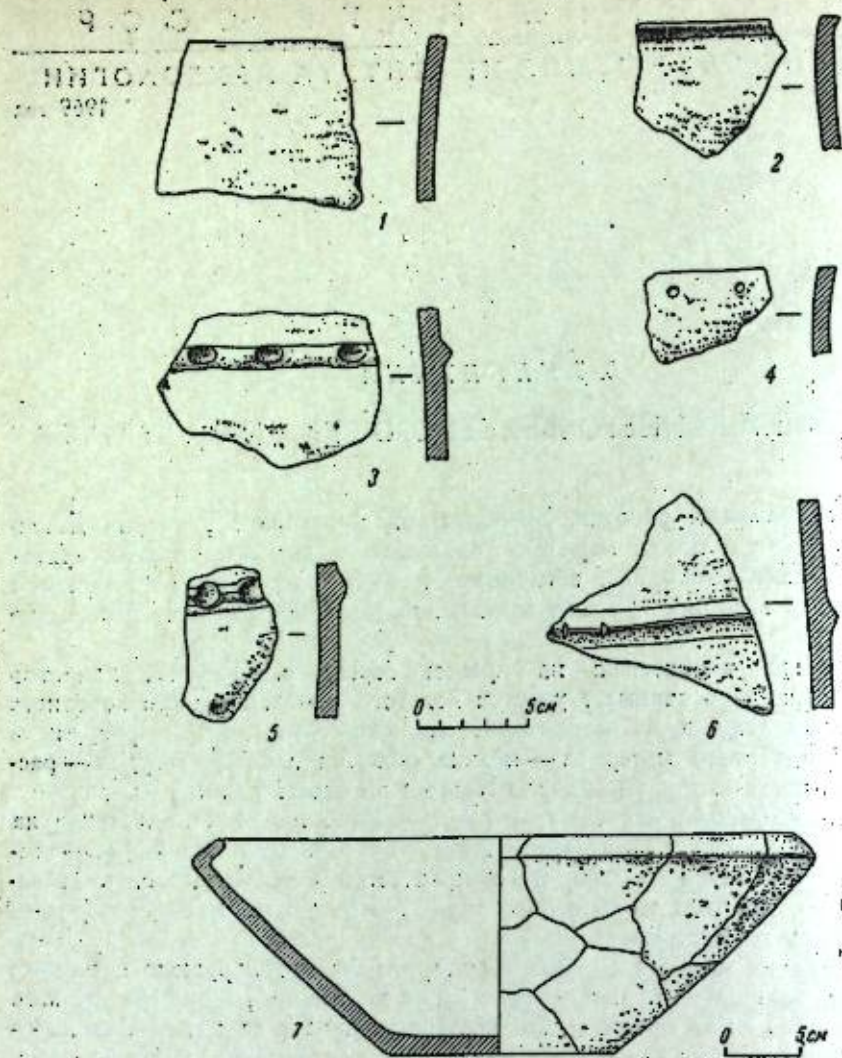

Рис. 40. Поселение на р. Тетерев. Обломки глинных сосудов и миска из ям 1-2

чика. Часто под венчиком расположен жемчужный орнамент или сквозные отверстия (рис. 40, 3).

2. Большие миски с непропорционально большим диаметром отверстия и резко загнутым вовнутрь венчиком. Например, в яме 2 миска имела диаметр отверстия 38,4 см, диаметр дна — 16 см, высоту — 14,3 см (рис. 40, 7).

3. Небольшие сосудики цилиндрической формы.

Все сосуды имеют гладкую или немного шероховатую поверхность светло-коричневого, красноватого и серо-черного цвета. Тесто сосудов было очень плотное, с примесью песка и слюды. Обжиг — довольно хороший.

Время функционирования поселения Тетеревка 3 можно установить лишь приблизительно, так как, кроме керамики, других находок не было. Судя по общему облику керамики, селище относится к самому началу железного века.

Близкие формы сосудов известны среди керамики высочкой и восточных групп лужицкой культуры, по находкам на памятниках белогрудов-

ского и чернолесского типов, а также на поселениях предскифского времени в низовьях р. Роси¹. Но полные аналоги всему керамическому комплексу поселения пока не найдены.

Селища такого же типа, как Тетеревка 3, обнаружены на р. Тетерев возле хутора Вилы, около с. Тетеревка на левом берегу реки, около с. Корчак (Корчак 7) и на р. Гинопять, напротив хутора Тетеревского. Все они были расположены на высоких коренных берегах рек, недалеко от воды. На некоторых из них (Вилы, Корчак 7) были проведены небольшие разведывательные раскопки, давшие большое количество керамики тех же типов, что и керамика из поселения Тетеревка 3.

Памятники с керамикой типа найденной в Тетеревке 3, Корчаке 7, Вилах и на других поселениях в районе рек Тетерева и Гинопяти, с определенностью пока что нельзя отнести ни к одной из известных в настоящее время культур раннежелезного времени на окружающих территориях. Может быть, они принадлежат к какой-то новой, еще не изученной, культурной группе, близкой к белогрудовско-чернолесской.

¹ T. Sulimirski. Kultura wysocza. Kraków, 1931, tabl. XII; А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 65, рис. 39; стр. 73, рис. 48; стр. 81, рис. 53; Ю. В. Кухаренко. Раскопки у с. Сахновки. МИА, № 108, 1963, стр. 246, рис. 3, 1-4.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРНОГО МЫСА ГОРОДИЩА
СТАРАЯ РЯЗАНЬ

При возобновлении после длительного перерыва работ Старорязанской экспедиции в 1966—1967 гг. одним из объектов исследования был Северный мыс городища Старая Рязань, образованный оврагом, по которому протекает р. Серебрянка, и рекой Окой¹. С этого мыса происходит клад серебряных предметов 1877 г. и отдельные находки вещей и керамики, полученные при случайных обстоятельствах. При рекогносцировочных работах В. А. Городцова в начале XX в. и при работах экспедиции ИА АН СССР в 1945, 1946 и 1950 гг.² А. Л. Монгайт писал, что на Северном мысу находились поселения неолитического, древнечудского, городецкого и славянского типов, но вопрос о преемственности и хронологической последовательности между ними остался неразрешенным ввиду плохой сохранности культурного слоя³.

Северный мыс представляет собой высокий холм с крутыми склонами и площадкой овальной формы размером 108×50 м, расположенной на высоте 15—20 м от подножья. В юго-западной части холма на высоте 9 м от подножья имеется небольшой террасовидный уступ. Следов укреплений в настоящее время не сохранилось, но на основании проведенной топографической съемки можно предполагать, что в южной, более пологой части холма в древности были вал и ров, на месте которого и образовалась выемка, отделяющая Северный мыс от Старорязанского городища. Большая часть площадки мыса занята современным кладбищем, и культурный слой сильно испорчен; лишь на северной оконечности площадки оказалось возможным заложить раскоп. Склоны мыса задернованы, но в них имеются обнажения с выходами культурного слоя. В 1966 г. были обследованы все обнажения и склоны и заложен небольшой шурф на площадке городища, который в 1967 г. при продолжении работ был превращен в раскоп.

На восточном краю площадки при зачистке обнажения прослежен культурный слой глубиной до 2,2 м с хорошей стратиграфией. Непосредственно под дерном залежала светло-серая супесь со славянской керамикой и обломками плинфы. Ниже лежал культурный слой с напластованиями супеси, суглинка, угля и золы, содержащий керамику эпохи раннего железа

¹ Экспедицией руководил А. Л. Монгайт. Земляные работы на Северном мысу проведены силами школьников — членов археологического кружка Дворца пионеров г. Москвы.

² «Тр. РУАК», т. II, 1888, стр. 101; А. С. Гуцин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1937, стр. 79, 80; В. А. Городцов. Материалы для археологической карты р. Оки. «Тр. XII АС», 1902, стр. 632 и др.; он же. Дневник археологических раскопок Старорязанского городища в 1926 г. НАРМ, № 152.

³ А. Л. Монгайт. Из истории поселения среднего течения р. Оки в I тысячелетии н. э. СА, XVIII, 1953, стр. 155—159; он же. Старая Рязань. МИА, № 49, 1953, стр. 17, 18.

Рис. 41. Старая Рязань. Керамика с Северного мыса городища

и бронзы. На материке прослежена углистая прослойка, а поверх нее — мощный (50—60 см) слой супеси, сильно насыщенный золой, углем и рыбьей чешуей. Этот слой содержал керамику только эпохи неолита и бронзы. Все слои залегают горизонтально, без стерильных прослоек. Аналогичная стратиграфическая картина прослежена и на террасе западного склона, где была сделана врезка площадью 8 кв. м. Культурный слой здесь достигал мощности 2,5 м. В нижних напластованиях отмечено очень высокое содержание рыбьих костей и чешуи, местами залежавших пластом мощностью до 10 см. Именно с нижней частью культурного слоя, как и при зачистке на восточном крае площадки, связываются находки керамики эпохи бронзы. Вместе с ней в незначительном количестве найдены фрагменты посуды неолитического облика. Очень важным моментом оказалась находка на глубине 2—2,20 м скопления керамики, среди

которой были фрагменты большого раздавленного сосуда эпохи бронзы. Сосуд полностью восстановлен. Размеры его: диаметр горла — 28 см, диаметр дна — 13 см, высота — 30 см. Сосуд изготовлен из грубого теста с примесью дресвы, обжиг — неравномерный. Поверхность сосуда несет следы обработки гребенчатым штампом и украшена ямчатыми вдавлениями (рис. 41, 17). Находка целого сосуда при четкой картине напластований и повторение соотношения слоев на разных участках дали основание судить о сохранении здесь непоколебленного культурного слоя. При раскопках этого небольшого участка найдено 40 отдельных находок, среди которых имеются кремневые и костяные предметы (рис. 42, 1—4, 6—7), изделия из глины, обломки бронзовых украшений, пастовые бусы и раковины каури. Интересны костяной орнаментированный предмет, по-видимому, охотничий манок (рис. 42, 4), глиняные орнаментированные грузики (рис. 42, 5, 14—15) и керамическая форма для отливки бронзовых украшений с S-образными завитками (рис. 42, 20) типа, широко распространенного у финноугорских племен.

В юго-западной части площадки мыса при зачистке обнажения обнаружено частично разрушенное бытовое сооружение городецкого времени, возможно землянка. Оно представляло собой западину чашевидной формы шириной 2,50 м и глубиной 0,80. В донной части ее заполнения в углесто-золистом слое найдены рыбьи кости и чешуя, сетчатая и роговая керамика, миниатюрный сосудик (рис. 42, 26) и костяное заполированное в работе острие.

Таким образом, работы по обследованию обнажений в разных участках Северного мыса дали материалы, свидетельствующие о времени основания поселения и о последующих этапах жизни на нем.

На основании найденных здесь керамики и вещей представляется, что поселение на Северном мысу основано в эпоху позднего неолита, но керамика этого времени немногочисленна (рис. 1, 1—2) и, вероятно, происходит из нарушенного нижнего слоя. Древнейшие прослеженные нами напластования относятся к эпохе бронзы. Судя по отдельным, впервые найденным в этом районе фрагментам посуды балановского типа (рис. 41, 4—5, 9), можно говорить о позднефатьяновском времени, однако основная масса керамики, по-видимому, оставлена местными племенами (рис. 41, 3, 6—7, 17). В ней прослеживаются элементы, близкие керамике эпохи раннего железа, представленной здесь материалами городецкой культуры, что приводит к мысли о генетической связи местных племен эпохи бронзы и раннего железа. Городецкая керамика представлена фрагментами рогожных, штрихованных, сетчатых, гладкостенных и чернолощенных сосудов (рис. 41, 8, 10—16). Из первоначальной стоянки рыбаков-охотников Северный мыс в городецкое время был превращен в укрепленное поселение с валом и рвом с южной напольной стороны. Жилые сооружения, располагавшиеся на площадке, были уничтожены в последующий позднегородецкий и славянский периоды и при сооружении современного кладбища.

В северной части площадки мыса раскопан участок площадью в 176 кв. м (рис. 43). На материке, на глубине 20—30 см от современной поверхности, открыты остатки древнего культового сооружения, состоящего из расположенных в круговой планировке жертвенников. Каждый из них представлял собой овальное углубление, ориентированное в направлении север—юг, в некоторых случаях — с отклонением к западу. Реже форма жертвенников была округлой. Размеры жертвенных ям — около 2,5×2 м при заглубленности их в материка до 50 см. Вокруг них прослежены остатки столбовых оградок в один или два ряда, а в некоторых местах иногда наблюдались большие скопления столбовых ям, что позволило предположить многократное возведение оградок на одном месте. Жертвенные ямы были заполнены гарью, обгоревшими камнями, шлакирован-

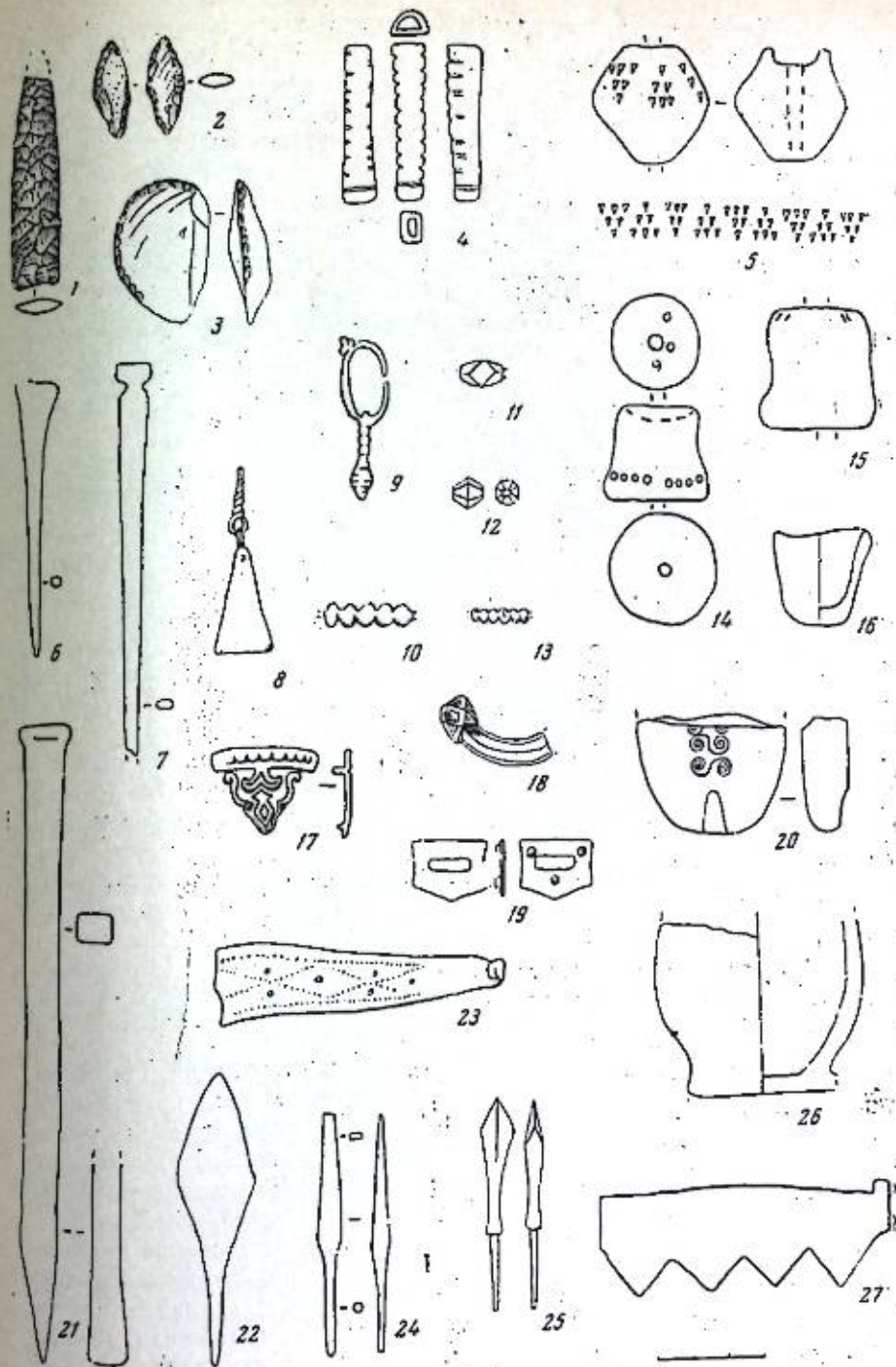

Рис. 42. Старая Рязань. Находки с Северного мыса городища
1—3 — кремневые; 4, 6—7 — костяные; 5, 14—16, 20, 26 — глиняные; 8—9, 17—19, 23, 25 — бронзовые;
21—22, 24, 27 — железные; 10—13 — стеклянные

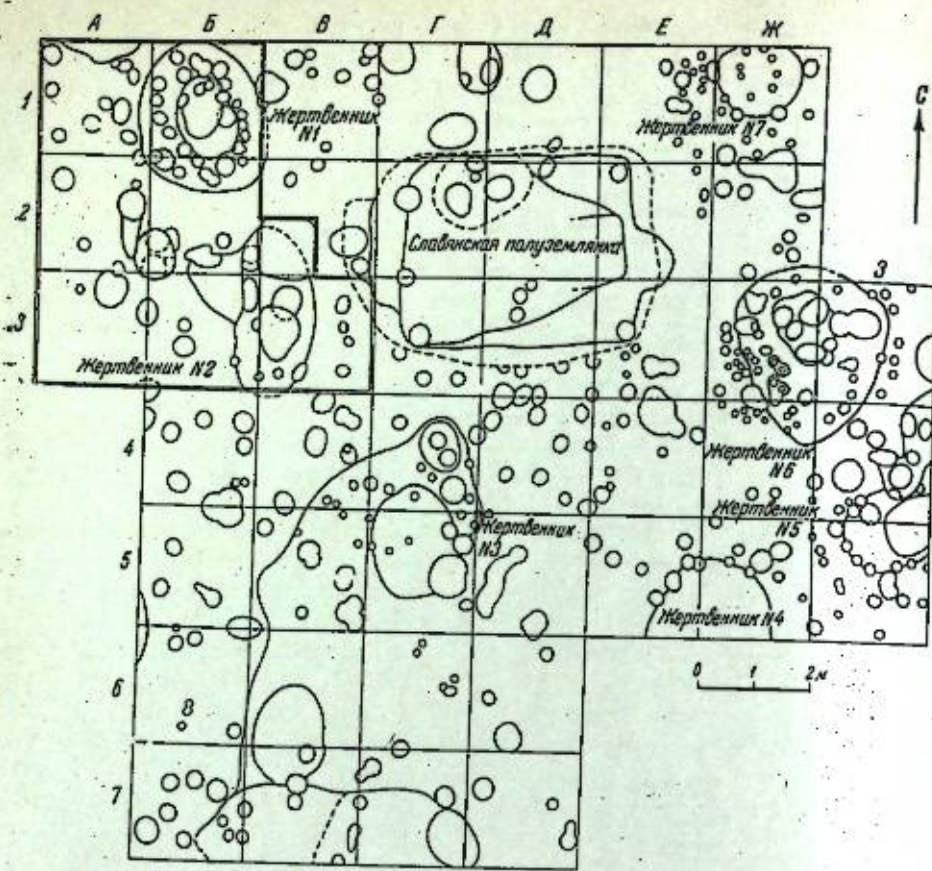

Рис. 43. Старая Рязань. План сооружений на Северном мысу городища

ной керамикой — все это свидетельствует о разведении здесь костров. Вся керамика — лепная, преобладает грубая, без орнамента, но встречается и лощеная. Сосуды сильно фрагментированы и, по-видимому, преднамеренно разбиты. Судя по фрагментам, это были горшки и сковородки. Некоторые из них орнаментированы насечками по краю. Встречены и миниатюрные сосудики (рис. 42, 16). В жертвенниках найдены обгоревшие зерна мягкой пшеницы и ячменя⁴, кости животных иногда расколотые. Преимущественно это кости лошади, коровы; в одном из жертвенников найдена кабанья челюсть. По-видимому, все это представляет собой следы языческого культового обряда с жертвоприношениями. В заполнении жертвенников и на площади между ними найдены также различные предметы: железные ножи, по-видимому, ритуального характера, пряслица, глиняные и известняковые грузила, стеклянные и пастовые бусы, пронизи, бронзовые украшения. Большинство украшений известно по памятникам финно-угорского типа середины — второй половины I тысячелетия — это шумящие трапециевидные подвески, бубенчики, обломки браслетов, пастовые печеночные, стеклянные синие и позолоченные бусы и многочастные пронизки (рис. 42, 10—13). В одном из жертвенников обнаружена бронзовая литая серьга импортного происхождения с овальным кольцом, с боковым зернистым выступом и отходящей вниз от кольца неподвижной подвеской в виде стержня с грузиком на конце (рис. 42, 9). Аналогичные украшения

⁴ Определение Н. А. Кирьяновой.

встречаются в более южных областях Восточной Европы в VIII—IX вв.⁵ Интересно отметить, что этого типа украшения найдены в древнеудмуртском могильнике Мыдлань-Шай, где служили подвесками в ожерелье, в состав которого входили также и многочастные стеклянные пронизки, подобные найденным на Северном мысу, и омаядские дирхемы первой половины VIII в.⁶ К этому же времени относится найденная здесь бронзовая поясная бляшка салтовского типа⁷ (рис. 42, 19).

Все жертвенные ямы были размещены в определенной системе, близкой к круговой, и, по-видимому, с внешней стороны все святилище замыкалось круговой столбовой оградой, следы которой на некоторых участках отчетливо выявились при раскопках. По аналогиям с другими древними языческими святилищами североευропейских племен можно предполагать, что в центре культового сооружения находился столб с изображением идола⁸. Однако на Северном мысу центральная часть святилища оказалась нарушенной полуземлянкой славянского времени. Вероятно, оградки жертвенников также венчались изображениями идолов наподобие языческого святилища древних русов, описанного Ибн-Фадланом⁹.

Стратиграфические данные позволяют говорить об одновременности всех обнаруженных жертвенников. Это подтверждается не только их расположением на материке, но и определенностью планировки святилища в целом. Судя по типам найденной в жертвенниках керамики, они функционировали длительное время, огонь в них разводился многократно. Об этом также можно судить по следам многочисленных столбовых ям от оградок, иногда совмещающихся в плане на одном и том же месте. О времени святилища и культурной принадлежности свидетельствуют керамика и находки. Они соответствуют материалам финно-угорских могильников середины — второй половины I тысячелетия, в частности материалам расположенного поблизости рязанского финно-угорского Шатрищенского могильника. По-видимому, эти памятники принадлежали родственным племенам. Судя по находкам, в частности по чернолощеной керамике, начальное время жертвенного места можно определить серединой I тысячелетия. Оно функционировало вплоть до VIII, а возможно и IX в.

Остатки святилища непосредственно перекрыты слоем X—XIII вв.; на этом участке находилась наиболее древняя часть Старой Рязани¹⁰. Обратим особое внимание на структуру культурного слоя. Он представлял собой темно-серую гумусированную супесь более светлую на контакте с материком. Несмотря на слабую мощность слоя (около 30 см) и отсутствие в нем стерильных прослоек, большинство выявленных раскопками сооружений (жертвенные ямы и оградки святилища, славянское жилище) хорошо расчленяется стратиграфически и по характеру заполнения. Прослеживается также и стратиграфия находок: круговая керамика и вещи славянского типа находились преимущественно в верхней части культурного слоя, перекрывая слой с финно-угорскими предметами.

Все эти данные указывают на хронологическую последовательность напластований на площадке Северного мыса и на непосредственную смену финского населения славянским.

⁵ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА, № 142, 1967, стр. 141, рис. 36.

⁶ В. Ф. Генниг. Мыдлань-шай — удмуртский могильник VIII—IX вв. ВАН, вып. 3, 1962, стр. 36, и др.

⁷ С. А. Плетнева. Указ. соч., рис. 44, 43.

⁸ В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, вып. L, 1950; К. А. Смирнов. Святилище в урочище Ага-Базар. МИА, № 61, 1958, стр. 451—458; П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 31, 32; А. Д. Прякин. Отчет археологической экспедиции Воронежского университета в 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р—I, л. 2896.

⁹ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу» (под редакцией академика И. Ю. Крачковского). М.—Л., 1939, стр. 79, 80.

¹⁰ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 19, 20.

Из находок славянского слоя особого внимания заслуживает бронзовый наконечник стрелы (рис. 42, 25). Наконечники стрел этого типа, изготовленные из железа, широко известны на древнерусских поселениях и типичны для XI в. Найденный нами экземпляр, по заключению А. Ф. Медведева, является первой находкой литого древнерусского наконечника стрелы. Раскопками исследовано славянское жилище, располагавшееся на площади центральной части языческого святилища предшествующего времени. Это была полуземлянка размером 4,8×3,2 м с угловыми столбами, ориентированная длинной стороной в направлении запад — восток. Вход в жилище располагался с западной стороны и представлен несколькими ступеньками, вырытыми в материковом суглинке. В восточной стенке полуземлянки была устроена печь в виде врезанной в материк ниши. Прослежен ее под, обмазанный глиной, сильно потрескавшейся от огня. Здесь же было много золы и угля. Гарью была заполнена и примыкающая к печи неглубокая предпечная яма, по обе стороны от которой вдоль северной и южной стен жилища прослежены лежанки, устроенные на материковом возвышении. Следов досчатой обшивки или деревянного настила не обнаружено. Пол в жилище был земляной. Подобной конструкции полуземлянка не характерна для Старорязанского городища и обнаружена здесь впервые. В заполнении жилища и в соответствующем горизонте культурного слоя на прилегающем участке, кроме славянской керамики, найдены железные и костяные изделия: трубчатые замки, ножи, долото, наконечники стрел, двусторонние гребни и т. д., а также обломки стеклянных браслетов и бронзовые украшения (рис. 42, 17—18, 21—25, 27). Заслуживает внимания подтреугольная орнаментированная бляшка и половина пластинчатого орнаментированного браслета вятического типа. Здесь же найдены обломки серебряных семиллопастных височных колец, также свидетельствующие о вятической принадлежности населения.

Т. А. КРАВЧЕНКО

РАСКОПКИ ШАТРИЩЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА в 1966 г.

На большой территории Европейской части нашей страны — от Чувашии на востоке до Нижней и Средней Оки на западе — встречаются памятники городецкой культуры. Эта культура неоднородна по своему составу: исследователи выделяют в ней семь локальных вариантов, отличающихся друг от друга характером материальной культуры, религиозными верованиями и погребальным обрядом¹. Хотя локальные варианты и эволюция их культуры только еще намечаются, за последнее время немало сделано для изучения северо-восточной или так называемой чувашско-кошбеевской группы² и центральной группы³ городецкой культуры.

В 1966 г. один из отрядов Старорязанской экспедиции начал раскопки городища Старой Рязани, другой вел работы на территории Шатрищенского могильника, находящегося за южными валами городища Старая Рязань⁴. Этот могильник входит в группу рязанских могильников, которые относятся ко II—VII вв. н. э., иначе говоря, как показывают материалы последних раскопок, эта группа грунтовых могильников синхронна позднему этапу городецкой культуры. Эволюция рязанских могильников и хронология погребальных комплексов были разработаны П. П. Ефименко еще в 20-х годах на основе изучения материалов выборочных погребений Борковского, Кузьминского, Курманского и частично Шатрищенского могильников. С тех пор отдельные погребальные комплексы привлекались лишь как аргументы для решения их этнической принадлежности к мещерским, мордовским или тюркским.

В статье В. В. Седова «Рязанско-окские могильники» впервые проведен тщательный анализ погребального обряда Борковского и частично Курманского могильников⁵, в результате чего выяснилось, что в их составе было два этнических компонента — местный, восточнофинский с меридиональной ориентацией, и балтский с восточной ориентировкой погребений. К сожалению, в эту сводную таблицу не вошли погребения с промежуточной ориентировкой, в то время как они составляют в процентном отношении немалую долю в раскопанных комплексах.

Надо сказать, что Шатрищенский могильник, хотя и известный еще в XIX в., был представлен лишь случайными находками и материалами

¹ А. П. Смирнов, Н. В. Трубинова. Городецкая культура. САИ, вып. Д1—14, 1965, стр. 19.

² Н. В. Трубинова. Древние мордовские племена в начале I тысячелетия н. э. Сб. «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1965.

³ М. Р. Полесских. Ранние могильники материальной культуры мордвы-мокши. Сб. «Этногенез мордовского народа», стр. 144.

⁴ Экспедицией руководит А. Л. Монгайт. Раскопки могильника вела автор настоящей статьи. В 1967—1968 гг. было вскрыто еще 107 погребений.

⁵ В. В. Седов. Рязанско-окские могильники. СА, 1966, № 4.

из небольших раскопок, проведенных в 1894 г. А. И. Черепниным и А. Я. Кожевниковым⁶. В 1920 г. могильник раскапывал П. П. Ефименко, который вскрыл 45 погребений. Сохранился подробный отчет и разрозненная коллекция вещей⁷.

Могильник находится на южной стороне Шатрищенского оврага, вблизи новых Пронских ворот, в месте, где Пронское шоссе вплотную подходит к верховьям Шатрищенского оврага (урочище Черная речка), на двух мысах⁸, отстоящих друг от друга на 200 м. На мысу 1 заложено два раскопа площадью более 150 кв. м. На мысу 2 — две траншеи. Всего вскрыто 24 погребения.

Шатрищенский могильник — грунтовой. Основной обряд — труположение, костяк лежит на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. В женских богатых погребениях (3, 4, 24, 15, 19) тела были обернуты в ткань, а затем прикрыты лубом. В мужских погребениях этого не наблюдалось. Лишь в одном мужском погребении (22) лубом был прикрыт браслет, а в другом погребении (18) прослеживались в профиле могильной ямы полуобуглившиеся доски гробовища. Форма могил — довольно устойчивая: овальные продолговатые ямы. Женские погребения покоились в узких ямах длиной до 2, шириной 0,5—0,6 м и глубиной 0,9—1,3 м. Ямы богатых мужских погребений, как правило, очень больших размеров: длиной 3,5, шириной 0,7—1 м и глубиной 1,4—1,55 м.

Ориентация погребенных видна из приведенной ниже таблицы.

Таблица 1

	Пол	Ориентировка					Σ
		ЮЗ	Ю	СВ	ЮВ	В	
Мыс 1	Муж.			13	18	16, 21, 23	
	Жен.	1		11	12	3, 4, 10, 24	7
	Неопр.				17		20
	Всего	1		2	4	7	1
Мыс 2	Муж.	5			22	2	
	Жен.				9, 8, 15, 19	14	
	Всего	1		1	4	2	
Общий итог		2		3	8	9	

Таким образом, при всем разнообразии ориентации погребенных преобладает восточная и юго-восточная ориентировка. Почти во всех погребениях встречаются небольшие угольки, которыми посыпали умершего.

Над могилами 8 и 22 во время тризны был разведен костер, в который (погребение 22) бросали разбитые горшки. Подобный обряд отме-

⁶ Отчет об этих работах был перепечатан А. А. Спициным в «Древностях бассейнов рек Оки и Камы». МАР, вып. 25, 1901.

⁷ Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, д. 65 за 1920 г. Частично вещи хранятся в Эрмитаже (кол. № 620) и Рязанском областном краеведческом музее (№ 198—201, 207 и 350).

⁸ Работами 1967—1968 гг. установлено, что могильник располагался еще на двух мысах.

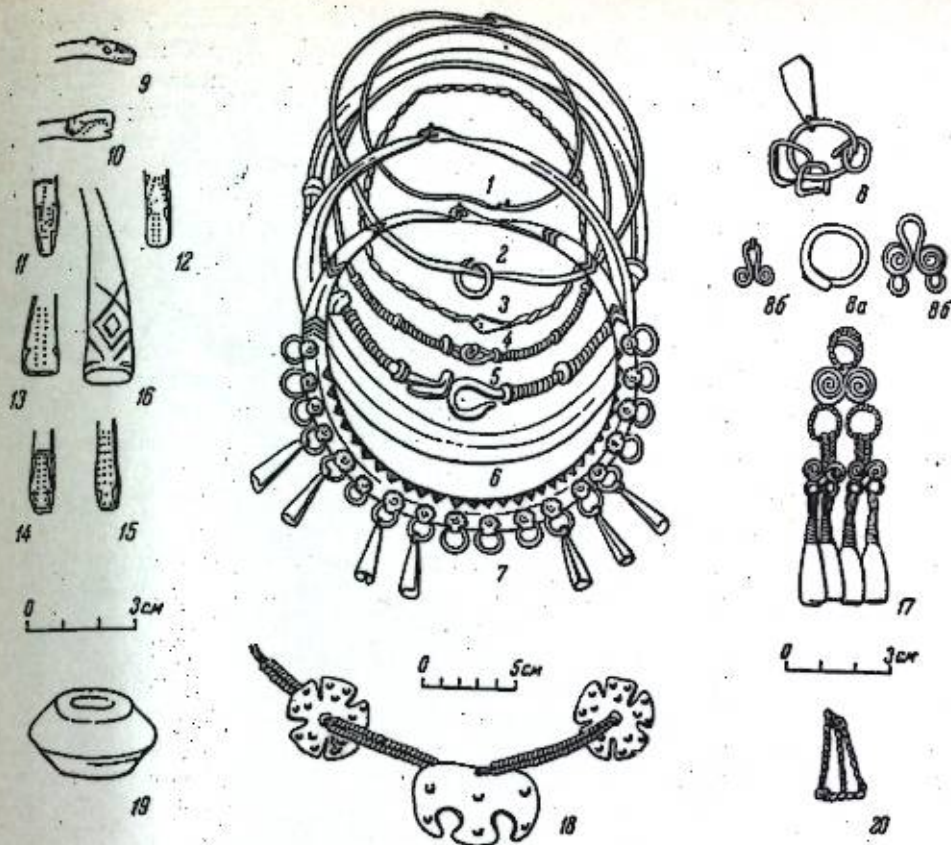

Рис. 44. Шатрищенский могильник. Вещи из женских погребений

1—7 — бронзовые гривны; 8—86 — височные подвески; 9—16 — браслеты; 17 — шумящая подвеска; 18 — нагрудное ожерелье; 19 — глиняное прищипце; 20 — подвеска «гусиная лапка»

чается исследователями в могильниках бассейнов рек Суры, Цны и Мокши в I тысячелетии н. э.

В засыпке могил 7 и 12 найдены поломанные вещи — бронзовая подвеска — «гусиная лапка» (рис. 44, 20), дугообразно согнутый обломок проволоочной гривны. Этот обычай, свойственный для сармат Заволжья и Прикубанья — класть сломанные вещи в могилу (в погребении 1 у черепа лежала согнутая пополам сьюльгама), весьма характерен и для ранних погребений кошибеевской группы (Сергач, Кошибеево).

Особенности могильников и основные различия между ними обычно четко выявляются в женском костюме — головном уборе и височных подвесках, составе нагрудных украшений, мотивах орнамента, покрое платья.

В 1966 г. мы раскопали всего лишь 14 женских погребений (из них 5 — детских). И тем не менее характер основных погребальных комплексов свидетельствует, что могильник существовал несколько столетий (стадия В—Д₁, по П. П. Ефименко)⁹. Украшения погребений, отнесенные к стадии В (погребения 1, 6, 7, 10—12, 24), очень близки к памятникам кошибеевской группы (Сергач, Кошибеево). Близость к ним выражается в головном венчике, состоящем из бронзовых пронизок и трапециевидных подвесок, пришитых к головному платку маленькими круглыми бляшками «камского типа» (погребение 1). В том же ряду стоит и бронзовая подвеска — «гусиная лапка» (погребение 7), тонкие проволооч-

⁹ П. П. Ефименко. К истории западного Поволжья в I тысячелетии н. э. по археологическим источникам. СА, 1937, № 2, стр. 50.

Рис. 45. Шатрищенский могильник. Реконструкция женского костюма

ные бронзовые гривны с замком в крючок и грибовидной головкой (погребения 10, 11; рис. 45, 1—3), затылочные подвески — колокольчики, пришитые к головному платку ажурными бляшками кошибеевского типа¹⁰ (погребение 24), золоченые четковидные стеклянные бусы (погребение 11), двойная очковидная височная подвеска (погребение 10, рис. 44, 86), которая часто встречается на руках погребенных как перстень, в комплексах III—IV вв. н. э. Кузьминского (погребение 71)¹¹, Таутовского¹², Шемьшейского могильников¹³. В отличие от них эта подвеска сделана из очень тонкой проволоки.

Примерно в III—IV вв. н. э. такие перстни отмечены М. Х. Шмидехельм для могильников Северо-Восточной Эстонии¹⁴, куда эта форма попала из восточных районов.

В комплексах последующих стадий (ст. В, погребения 3, 4, 7, 8 и ст. С, погребения 9, 14, 15, 17), с одной стороны, выступает собственно шатрищенский комплекс вещей (височные подвески, набор ожерелий, нагрудных блях), с другой — балтские вещи (гривны с замком в крупную петлю, браслеты с расширяющимися концами и браслеты со зменными головками¹⁵) и, наконец, для всех рязанских могильников шумящие подвески.

Реконструкция женского костюма, характерного для основного периода существования Шатрищенского могильника (V—VI вв.)

была сделана на основе материалов двух женских погребений (15 и 19; рис. 45). Большое количество бронзовых украшений четко очерчивали контуры верхней рубахи, сшитой из грубой шерстяной материи. Плоские бронзовые трапециевидные подвески окаймляли ворот, обшлага рукавов, боковой разрез рубахи и ее подол. Две бронзовые сюльгамы с концами-«усиками» закалывали ее у ворота.

На голове, видимо, был платок, сколотый сверху сюльгами. В более позднем погребении 19 волосы были закручены в витой бронзовый обруч¹⁶. Справа и слева находились височные подвески — бронзовые колечки с заходящими утолщенными концами (погребение 15, рис. 44, 8а), на

¹⁰ А. Спицын. Древности бассейна рек Оки и Камы. МАР, вып. 25, 1901, табл. IX, 8.

¹¹ Там же, табл. XXIII, 2.

¹² Н. В. Трубинова. О работах второго отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 г. «Ученые записки Чебоксарского НИИ», вып. XVI, 1958, стр. 241.

¹³ Раскопки в Пензенской области 1958 г., погребение-1 (М. Р. Полесский). Отчет об археологических исследованиях 1958 г. в Пензенской области. Архив ИА АН СССР. Р-1, д. 1722, стр. 23.

¹⁴ М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 140, рис. 34, 10.

¹⁵ Вопрос об их балтском происхождении нам представляется пока открытым: ибо почитание змен свойственно не только балтам, но и народам, в частности, Поволжья (этнографически это прослеживается на костюме мордвы, мари до XIX в.) и Прикамья (Гладенское костюме и пр.).

¹⁶ Нам представляется, что этот обруч — предшественник мордовской пулокери, зафиксирован в муромских древностях (см.: А. Е. Алыхова. Муром и мордва. КСИИМК, вып. XXX, 1950, стр. 28).

которых иногда вешали три колечка (погребение 3, рис. 44, 8) или трапециевидные подвески (погребение 4), колокольчик из листа бронзы (погребение 8).

Исключение для Шатрищенского могильника составляет погребение 14, в котором у виска лежала шумящая подвеска. Обычно такие подвески появляются в Борковском и Кузьминском могильниках с вещами стадии С.

Нагрудные ожерелья были весьма разнообразны. Ожерелье из 300 пастовых печеночных бус, нанизанных на четыре нити, украшало грудь женщины (погребение 15). Такие бусы в поздних античных комплексах Херсонеса датируются первыми веками н. э. до IV в. включительно. В погребении 19 обнаружено ожерелье, в котором два ряда бронзовых пронизок чередуются с восьмью красными пастовыми бусинами. Как правило, ниже бус находились ожерелья из шумящих подвесок-колокольчиков, свернутых из листов бронзы (погребение 15), тройных литых колокольчиков (погребение 19). Несколько иным оно было в погребении 17, где серебряная лунница соединялась тремя рядами бронзовых пронизок с двумя пятилопастными круглыми бляшками, обычно использовавшимися в рязанских могильниках в качестве височных подвесок (рис. 44, 18), ниже находились гривны: четырехгранный бронзовый дрот с бусинами на концах (погребения 3, 4, 17) и разновидности серповидных гривен, серебряные и бронзовые (погребения 17, 15, рис. 44, 16). Позднейшей по типу, видимо, является серповидная гривна (погребение 19): на ее основание наклепаны круглые едва выступающие бляшки, оканчивающиеся петлей, в которую вставлена овальная пряжка с висющим колокольчиком, свернутым из бронзового листа. Поверхность гривны украшают насечки. Замок — в виде уплощенного щитка и заходящего в него крючка. Такие усложненные гривны не известны в рязанских могильниках (рис. 44, 7). Они есть в Серпуховском могильнике (11, 12) и Старшем Кужендеевском. В обоих случаях они датируются VI—VII вв.¹⁷

Нагрудные бляхи и пряжки встречены в семи погребениях (3, 4, 17, 24). К ним относятся: бронзовая круглая бляха с перекрещивающимися накладными полосами, украшенными по краям точечным орнаментом (погребения 4, 24). Через две дырки, пробитые в центре, продевался ремешок, которым бляха прикреплялась к одежде. В погребении 17 найдена бронзовая бляха с «крышкой», ромбической в плане. Поверхность ее украшают треугольные прорезы и крупные «жемчужины». В погребении 19 под такой бляхой обнаружен нагрудник, украшенный трапециевидными бронзовыми подвесками, в центре которого к двум взаимопересекающимся ремням, скрепленным бронзовой пряжкой с пластинчатым длинным приемником, пришивалась бляха. Рядом с такой бляхой лежал небольшой железный нож с прямой спинкой. В повествовании Ибн-Фадлана о пребывании его на Волге есть такие строки о женщинах русов: «А что касается их женщин, то на (каждой) их груди прикреплена коробочка... у каждой коробочки кольцо, у которого нож, также прикрепленный на груди». Эти строки написаны в Х в. А. А. Монгайт высказал предположение, что купец видел не славянку, а женщину-мордвинку, вероятно эрзянку¹⁸. К сожалению, более ранних письменных свидетельств о таких ножах у нас нет. Пока не найдены погребения с описанными деталями женского костюма, датированные временем, близким к свидетельству Ибн-Фадлана.

Главная особенность этих комплексов — бесчисленное количество нагрудных пряжек: бронзовые и билиновые сюльгамы с иглами разных раз-

¹⁷ М. Ф. Жиганов. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша. «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959, табл. 23, рис. 1, стр. 70.

¹⁸ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 111.

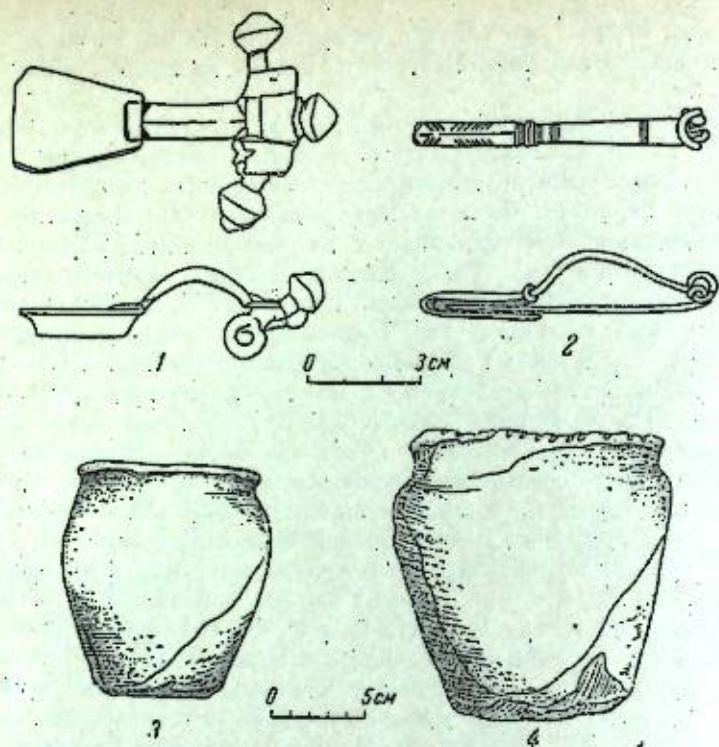

Рис. 46. Находки из Шатрищенского могильника
1—2 — фибулы; 3—4 — сосуды

меров и с завернутыми концами (погребения 3, 4, 9, 10, 17). В других погребениях (7, 8, 12, 15) эти завернутые концы вытягиваются в небольшие усики. Почти у всех погребенных на запястье были браслеты (рис. 44, 9—16). На обеих руках, как правило, одето по одному спиральному перстню из гранчатой проволоки. А в погребении 4 на левой руке — пластинчатое колечко, в 1,5 оборота. Лишь в одном случае — в погребении 8 — обломок перстня найден в ногах. У руки или плеча в погребениях 12, 17, 24 лежали глиняные пряслица (рис. 44, 19). В погребении 15 сохранился даже край кожного поршня. Сохранились и бронзовые пронизки — украшение поршней, а к задникам были, видимо, пришиты шумящие подвески (рис. 44, 17).

Комплекс вещей Шатрищенского могильника тождествен комплексам вещей Борковского и Кузьминского могильников V—VI вв. н. э.

Из восьми обнаруженных сосудов лишь два происходили из женских захоронений. Они стояли в головах. В погребении 10 был миниатюрный лепной, круглодонный, с едва уплощенным дном и тонкостенный сосуд из хорошо промешанной глины с примесью дресвы. Высокое горло и едва выступающие бока напоминают миниатюрные сосуды Городецкого¹⁹ и Вышгородского²⁰ городищ. Другой горшок (погребение 11) — плоскодонный, с резко профилированной стенкой и раздутыми боками — сделан из глины с примесью шамота, хорошо обожженный, с нарезкой по краю и дыркой у венчика (рис. 46, 4). Он аналогичен керамике Троице-Пеленницкого²¹ и Шатрищенского городищ и городища Северного мыса Старой Рязани, т. е. керамике позднегородецкого слоя.

¹⁹ А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Указ. соч., табл. 5, 15.

²⁰ А. Л. Монгайт. Указ. соч., рис. 11, 5.

²¹ Там же, табл. 10, 5.

К сожалению, для определения времени женских комплексов Шатрищенского могильника нет хорошо датированных предметов.

Уточнением даты могут служить вещи из двух мужских погребений, керамика которых аналогична описанной выше (рис. 46, 3). В мужском погребении 21 вместе с браслетом «балтского» типа, с резко расширяющимися концами, подчетыреугольными в сечении (рис. 44, 16), овальной бронзовой пряжкой, с утолщением в центре и загибающимся язычком на поясе лежала бронзовая так называемая крестовидная фибула (рис. 46, 1), которая датируется V—VI вв.²²

В другом мужском погребении (23) обнаружена одночленная прогнутая подвижная фибула с узкой ножкой, которая была распространена во второй и третьей четверти V в.²³ (рис. 45, 2).

Таким образом, V—VI вв. — дата основных женских погребений Шатрищенского могильника (рис. 47). Исключение составляет захоронение 19, которое следует датировать VI — началом VII в. на основании усложненных форм нагрудных украшений и головного убора.

Наличие вещей, аналогичных, с одной стороны, пензенским, кошибеевским памятникам, с другой — отдельным предметам Прибалтики, позволяет высказать предположение, что Шатрищенский могильник занимает среди рязанских древностей пограничное положение²⁴.

Несмотря на небольшое количество раскопанных погребений, уже теперь можно делать некоторые предварительные выводы об этнической принадлежности населения, оставившего Шатрищенский могильник. В свое время В. В. Седов выдвинул гипотезу о том, что погребения с восточной ориентацией в рязанских могильниках следует связывать с балтами. Нам представляется решение этнической проблемы в данном случае несколько иным. Дело в том, что на территории расселения финских племен в междуречьи Оки, Цны и Мокши намечается определенная группа памятников с восточной ориентацией, в которую помимо рязанских могильников включается Кошибеевский, Крюково-Кужновский, Тезиковский и многие другие. По характеру материальной культуры комплексы этих погребений очень близки между собой: обилие шумящих подвесок, проволочные и серповидные гривны, круглые нагрудные бляхи с крышечкой и взаимопересекающимися полосами. Их хронологические рамки определяют арбалетовидные фибулы, фибулы так называемого рязанского типа, пряжки готского типа и вещи с эмалями, сюльгамы с усиками. Таким образом, эти комплексы относятся к V—VIII вв. При этом балтский элемент составляет весьма незначительное место — это браслеты с расширяющимися концами, аналогичные браслетам могильника Лаздининкай и Рагиненай (Литва), отдельные виды гривен, в частности гривны с напускными бусиками, с замком в крупную петлю (впрочем этот тип гривен был очень широко распространен и в финских могильниках Поволжья). Этническую принадлежность этой группы определяет характерная мордовская височная подвеска — бронзовый стерженек с бипирамидальным грузиком на конце. В раскопках 1920 г., проведенных П. П. Ефименко на Шатрищенском могильнике, была найдена одна такая подвеска (36)²⁵.

²² А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР. САИ, вып. Д1—30, 1966, стр. 76, табл. 13, 2.

²³ А. К. Амброз. Указ. соч., рис. 3, 10.

²⁴ Следует обратить внимание на то, что материалы раскопок на Северном мысу Старорязанского городища указывают на культурные связи населения этого городища с теми, кто похоронен в Шатрищенском могильнике. Однако поселение существовало дольше, чем датируются пока открытые погребения могильника (см. статью И. Г. Розенфельдт в настоящем выпуске). Впрочем работами 1967—1968 гг. обнаружены комплексы вещей VII — начала VIII вв. Вопрос о поздней дате рязанских могильников остается пока открытым (см.: А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 31—78).

²⁵ Вторая обнаружена в 1968 г. в погребении 116 вместе с ажурной нагрудной бляхой со стилизованными подвесками — гусиными лапками (аналогичная есть в Тезиковском могильнике).

Р. А. РОЗЕНФЕЛЬДТ
ГОРОДИЩЕ ПОТЫЛИХА

В Ленинском р-не Москвы находится одно из немногих сохранившихся на территории города до настоящего времени городищ железного века — Сетунское, или городище Потылиха. Оно размещено на излучине левого берега небольшого притока р. Москвы речки Сетуни, в 1 км от впадения ее в р. Москву, у бывшей слободы Потылиха. Городище расположено на невысоком мысу подквадратной формы, соединенном с высоким берегом широкой перемычкой и отрезанном от него валом и рвом. Ныне ров засыпан, а вал почти целиком спланирован. Площадка городища с 1927 г. застроена и распаивается под огородами. Длина площадки городища с севера на юг — около 100 м, с востока на запад — 60 м.

Первые небольшие раскопки на городище Потылиха были проведены в 1921 г. В. А. Городцовым. Он нашел на городище два напластования — железного века и XVI в.¹ Начиная с 1924 г. городище регулярно осматривалось студентами кафедры антропологии МГУ. В 1924 г. Б. А. Куфтиним, а затем М. В. Воеводским на нем были заложены шурфы. Собранный на городище сетчатая керамика была датирована О. Н. Бадером I—III вв. н. э.² Культурный слой на площадке памятника, по данным этих исследователей, был разной толщины. В центре, где размещались шурфы В. А. Городцова, он был незначительным, а на склонах толщина слоя достигала 2 м. Поселение на Сетуни постоянно упоминается различными исследователями в работах общего характера.

В связи с угрозой разрушения памятника в 1967 г. нами была проведена шурфовка этого поселения. Шурфы общей площадью около 50 кв. м были заложены в южной и западной частях городища. В результате работ выяснилось, что в восточной и северо-восточной частях площадки залегает культурный слой толщиной до 1,5 м, мощность которого постепенно уменьшается в западном и южном направлениях. Верхние горизонты культурного слоя местами на значительную глубину испорчены перекопками преимущественно XVIII в. в них встречаются отдельные поздние находки и круговая керамика, среди которой много белоглиняной и чернолощеной, с лощением, характерным для послепетровского времени. Встретились и глубокие (до 1,5 м) ямы этого времени, заполненные кирпичом и глиной. Что касается наличия на поселении слоя или сооружений XVI в., о чем сообщал В. А. Городцов, то они не встретились. Нижние горизонты

¹ В. А. Городцов. Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 г. «Древний мир», 1924, № 1. Материал из разведок В. А. Городцова хранится в ГИМ (коллекция № 54 721). Полевая документация в ОПИ ГИМ, ф. В. А. Городцова.

² О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы. МИА, № 7, 1947, стр. 124.

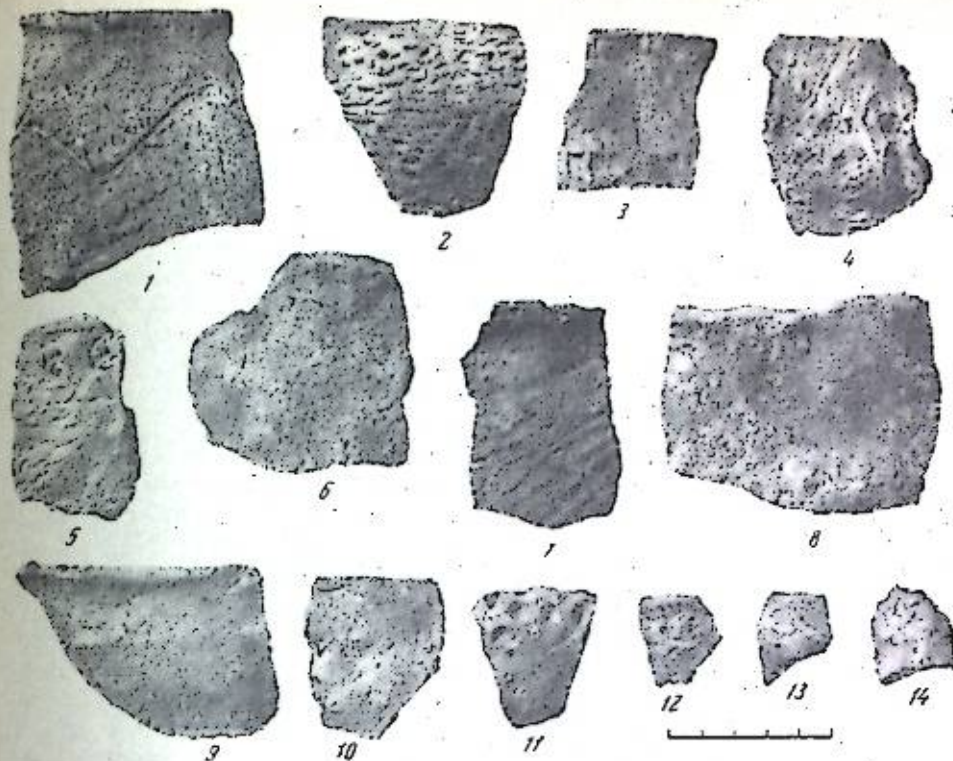

Рис. 48. Лепная керамика из раскопок городища Потылиха

культурного слоя до глинистого материка окрашены в черный цвет и содержат керамику раннего железного века. Отметим также, что сниженная южная часть площадки поселения в результате подсыпки глины еще в древности была возвышена и выравнена. Остатки столбовых и хозяйственных ям, вырытых в материке и относящихся к ранним этапам существования городища, сверху здесь перекрыты глинистым слоем, в котором также содержатся отдельные ранние находки.

В восточной части площадки были обнаружены остатки заглубленной в землю постройки. Среди лепной сетчатой керамики особенно распространена керамика, характерная для III в. до н. э.—II в. н. э. (рис. 48, 7). Встречена и сетчатая керамика с различными орнаментами на ней (рис. 48, 3, 5, 10). Больше всего распространены были сосуды с неряшливыми и неглубокими ямочными вдавлениями, расположенными в виде пояса; на некоторых фрагментах подобные отпечатки были соединены прочерченными линиями (рис. 48, 1). Есть керамика и с отпечатками гребенчатого штампа по сетке. Наряду с ними встречаются обломки лепных сосудов, поверхность которых покрыта вертикальной штриховкой в виде расчесов, нанесенных тем же гребенчатым штампом. Последние образцы орнаментированной керамики могут быть датированы V—III вв. до н. э. Сетчатая керамика составляет подавляющее большинство найденных при раскопках обломков сосудов. Среди нее имеются сосуды разных размеров баночной формы, со слегка раздутым туловом. Одни имеют венчик, близкий к пря- формы, иногда слегка загнутый внутрь сосуда (рис. 48, 2). Другие при той же форме сосуда имеют венчик слегка отогнутый наружу (рис. 48, 1, 7). В меньшем числе встречены обломки грубых лепных сосудов без сетки, по форме сходные с сетчатой керамикой (рис. 48, 6, 8, 9). Среди них, видимо, преобладают обломки горшков с венчиками, отогнутыми наружу. На этих горшках, обычно не орнаментированных, все же иногда встречается ор-

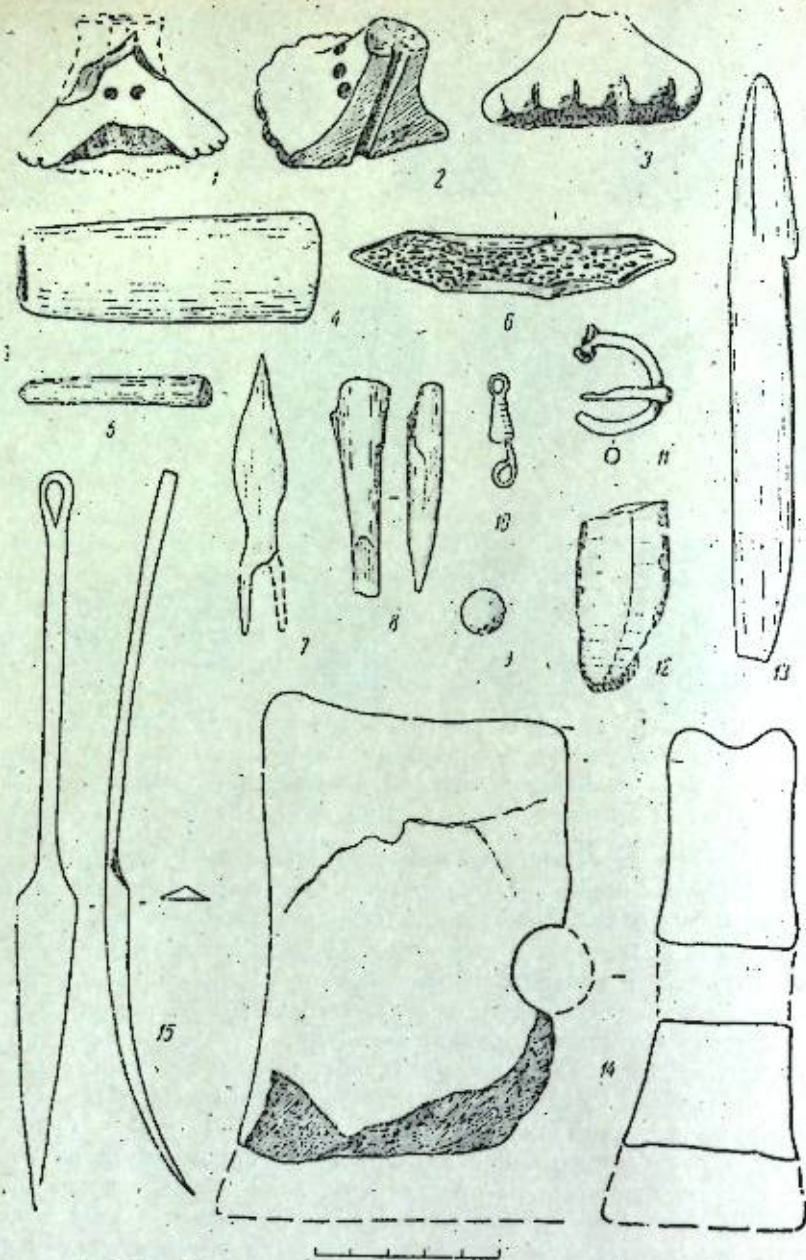

Рис. 49. Находки из раскопок городища Потылиха

1—3 — грузики дьякова типа; 4 — роговая рукоять ножа; 5—6 — кости со следами обработки; 7 — костяная стрела; 8 — роговое долото; 9 — глиняная бусина; 10 — бронзовое звено цепочки; 11 — железная пряжка; 12 — кремневая пластинка; 13 — роговой зуб остроги; 14 — «роговой кирпич»; 15 — железная игла

намент-наколы, ямчатый, отпечатки ногтя (рис. 48, 11). Эту группу керамики с поселения следует датировать I—III вв. Лощеная керамика на поселении не встретилась. Среди сетчатой керамики на городище Потылиха найден интересный обломок горшка с налипшим валиком, расположенным в виде пояса в верхней трети сосуда. По налипшему валику выше и ниже его — отпечатки ямчатого орнамента (рис. 48, 4).

При раскопках В. А. Городцова на городище Потылиха был обнаружен грузик дьякова типа (рис. 49, 2) и костяной наконечник стрелы с вильчатым черешком (рис. 49, 7). Стрелы с такого типа черешками относятся

к ранним разновидностям костяных стрел с городищ железного века Подмосковья. Аналогичные есть на Старшем Каширском городище. Еще один грузик дьякова типа с городища Потылиха (рис. 2, 3) и глиняная бусинка. При нашей шурфовке встретился третий грузик с ямочным орнаментом на середине высоты (рис. 49, 1) и лучевым орнаментом на основании. При раскопках были найдены обломки миниатюрных сосудов из глины с примесью песка (рис. 48, 12—14) в одной из ям при шурфовке — обломки «рогового кирпича» (рис. 2, 14) со сквозным отверстием в центре и продольной канавкой поверху. Подобного вида кирпичи характерны для ранних городищ железного века Подмосковья. Аналогичные найдены на Щербинском и Борисоглебском городищах на р. Пахре. К изделиям из кости, кроме стрелы, относятся заготовка зуба костяной остроги (рис. 49, 13), небольшое долото (рис. 49, 8) и несколько костей со следами обработки (рис. 49, 5, 6). Кроме того, обнаружена роговая рукоять ножа (рис. 49, 4) и обломок второй такой же рукояти. Рукояти эти были овальными в сечении, утолщенными к тыльной стороне. Такого вида рукояти также характерны для ранних городищ дьякова типа. Из бронзовых изделий найдено звено фигурной цепочки (рис. 49, 10), а из железных — разрушенная кольцевая пряжка (рис. 49, 11), колечко диаметром в 1,5 см и большая игла с пером в виде невысокого в сечении треугольника и петлевидным ушком. Она предназначалась, по-видимому, для сшивания изделий из рогожи.

Последнее изделие датируется XVI в. Аналогичная игла найдена на территории лагеря Ажедмитрия II в с. Тушино.

Обычной для городищ раннего железного века была находка на поселении кремневой пластинки с ретушью (рис. 49, 12). Среди костей с поселения преобладают кости домашних животных: свиньи, коровы, лошади, овцы. Из костей диких животных отмечены кости бобра, лося.

Собранные с городища Потылиха находки и керамика дают возможность датировать его V в. до н. э. — III в. н. э.

Д. Г. САВИНОВ

ПОГРЕБЕНИЕ С БРОНЗОВОЙ БЛЯХОЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЕ

Во время раскопок курганов скифского времени на могильнике Урбюн III в Центральной Туве летом 1965 г. в одном из них было обнаружено непо потревоженное впускное погребение¹. Основное захоронение этого кургана представляет коллективную усыпальницу в камере-срубе и относится к V—III вв. до н. э. Впускное погребение совершено в прямоугольном каменном ящике в северо-западной стенке могильной ямы, на глубине 2,5 м от уровня древней поверхности и на 1,35 м выше перекрытия основного захоронения. Длина ящика — 1,4 м, ширина — 0,9 м, высота — 0,5 м. Ориентировка — сторонами по странам света, длинной осью — в направлении север — юг. Стенки и перекрытие составлены из больших прямоугольных плит (по две с длинных и по одной с коротких сторон). Поверх перекрытия в несколько слоев уложены мелкие колотые плитки. Дно ящика — грунтовое. В ящике находился мужской скелет, лежащий с подогнутыми ногами на правом боку, ориентированный головой на север и лицом на запад. Руки погребенного были сложены перед грудью. Под головой — камень-подушка. Грудная клетка опустилась вниз, так что лопатки находятся над ребрами, а тазовые кости — в обратном направлении, лежат горизонтально, крыльями вверх (рис. 50).

Перед лицом погребенного находилось два раздавленных глиняных сосуда. Около пояса найдены железный пластинчатый нож в костяной рукоятке и две железные пряжки — одна круглая, другая прямоугольная. Две такие же круглые железные пряжки с подвижным язычком встречены у голеностопных суставов. В юго-западном углу ящика около колен лежали остатки сложного деревянного лука с костяными накладками, концевыми и срединными, и шесть костяных наконечников стрел. Сохранились и фрагменты деревянных древков стрел, которые позволяют восстановить их длину (около 80 см). На правой руке погребенного находились остатки кожаной и шерстяной одежды, которые были взяты монолитом. При разборке этого монолита в нем оказалась бронзовая ажурная бляха с изображением сцены борьбы тигра и ушастого грифона².

Комплекс костяных и железных предметов из этого погребения позволяет отнести его к гунно-сарматскому времени. Из шести найденных костяных наконечников стрел пять (плоские черешковые, трехгранный втульчатый и два листовидных с расщепленным основанием) находят себе полные аналоги в материале Иволгинского городища³. Сама форма стрел с расщепленным основанием появляется значительно раньше. Типо-

¹ Раскопки автора в составе Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР. Начальник экспедиции А. Д. Грач.

² В предварительной публикации эта сцена была ошибочно определена как нападение грифона на парнокопытное (см.: Д. Г. Савинов. Раскопки могильников Урбюн. Сб. «Археологические открытия 1965 г.» М., 1966, стр. 27, 28.

³ А. В. Давыдова. Иволгинское городище. СА, XXV, 1963, стр. 289, рис. 20.

логически близкие стрелы в виде отдельных находок встречаются в предскифское⁴ и скифское время⁵. Однако именно такие листовидные ромбические в сечении костяные наконечники стрел с расщепленным в виде «ласточкиного хвоста» основанием характерны исключительно для гунно-сарматского времени. В последние годы значительное их количество встречено в каменных ящиках тесинского этапа тагарской культуры (II в. до н. э. — I в. н. э.)⁶. Что касается железных пряжек, то в сарматских памятниках «в качестве ведущей и почти единственной формы пряжка с подвижным язычком становится лишь на рубеже и в первых веках нашей эры»⁷. В гуннских погребениях Средней Азии, Тянь-Шаня и Тувы этого времени, а также тесинских и таштыкских могилах Минусинской котловины все эти круглые и прямоугольные пряжки с подвижным язычком очень похожи между собой и представляют весьма широкое распространение. Остальные предметы, та-

кие, как костяные накладки на лук (срединные и концевые), железный нож в костяной рукоятке, не имеют точного хронологического определения, но находки их в комплексах гунно-сарматского времени также зафиксированы неоднократно⁸. Керамика из погребения представлена двумя лепными сосудами. Один из них плоскодонный горшок без выраженного венчика, другой — небольшой кувшинчик с узким горлом, расширенным туловом, массивным и сильно отогнутым венчиком. Такие небольшие, как правило, неорнаментированные лепные сосуды встречаются в сериях керамики из забайкальских, тяньшанских, монгольских, тувинских комплексов гунно-сарматского времени. В Туве они встречаются вместе с обычными вазообразными сосудами с «арочным» орнаментом в различных его вариациях. Таким образом, сравнение с материалами Иволгинского городища, Дэрестуйских курганов в Забайкалье, Нонин-Улой в Монголии и синхронными памятниками Минусинской котловины позволяет определить дату урбюнско-

⁴ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, рис. 66, 2, 3.

⁵ М. П. Грязнов, М. Н. Пшеницына. Курганы IV—III вв. до н. э. на озере Сарагаш. КСИА, вып. 107, 1966, стр. 66.

⁶ Я. А. Шер, Г. П. Григорьев, Н. А. Подольский. Находки на правобережье Енисея. Сб. «Археологические открытия 1966 г.», стр. 145—147.

⁷ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. М., 1967, стр. 40.

⁸ Костяные накладки на лук гунно-сарматского времени наиболее полно собраны в работе: А. М. Хазанов. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966.

Рис. 50. План погребения. X — местонахождение бляхи

го захоронения II в. до н. э.—I в. н. э. Возможно, сооружение его падает на первую половину этого периода, так как шестой наконецник стрелы — трехгранный черешковый с опущенными ниже основания черешка жальцами — представляет форму, наиболее характерную для предшествующего скифского периода истории Саяно-Алтая и Центральной Азии.

Наиболее интересная находка из этого погребения — бронзовая ажурная бляха. Это тонкая литая пластинка размером 12×7,5 см и толщиной 1 мм, сложенная еще в древности на две части и связанная шерстяной ниткой через специально проделанные отверстия. По своей форме

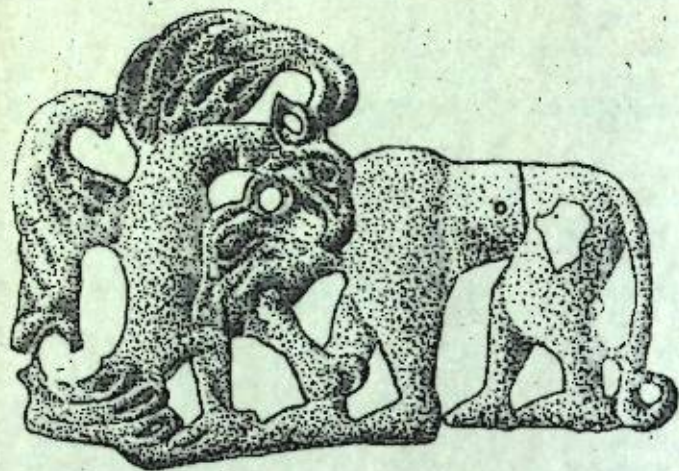

Рис. 51. Бронзовая бляха из урьонковского погребения

она очень напоминает золотые парные бляхи из Сибирской коллекции Петра I. Бляха представляет собой переданную невысоким рельефом сцену борьбы тигра и орлиного ушастого грифона. Тигр показан идущим на четырех лапах. Кончик длинного хвоста и ухо оформлены в виде колец. Шея вытянута вперед и немного вниз. Своей раскрытой пастью с характерной складчатостью на верхней губе он захватил лапу грифона, которой тот в свою очередь вцепился в переднюю лапу тигра. Туловище грифона поставлено вертикально, длинная шея изогнута под прямым углом, ухо отведено назад; грифон сверху впился острым изогнутым клювом в наклоненную шею тигра. Крылья и хвост грифона расположены друг над другом, развернуты и переданы в виде направленных вперед изогнутых рельефных линий с удлиненными ячейками в основании. Вся композиция наполнена ощущением скрытой силы и устойчивого равновесия, характерными для лучших образцов скифо-сибирского звериного стиля. Бляха с обратной стороны не имеет никаких приспособлений для крепления и, очевидно, сначала привязывалась непосредственно за крайние отверстия в самой бляхе, а затем, когда сломалась, для дальнейшего использования была положена в углубление деревянной пластины, вырезанной точно по форме бляхи. Между бляхой и ее основой проложен кусочек шерстяной материи. Задняя сторона пластины гладкая, заполированная от длительного ношения. В ней проделано восемь парных отверстий, через которые бляха привязывалась шерстяными нитками. Кроме того, в ней с обоих концов сделаны поперечные вырезы для крепления кожаных ремешков. Левый ремешок (с лицевой стороны) имеет четыре отверстия, в которые вставлялась деревянная палочка-застежка. Тем самым длина левого ремешка могла при необходимости укорачиваться или удлиняться. Правый ремешок прикреплялся к деревянной основе кожаной тесьмой, которая продевалась в вырезанные в нем две параллельные прорези и завязывалась с обратной стороны пластины. Общая

длина ремешков неизвестна, так как концы их не сохранились. Точно так же на деревянной основе могли носиться и бляхи из Сибирской коллекции, не имеющие ушек с обратной стороны (рис. 51).

Условия находки позволяют проследить, что первоначально бляха находилась с передней стороны на поясе погребенного, а затем, по мере разложения трупа, опустилась на правую руку, где и была найдена вместе с остатками шерстяной и кожаной одежды. Однако функционально она не могла служить поясной пряжкой, а имела скорее определенное декоративное значение, отражающее, возможно, социальное или этническое положение носившего ее человека. Такими бляхами, наверно, очень дорожили. Об этом говорит малая толщина урьонковской бляхи, связанная с ее многократным повторением и последующая забота о ее сохранности.

По общей композиции и стилистической трактовке отдельных персонажей, в первую очередь орлиного грифона, бляха из урьонковского погребения становится в один ряд с известными уже ранее аналогичными изображениями. Совершенно такая же бронзовая бляха со сценой борьбы тигра и ушастого грифона имеется в серии случайных находок из Ордоса⁹. Сходство между ними настолько велико, что вызывает предположение об использовании одной модели. Бронзовые парные бляхи со сценой «борьбы из-за добычи», в которой участвуют тигр и ушастый грифон, были набиты на боковых стенках гроба на уровне пояса погребенного в могиле 7 Дэрестуйского могильника в Забайкалье¹⁰. Они также имеют полную аналогию в ордосской бронзе, отмеченную Г. П. Сосновским¹¹. Из того же Дэрестуйского могильника происходит золотая пластинка со сценой нападения грифона на горного барана, так же как и урьонковская, положенная на деревянную основу¹². Собственно в том же виде, только несколько в ином ракурсе, представлен и грифон в многократно повторяющейся композиции терзания лося на ноин-улинском ковре¹³. Золотые бляхи со сценой «борьбы из-за добычи», где главная роль отведена ушастому грифону, имеются и в составе Сибирской коллекции. Судя по находкам их в комплексах (Дэрестуйский могильник, могила 7, 21; Ноин-Ула, Урьон III, курган I, могила 2), следует, очевидно, все подобные изображения датировать рубежом нашей эры и считать характерными для Центральной Азии. Этому не противоречат и персонажи, представленные на бляхах из золотой коллекции. На одной из них объектом терзания является як — животное, обычное для монгольских степей, изображение которого встречается здесь в гуннское время неоднократно (Ноин-Ула). Другая, со сценой «борьбы из-за добычи», близка ордосским и забайкальским бляхам, только на бляхе из Сибирской коллекции предметом раздора выступает какое-то фантастическое животное с телом лошади, головой грифа и хвостом кошки, а на ее восточных аналогах — длинноногий козел. Ячейки в основании крыльев грифона, декоративные на ордосских, забайкальских и тувинских бляхах, служат здесь для инкрустации в одном случае бирюзой, в другом — бирюзой и кораллами¹⁴.

Во всех этих сюжетных композициях господствующее положение занимает орлиный ушастый грифон. Он нападает на барана, лося, даже

⁹ A. Salmony. Sino-siberian art in the collection of C. T. Loo. Paris, 1933, tabl. XXII, 7.

¹⁰ Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник. ПИДО, 1953, № 1-2, стр. 169. рис. 6, 2; А. А. Спицын. К вопросу о хронологии золотых сибирских блях с изображением животных. ЗРАО, т. XII, вып. 1-2, 1901, стр. 278, рис. 57.

¹¹ I. G. Andersson. Hunting magic in the animal style. MFEA, Bull. 4. Stockholm, 1932, tabl. XXXIII.

¹² Г. П. Сосновский. Указ. соч., стр. 171, рис. 5.

¹³ С. И. Руденко. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М., 1962, табл. XIV.

¹⁴ С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. М., 1962, табл. 1, 4 и IV, 3; III, 5 и V, 5.

тигра, у которого, вцепившись своими острыми когтями и страшным клювом, пытается отнять его добычу. Фигура грифона передается в совершенно одинаковой стилистической манере — развернутые друг над другом крылья, длинная шея, острый клюв, отведенное назад ухо. Очевидно, это иконографический образ, имевший конкретное внутреннее содержание, которое и обусловило стилистическое единство этих изображений.

Несколько своеобразна сама форма урбюнского захоронения — в каменном ящике со скорченным положением погребенного. В гуниское время в Туве и Забайкалье абсолютно преобладают захоронения в деревянных гробах. Погребенные лежат на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. Проведенный недавно тщательный анализ материалов из раскопок С. А. Теплоухова 1927—1929 гг. в Центральной Туве показал, что подобные скорченные впускные погребения в полах курганов ранних кочевников встречались и раньше (Атамановка, курган 11; Успенское, курган 23; Байдаг, курган 67, 68; Туран II, курган 95; Туран IV, курган 121)¹⁵. Время этих погребений, к сожалению, ограбленных (кроме урбюнского), определяется находением в них грубой лепной керамики без орнамента и «восьмеркообразных» пряжек с подвижным язычком рубезом и первыми веками нашей эры. В Кокзальском могильнике имеется два случая погребения в деревянном гробу с сопровождающим скорченным захоронением¹⁶. С другой стороны, в урбюнском погребении наблюдается ряд таких архаизмов, как наличие каменного ящика, скорченное положение погребенного, трехгранный костяной наконечник стрелы с опущенными ниже основания черешка жальцами, камень-подушка под головой, которые, несомненно, позволяют говорить о генетической преемственности этих захоронений с погребениями скифского времени в Туве, в частности, с могилами типа погребения в Кызыле¹⁷. Очевидно, в Туве во II в. до н. э. и I в. н. э. наряду с населением, оставившим памятники типа Кокзаль, обитала какая-то группа населения, скорее всего местная, хоронившая своих покойников по древнему обряду — в каменном ящике с сильно скорченным положением погребенного. находка бронзовой бляхи со сценой борьбы тигра и ушастого грифона в урбюнском погребении, помимо того что она является одной из немногих находок подобного рода предметов в комплексе, имеет значение как свидетельство культурно-исторических связей населения Тувы с основной и исходной территорией расселения гуниского племенного союза, а именно — с Забайкальем и Ордосом.

В соседней Минусинской котловине наряду с большими курганами типа Тесинского существуют и многочисленные захоронения в каменных ящиках, которые также довольно часто впущены в памятники предшествующих эпох¹⁸. О сходстве инвентаря этих погребений уже говорилось в связи с датировкой урбюнского захоронения. Именно в это время на тесинской керамике появляется налепной валик, совершенно не встречающийся раньше в культурах Минусинской котловины, но являющийся наиболее характерным признаком керамики скифского времени Саяно-Алтая и Центральной Азии. Возможно, все эти пока незначительные по своему количеству факты свидетельствуют о каких-то больших исторических событиях, происходивших на рубеже нашей эры в степях Центральной Азии и Южной Сибири.

¹⁵ В. Н. Полторацкая. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве. «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», вып. 8, 1966, стр. 78, 80, 82, 83, 86.

¹⁶ С. И. Вайштейн, В. П. Дьяконова. Памятники в могильнике Кокзаль конца I тысячелетия до н. э. — первых веков н. э. «Тр. ТКЭАН», т. II, 1966, стр. 227, 235, 250.

¹⁷ С. И. Вайштейн. Памятники казыганской культуры. «Тр. ТКЭАН», т. II, 1966, рис. 20, табл. VIII.

¹⁸ М. Н. Пшеницкая. Новый тип памятников III—II вв. до н. э. на Енисее. КСИА, вып. 102, 1964, стр. 127—134.

Е. Н. ЧЕРНЫХ, Д. Б. ХОФЕРТЕ, Т. Б. БАРЦЕВА

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. ИЗ ПРИБАЛТИКИ

Одним из направлений в исследовательской работе лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР является изучение цветного металла I тысячелетия н. э. Восточной Европы. В ходе этих исследований удалось предварительно установить, что на изучаемой территории выделяется ряд значительных районов, в которых металлургическое производство отличалось некоторыми существенными специфическими признаками. К последним относятся прежде всего рецепты сплавов, бывшие в огромном количестве случаев традиционными для данного района или археологической культуры в течение сотен лет.

Кроме того, была выяснена еще одна важная особенность в изучении металла этого времени: чрезвычайная трудность, если не сказать больше, — нереальность выделения в большинстве случаев исходной химической картины металла, связанной с рудами. Этому мешает, во-первых, значительное, по сравнению с более ранними периодами, усложнение искусственных лигатур, употреблявшихся для приготовления сплавов древними мастерами, и, во-вторых, повсеместное и широко применявшееся перемешивание металла различных химических и металлургических групп.

Последнее заставило нас ориентироваться при характеристиках металла I тысячелетия н. э., во-первых, на устойчивые сочетания основных легирующих компонентов в сплаве (преимущественно олова и цинка) и, во-вторых, на пропорциональные сочетания основных металлургических групп в коллекциях отдельного памятника, культуры или даже изолированного географического района. Все причины, обусловившие такой подход к материалу, как и сами принципы подразделения на металлургические группы, были изложены Е. Н. Черных и Т. Б. Барцевой в статье о металле черняховской культуры¹. Для формулировки результатов настоящего исследования приведем выделенные нами ранее металлургические группы, общие для всего восточноевропейского металла начала нашей эры. Предварительно их было выделено шесть. Из них к искусственным сплавам на медной основе относятся первые четыре. Принцип подразделения основывается на статистически стойких соотношениях в сплаве концентрации олова и цинка при безразличном к ним отношении концентраций свинца, часто, однако, высоких.

I — томпак, полутомпак, латунь (по современной металлургической номенклатуре). $Cu + Zn + (Pb)$. Обязательное условие: $Zn > 1\%$, $Sn < 0,3\%$.

¹ Е. Н. Черных, Т. Б. Барцева. О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры. СА, 1968, № 2.

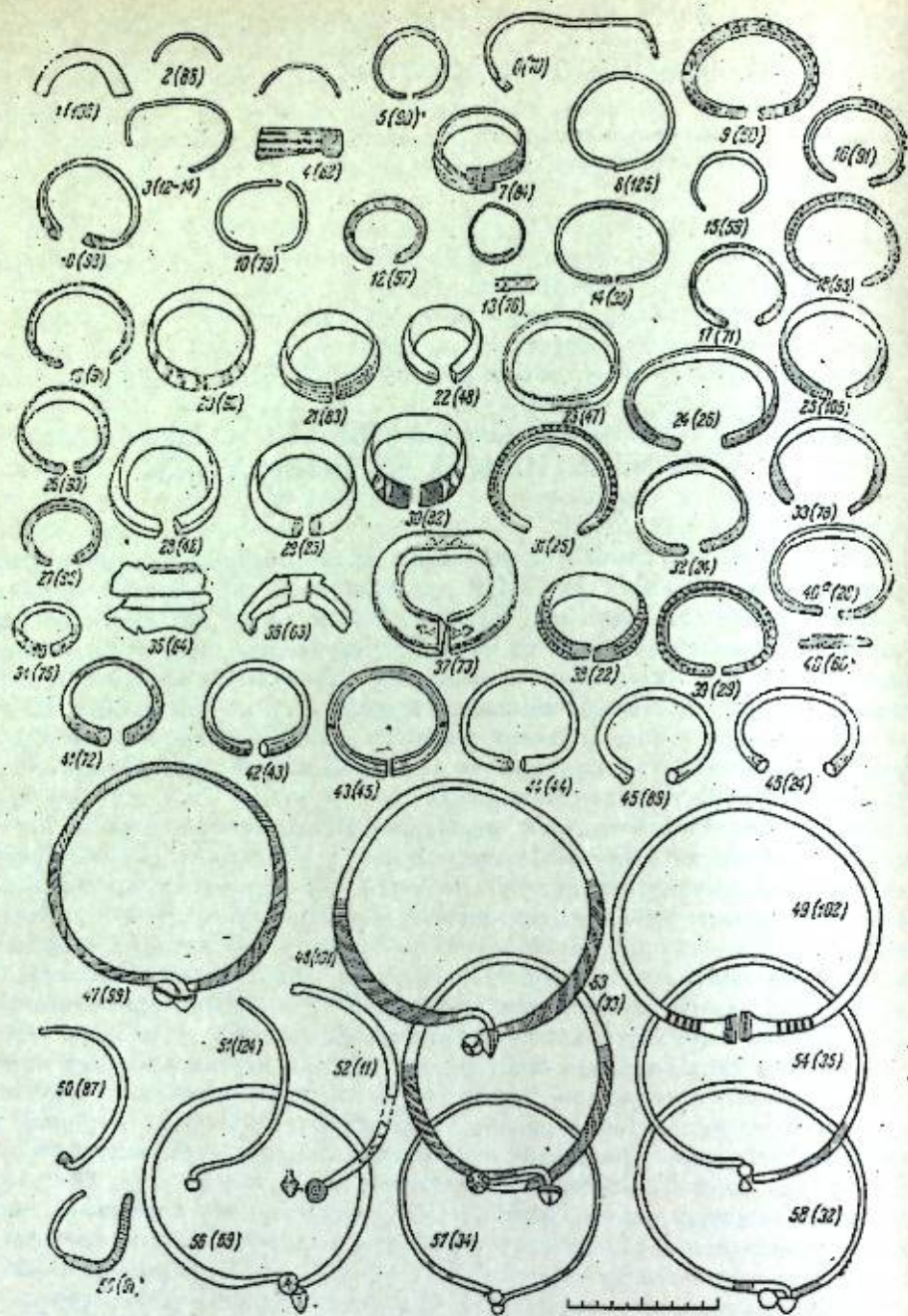

Рис. 52. Спектрально исследованные предметы из прибалтийских памятников I тысячелетия н. э. (в скобках обозначен номер анализа)

- II — многокомпонентный сплав $Cu+Zn+Sn+(Pb)$. Обязательное условие: $Zn > 1\%$, $Sn > 0,3\%$, $Zn > Sn$. (Pb).
- III — многокомпонентный сплав $Cu+Sn+Zn+(Pb)$. Обязательное условие: $Zn > 1\%$, $Sn > 1\%$, $Sn > Zn$. (Pb).
- IV — оловянистая бронза. $Cu + Sn + (Pb)$. Обязательное условие: $Sn > 0,3\%$, $Zn < 1\%$, $Sn > Zn$.
- V — «чистая» медь. Содержание каждой примеси меньше 1% , а Sn — меньше $0,3\%$.
- VI — биллон. Сплав серебра с медью, где $Ag > Cu$.

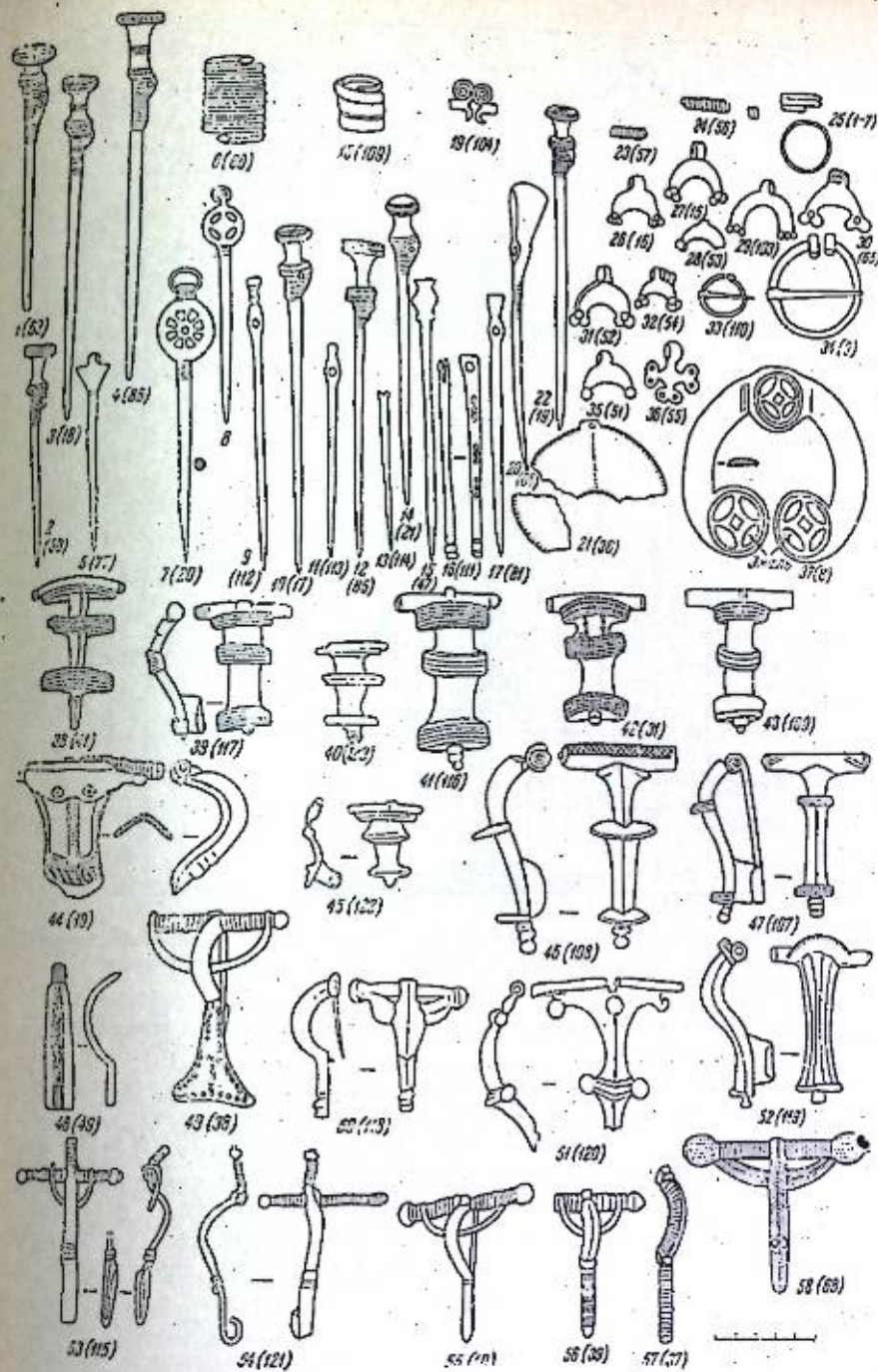

Рис. 53. Спектрально исследованные предметы из прибалтийских памятников I тысячелетия н. э. (в скобках обозначен номер анализа)

Основная задача настоящей статьи — дать общую характеристику металлургических групп и их соотношений в прибалтийском металле I тысячелетия н. э., наметить основные аналогии ему в металле смежных и отдаленных территорий. В стороне нами оставляется вопрос о выяснении рудных источников изучаемого металла, потому что разбираемый здесь прибалтийский или точнее — восточнобалтийский металл представляет собой территориально ограниченный район. Сопоставление между типологическими и металлургическими группами, возможно, будет, по нашему

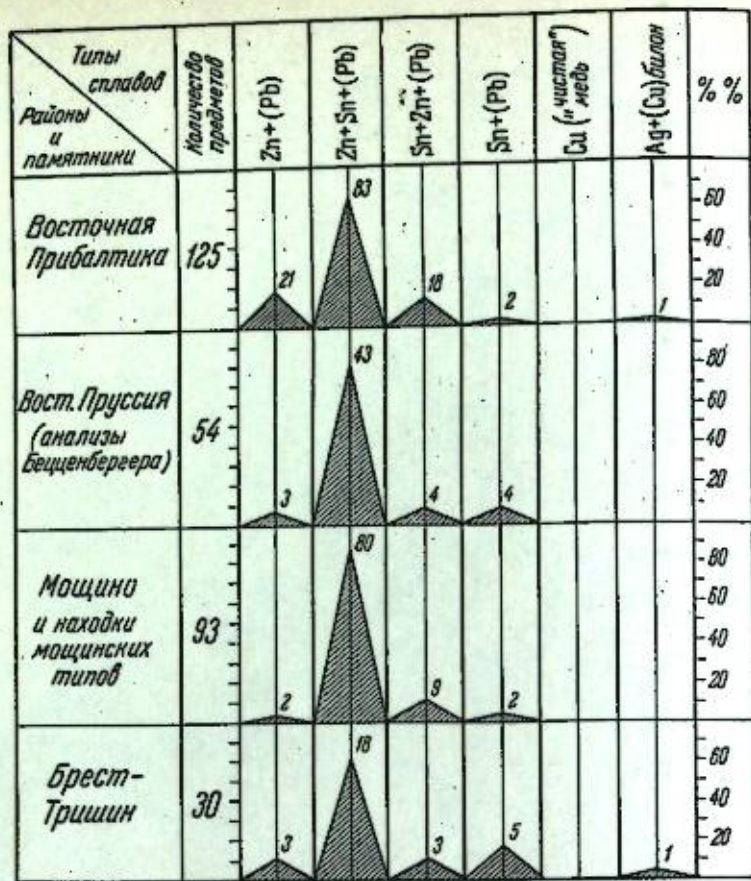

Рис. 54. Частотные полигоны распределения предметов по отдельным металлургическим группам в коллекциях районов и памятников и их сопоставление

мнению, в результате получения нового материала, когда типология может быть изучена детальнее.

Всего в настоящее время проделано 125 анализов металла, которые и приводятся в таблице I. Его основу составляет металл из латвийских могильников и городищ (II—VIII вв., преимущественно II—IV вв.). Кроме того, приводятся анализы металла из могильников Малла и Тюрсямяэ, расположенных на территории ЭССР (II—IV вв.). Мы публикуем также анализы и рисунки двух восточнопруссских фибул, по-видимому, из числа случайных находок, собранных лицом, проживавшим в г. Балтийске Калининградской области, и оказавшихся в Полтавском краеведческом музее. Сведения о памятниках, из которых был получен материал, можно почерпнуть из таблицы I, где приводится и необходимая литература.

Проанализированный материал представлен украшениями следующих категорий: гривны, браслеты, фибулы, кольца, подвески и булавки. На рис. 52 и 53 приводятся изображения всех исследованных предметов.

Анализ показал, что среди спектрально исследованных прибалтийских предметов можно установить наличие пяти металлургических групп: I — латуни (анализы: 1, 6, 8, 9, 17, 19, 21, 23, 30, 32, 48, 63, 70, 74, 76, 80, 89, 105, 106, 112, 123); II — многокомпонентные сплавы с преобладанием цинка (анализы 2, 3, 5, 7, 10, 12—16, 18, 20, 22, 24, 26—29, 31, 33—35, 39—43, 45, 47, 49, 51—54, 56—61, 64—69, 71—73, 77—79, 81—83, 85, 87, 90—92, 95—100, 102—104, 107, 108, 113—116, 118—

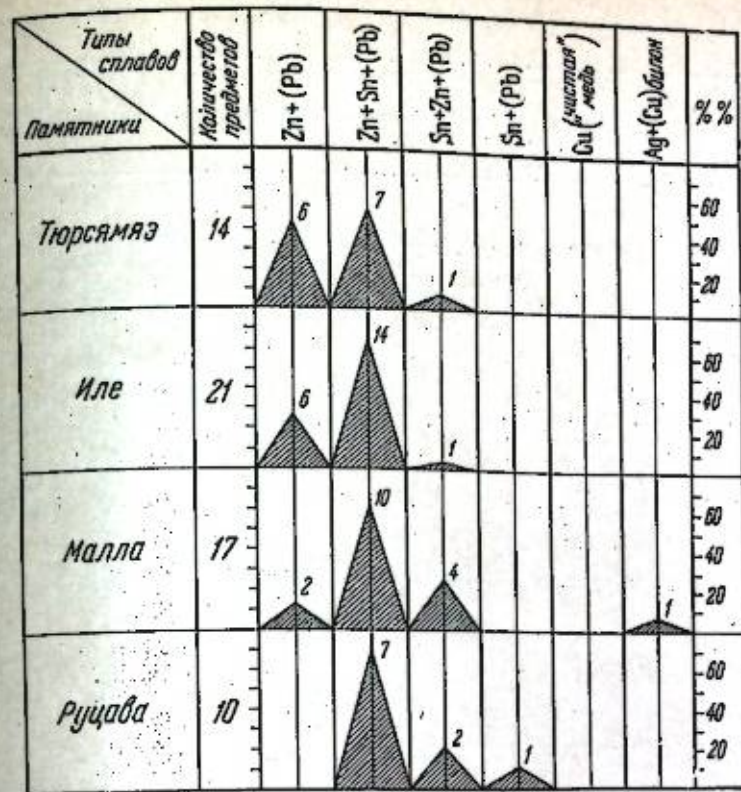

Рис. 55. Частотные полигоны распределения предметов по отдельным металлургическим группам в коллекциях некоторых памятников и их сопоставление

122, 125); III — многокомпонентные сплавы с преобладанием олова (анализы 4, 5, 38, 44, 50, 55, 62, 75, 84, 86, 88, 93, 94, 101, 110, 111, 117, 124); IV — оловянистые бронзы (анализы 36, 46) и VI — биллон (анализ 109). Совершенно отсутствуют изделия из так называемой «чистой» меди.

Как мы видим, в прибалтийском металле присутствуют пять из шести восточноевропейских металлургических групп. Удельный вес каждой из них различен. 2/3 от общего количества изделий представлены II металлургической группой многокомпонентных сплавов с преобладанием цинка, которую, таким образом, следует признать наиболее ярко представленной в восточнобалтийском металле. Остальные группы состоят либо из малого, либо даже из ничтожного количества предметов. Кроме группы «чистой» меди, для прибалтийского металла нехарактерными являются оловянистые бронзы, биллоны, а также чисто серебряные предметы.

На таблице (рис. 54) приводится итоговое выражение абсолютного и относительного распределения изделий по металлургическим группам. Этот частотный полигон можно будет предварительно принять в качестве основной характеристики прибалтийского металла I тысячелетия при сравнительном изучении показателей металлургического производства такого рода.

К 1967 г. лабораторией ИА АН СССР было проведено около 2 тыс. анализов предметов металлургии I тысячелетия из Восточной Европы. Почти все эти анализы уже обработаны сходным методом. Часть таких полигонов-характеристик опубликована нами в уже упоминавшейся статье о черняховском металле. Исследованного металла достаточно,

Таблица 1 (окончание)

№ анализа	Шифр лабораторий	Наименование предметов	Место находки	Место хранения, инв. №	Рисунок	Cu
118	2985	Фибула	М-к Маала	ГИМ № 24619—692/	53,50	осн.
119	2986	»	»	» /59	53,52	осн.
120	2987	»	»	»	53,51	осн.
121	2988	»	»	»	53,54	осн.
122	2990	»	»	»	53,45	осн.
123	2991	»	»	»	53,40	осн.
124	2982	Обл. гривны	»	» /53	52,51	осн.
125	2989	Браслет	»	»	52,8	осн.

Примечание: в скобках — номер литературного источника, в котором содержится сведения о данном памятнике.

Литература к таблицам анализов

1. М. Бресова. Курганный могильник в Паки Стабцрагского с/с Екабпилсского р-на. «Тезисы докладов на НОС АЭ 1961 г.», Рига, 1962.
2. А. Вайкина. Археологические раскопки Бокского могильника в 1961 г. «Тезисы докладов на НОС АЭ 1961 г.», 1962.
3. И. Дайга, М. Аггазис. Археологические раскопки 1961 г. в Спиедини и Платери Селпилсского с/с Екабпилсского р-на. «Тезисы докладов на НОС АЭ 1961 г.», 1962.
4. И. Дайга, М. Аггазис. Раскопки в Спиедини и Платери в 1962 г. «Тезисы докладов на НОС АЭ 1962 г.», 1963.
5. И. Дайга, М. Аггазис. Работа II сельской археологической экспедиции в 1963 г. «Тезисы докладов на НОС АЭ 1963 г.», 1964.
6. Э. Мугуревич. Результаты исследований Олинькалской археологической экспедиции 1961 г. «Тезисы докладов на НОС АЭ 1961 г.», 1962.
7. Э. Мугуревич. Археологические раскопки замка Локстене в 1962 г. «Тезисы докладов на НОС АЭ 1962 г.», 1963.
8. Э. Мугуревич. Археологические раскопки Локстенской экспедиции в 1963 г. «Тезисы докладов на НОС АЭ 1963 г.», 1963.
9. Э. Мугуревич. Археологические раскопки на городище Маткуле в 1965 г. «Тезисы докладов на НОС АЭ 1965 г.», 1965.
10. В. Уртаис. Что нового дали раскопки в Айзрауклес Леясбитены. «Тезисы докладов на НОС АЭ 1961 г.», 1962.

чтобы наметить прибалтийскому (восточнобалтийскому) металлу круг основных аналогов, определить его отличия от металла иных районов и культур.

Наиболее близкий восточнобалтийскому по своим металлургическим признакам металл устанавливается, как и следовало ожидать, среди территориально смежных восточнопруссских находок, проанализированных А. Бецценбергером еще в начале нашего века² и носящих преимущественно случайный характер. Как видно из сравнения частотных полигонов, это сходство весьма полное (рис. 54).

Не меньшую степень близости с прибалтийским обнаруживает металл, территориально уже значительно удаленный от изучаемого района. — Мощинский клад из Калужской обл. и металлургические находки мощинских типов, рассеянные по западным областям РСФСР и северным областям Украины. Наши исследования с несомненностью показывают, что мощинский металл входил в круг прибалтийского и изготавливался по рецептам последнего.

² А. Bezenberger. Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens. Königsberg. 1904.

Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
6,5	3,0	8,5	0,014	1,0	0,055	0,7	0,27	0,035	0,008	0,001	~0,1
2,7	2,4	4,0	0,001	0,02	0,2	0,1	0,33	0,27	0,007	0,001	~0,003
0,8	1,1	11,0	0,0015	0,03	0,18	0,045	0,25	0,016	0,002	0,011	~0,001
1,1	1,4	8,5	0,014	0,02	0,03	0,07	0,6	0,04	0,002	0,01	~0,003
1,2	2,2	10,0	0,001	0,025	0,11	0,04	0,17	0,015	0,001	0,014	~0,003
0,25	0,7	8,5	0,0025	0,07	0,19	0,06	0,37	0,03	0,006	0,001	~0,003
7,0	7,0	3,7	0,003	0,04	0,18	0,15	0,35	0,033	0,004	0,003	~0,003
1,3	1,2	11,0	0,013	0,04	0,12	0,2	0,43	0,08	0,006	0,01	~0,003

11. В. Уртаис. Разведочные раскопки в Леясбитены. «Тезисы докладов на НОС АЭ 1962 г.», 1963.
12. В. Уртаис. Раскопки Айзраукляской экспедиции в 1963 г. «Тезисы докладов на НОС АЭ 1963 г.», 1964.
13. М. Х. Шмидель. Археологические памятники эпохи разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955.
14. H. Moora. Pirmatneja kopienas iekarta un agra feodala sabiedriba Latvijas PSR teritorija. Riga, 1952.
15. H. Moora. Die Eisenzeit in Lettlands bis etwa 500 n. Chr. I Teil: Die Funde. Tartu, 1929; II Teil: Analyse. Tartu, 1938.
16. H. Moora. Ein Hügelgrab der römischen Eisenzeit in Ile, Kreis Jelgawa, Lettland. «Congressus Secundus Archeologorum Balticorum Rigaee», 19—23.VIII 1930. Acta Universitatis Latviensis. Riga, 1931.
17. H. Moora. Ausgrabungen ältereisenzeitlicher Hügelgräber im Kreise. Jekabpils. Piemineklu valdes materialu Krajumī. «Archeologijas raksti», 1: 3, Riga, 1928.
18. E. Snore. Izzakumi Slatē sila uzkalnīnu kapos 1927 g. Piemineklu valdes materialu krajumī. «Archeologijas raksti», 1: 1. Riga, 1933.
19. R. Snore. Tresais kapu uzkalnīns 2.—6. g. s. kapu lauka lles Gailišos. Senatne un Maksla. 1938: 3.
20. E. Wahle. Die Ausgrabungen in Rutzau und Bauske. Piemineklu valdes materialu krajumī. Archeologijas raksti, 1: 11. Riga, 1928.

Чрезвычайно важным было установить, что довольно многочисленные находки из готско-гепидского могильника Брест-Тришин, располагавшиеся на окраине г. Бреста, также относятся к кругу металла, изготовленного по рецептам прибалтийского типа (рис. 54)³. Это наблюдение будет иметь немаловажное значение при разрешении проблемы сложения металлургии черняховской культуры. Следует указать лишь на небольшое отличие брест-тришинского металла, выражающееся в некотором увеличении доли оловянистых бронз по сравнению с восточнобалтийскими или прусскими находками.

Металл прочих культур и районов Восточной Европы рисует нам картину, уже в большей или меньшей степени отличающуюся от собственно прибалтийской. Например, это очень ярко заметно на зарубинецких материалах, представленных почти исключительно оловянистыми бронзами. Четкие отличия легко отметить и при аналитических сопоставлениях с материалами северопричерноморских позднеантичных городов, позднескифских и позднесарматских коллекций, которые мы склонны объединять в одну сходную группу так называемого северопричерноморского металла.

³ Ю. В. Кухаренко. Могильник Брест-Тришин. КСИИ, вып. 100, 1963.

Так рисуется металлургическая характеристика сплавов прибалтийского типа и их основные аналогии среди некоторых спектрально изученных коллекций металла Восточной Европы.

Кроме решения основного вопроса настоящей статьи, мы остановимся на сравнении металлургических характеристик коллекций из отдельных прибалтийских памятников. В связи с тем, что такое исследование предусматривает наличие достаточно многочисленных собраний, участвующих в сравнениях, мы смогли выделить из нашего материала только четыре памятника, в которых количество исследованных предметов не опустилось хотя бы ниже десяти. Это могильники Иле, Малла, Тюрсямяэ и Руцава. Сравнение металлургических характеристик коллекций каждого из памятников приведено на рис. 55.

Из этого сравнения были выявлены определенные колебания в соотношении металлургических групп, касающихся доли латуней, III группы многокомпонентных сплавов с преобладанием олова и отчасти оловянистых бронз. На упомянутом рисунке частотные полигоны расположены в соответствии с уменьшением доли латуней и нарастанием сплавов III группы. Видно, как от пропорционально очень большой доли латуней в могильнике Тюрсямяэ мы приходим к полному отсутствию этого типа сплавов в могильнике Руцава, где вместо этого появляются изделия из оловянистой бронзы.

Но вместе с этим в качестве чрезвычайно характерного признака во всех сравниваемых коллекциях остается обязательным преобладание II типа сплавов, что, как мы уже выяснили, является ведущим показателем прибалтийского металла I тысячелетия. Отмеченную на материалах четырех могильников металлургическую дифференциацию при нынешней степени изученности материала объяснить трудно. Была ли она обусловлена территориальными, хронологическими, культурными или же этническими различиями, покажут дальнейшие исследования прибалтийского металла.

Т. М. АРСЕНЬЕВА, И. С. КАМЕНЕЦКИИ

ОПЫТ ГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ СТРАТИГРАФИИ ОДНОГО ИЗ УЧАСТКОВ НЕДВИГОВСКОГО ГОРОДИЩА

Целью настоящей статьи является попытка дать сжатую, но по возможности исчерпывающую характеристику сложной стратиграфии одного из участков Недвиговского городища, раскопанного в 1966 г. Для такой характеристики применен метод графической фиксации, обладающий, как нам представляется, рядом преимуществ по сравнению с обычным описательным методом.

В качестве примера применения нашего метода взята характеристика стратиграфии юго-западного участка Танаиса. На этом участке в 1966 г. была вскрыта площадь, примыкающая к раскопу 1964—1965 гг. с юга¹. Новые квадраты были разбиты таким образом, что два из них — квадраты 61 и 62 — находились с внешней стороны оборонительной стены 5, а квадраты 60 и 63 — с внутренней стороны.

Стратиграфическая схема раскопанного участка дана на рис. 56.

Наиболее ранние сооружения участка — это оборонительная стена 5 и примыкающая к ней башня, образованная стенами 47, 50—52 (рис. 57, 1), возведенные, по-видимому, на участке, свободном от застройки. Время строительства оборонительной стены 5 и ранней башни на основании преобладания в нижних слоях, соответствующих времени их сооружения, обломков родосских и синопских амфор и находок фрагментов чернолаковой посуды определяется грубо III—II вв. до н. э., во всяком случае не позднее II в. до н. э.

Весь комплекс построен одновременно. Об этом говорит соединение стен 5 и 47, 50 и 51 и 52 в переплет, одинаковая глубина их залегания, а также одинаковый характер обработки внешней поверхности угловых камней под руст. Угол, образованный стенами 5 и 47, внешние углы башни (СЗ и ЮВ), а также угол стены 52, образующий дверной проем (юго-западный угол башни разрушен), сложены из хорошо пригнанных крупных рустованных блоков или правильных тесанных блоков без рустов (рис. 58). Применение рустованных блоков в Танаисе зафиксировано впервые, хотя во вторичном использовании они встречались и ранее.

¹ Начальником экспедиции 1966 г. была А. И. Болтунова, начальником описываемого раскопа — Т. М. Арсеньева. О работах в предыдущие годы на этом раскопе см.: Д. Б. Шелов, Раскопки Танаиса в 1956 г. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 66—69; о нем же. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957—1958 гг. КСИА, вып. 83, 1961, стр. 128—133; А. К. Коровина, Д. Б. Шелов, Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957 гг.). Сб. «Древности Нижнего Дона». М., 1965, стр. 18 и сл.; Д. Б. Шелов, Исследования Танаиса. «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 120—123; Д. Б. Шелов, Раскопки Танаиса в 1964 и 1965 гг. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 88—94.

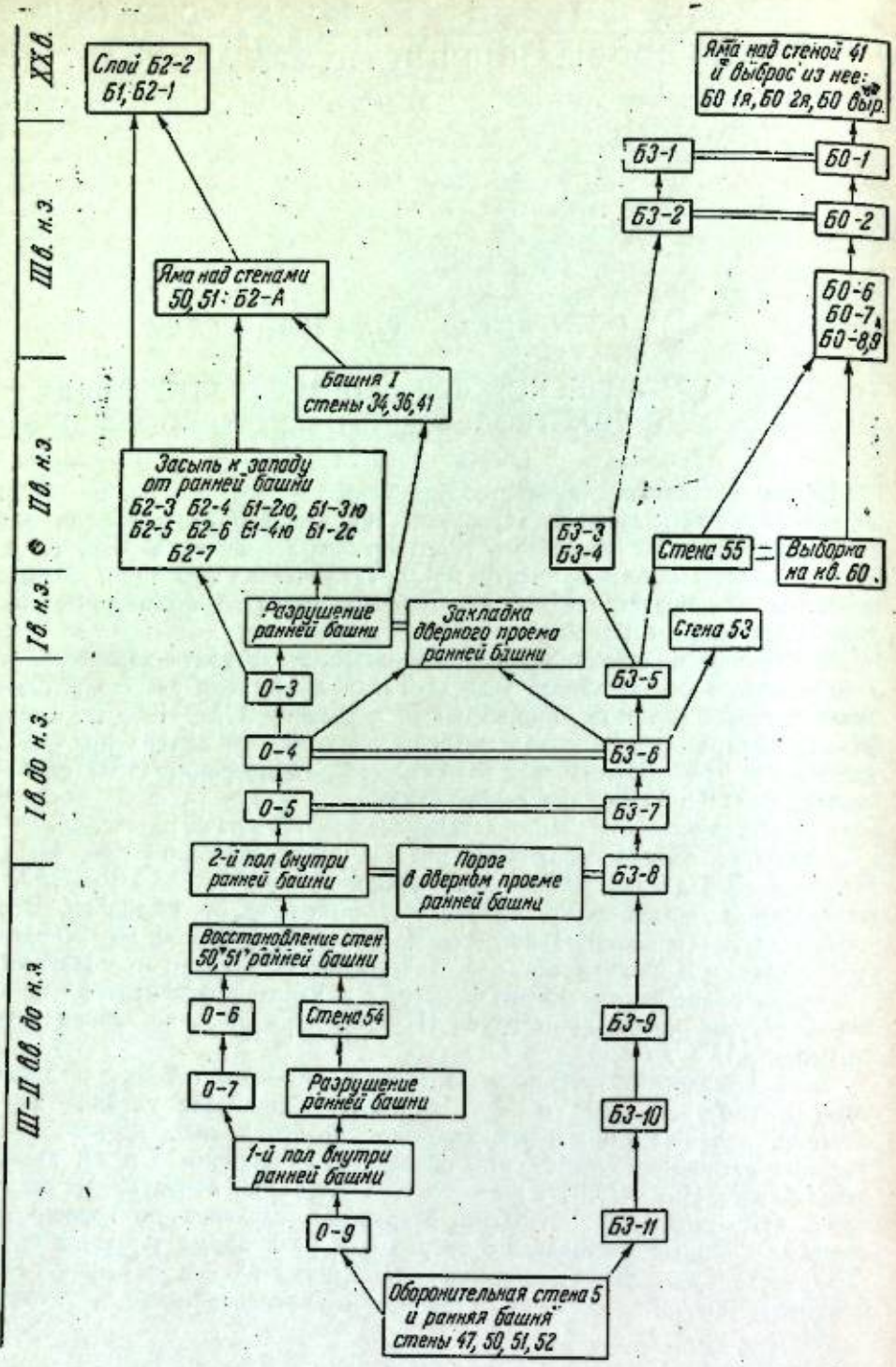

Рис. 56. Стратиграфическая схема раскопанного участка

Стрелками обозначена хронологическая последовательность, параллельными линиями — синхронность. В рамках первая цифра означает № квадрата или помещения (0 — помещение внутри ранней башни), вторая цифра — № штыка

Восточный фас стены 5

Южный фас стены 47

Заклад проема

Восточный фас стены 52

Восточный фас стены 54

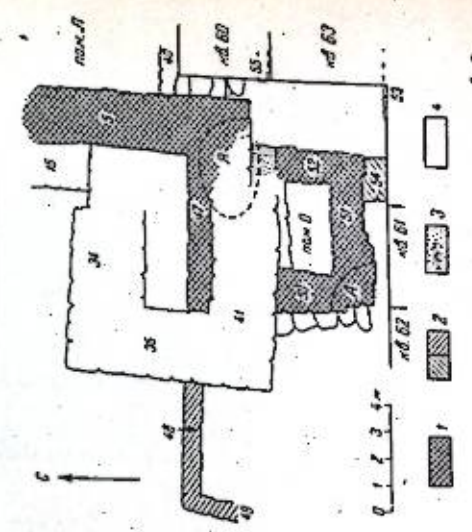
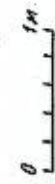
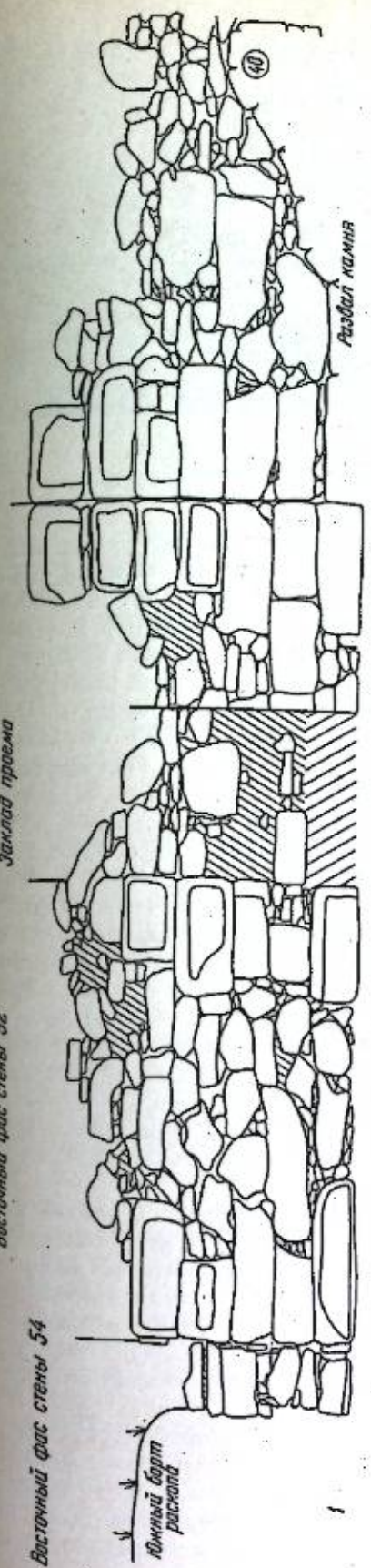

Рис. 57. Тапавс. Южный участок раскопа IV

1 — фасровка стен 54, 52, 47, 5; 1 — внутренний слой; 2 — внешняя галзга; 2 — план башни; условные обозначения: 1 — I строительный период; 2 — II строительный период; 3 — III строительный период; 4 — IV строительный период

Рис. 58. Вид стен 54, 52, 47 и 5 с востока

Ширина стены 5 у ее южного окончания — 2,20 м, сохранившаяся высота² от фундамента стены 47—2,70 м. Стена 47, образующая северную стену ранней башни, имеет ширину 2,50 м, длину по южному фасу — приблизительно 6,20 м, по северному фасу — около 6 м (северо-западный угол ранней башни не вскрыт из-за перекрывающей ее башни 1), сохранившаяся высота стены от фундамента — 2,70 м, фундамент, выступающий с каждой стороны стены на 0,20 м, заглублен на 0,7 м. Стена 50 — западная стена ранней башни — имеет ширину 1,70 м, длина по западному фасу — около 8,2 м (прослежена на 4,4 м), по восточному фасу длина — около 3,7 м (прослежена на 2,45 м), прослеженная высота от уровня вымостки — 2,20 м (с западной стороны ниже вымостки раскопки не производились). Стена 50 сохранилась плохо, наблюдается сильный наклон в сторону рва, разобран южный угол. Стена 51 — южная стена ранней башни — имеет ширину 1,4 м, длина по южному фасу — 6,1 м, по северному — 3,4 м, первоначальная кладка сохранилась до высоты 1,75 м (от уровня фундамента стены 52), фундамент (с северной стороны) не выделен. Стена 52 — восточная стена башни — имеет ширину 1,30 м, длину по восточному фасу — 3,5 м, по западному — 2,1 м, на севере стена оканчивается у дверного проема, ведущего внутрь башни. Прослеженная высота стены от фундамента — 2,4 м, фундамент заглублен на 0,95 м, судя по западному фасу, где линия фундамента не выделена. Характер кладки всех стен одинаков (рис. 57, 1). Общие размеры башни — 7,6×6,2; размеры помещения внутри башни — 3,55×3,30 м; ширина дверного проема, ведущего в башню, равна 1,35 м.

Таким образом, оборонительная стена 5 оканчивается башней и на вскрытом участке не имела продолжения к югу. Этот факт можно объяснить только наличием в этом месте ворот, проезд которых находился между стеной 51 и северной стеной второй башни, которая должна находиться южнее, но в 1966 г. вскрыта не была. Судя по расположению входа в башню с восточной стороны, исследуемая оборонительная стена 5 защищала город с запада, а сам город находился соответственно к востоку от нее.

Еще на одно обстоятельство следует обратить внимание. На участке раскопа IV линия ранней оборонительной стены 5 совпадает с линией поздних укреплений римского времени. Поздняя стена в 30 м к югу от предполагаемых ворот поворачивает к востоку. Если предположить, что ранняя стена 5 делает тот же поворот, т. е. что территория раннего города

² Во всех случаях указывается наибольшая сохранившаяся высота.

совпадает в этой части с территорией города римского времени, то крепостные ворота оказываются расположенными почти на углу, что не совсем обычно.

Через некоторое время, определяемое образованием небольшого культурного слоя внутри башни (0—9)³ и к востоку от нее (63—11), внутри башни был сооружен глинобитный пол. Затем башня обрушилась с западной стороны. Разрушение было вызвано, по-видимому, оседанием фундамента в этой части. Разрушение в результате военных действий как будто исключается, так как глинобитный пол также оказался деформирован: он имеет значительный наклон к западу.

Восстановление башни проведено довольно небрежно с сохранившегося уровня кладок. При этом восстановлении часть стены 51 оказалась несколько шире первоначальной. Последнее обстоятельство позволяет предполагать, что ворота к этому времени уже не функционировали: они были заложены стеной 54 или несколько ранее или одновременно с восстановлением башни. Возможно, их закладка связана по времени с разрушением башни. Ранее сооружение стены 54 подтверждается и глубиной залегания ее основания, она прослежена до уровня начала фундамента стены 52, к которой она примыкает (глубже раскопки не производились). Ширина ее — 1,55, прослеженная длина — 0,7, сохранившаяся высота от уровня фундамента стены 52—1,30 м. Кладка аккуратная, близкая по характеру кладке стене 5 и башни.

За время, прошедшее от сооружения 1-го пола внутри башни до ее перестройки накопился некоторый культурный слой как в помещении 0 (0—6,7), так и к востоку от башни (63—9,10). Частично образование этого слоя, возможно, связано с перестройкой. Материал, в нем содержащийся — фрагменты родосских и синопских амфор, — датируется II в. до н. э. В завершении этого периода в башне сооружается новый, 2-й глинобитный пол, которому соответствует положенный в дверном проеме порог и синхронен слой 63—8 вне помещения.

Над новым полом с течением времени накапливается культурный слой (0—5, 0—4), содержащий материал I в. н. э. Аналогичный слой образуется и перед входом в башню (63—7, 63—6). Военного значения описываемые укрепления в I в. до н. э., по-видимому, не имеют. Перед стеной, к западу от нее, возводятся жилые дома. Один из них открыт в 1956—1957 гг.⁴ Остатки соседнего дома вскрыты в 1956 г. (стены 48, 49). Не исключено, что стены ранней башни были включены в эту усадьбу как ее составная часть.

Хронологическое соотношение последующего нарастания культурного слоя (0—3 и 63—5) и истории строительных сооружений не очень ясно. Несомненно, что проем был заложен после образования слоя 0—4, 63—6. Поскольку основание кладки покоится на нем. С другой стороны, можно предположить, что при сооружении этой стенки она была несколько заглублена, и тогда окажется, что образование слоя 0—3, 63—5 предшествовало закладке дверного проема. По материалу слой 0—3, 63—5 однороден с предшествующим. Заклад прослежен на высоту до 0,8 м. В том же соотношении со слоями находится и стена 53, прослеженная в южном борту раскопа, основание ее также покоится в слое 63—6. Поэтому предположение об их одновременности представляется вполне вероятным. Стена 53, ориентированная по линии запад—восток, прослежена по длине на 1,60, сохранившаяся высота — 0,6 м, западный конец ее разрушен, восточный — уходит в борт раскопа, верхние камни подходят к современной дневной поверхности.

³ Первая цифра обозначает квадрат или помещение (0 — помещение внутри башни), вторая — штык.

⁴ А. К. Коровина, Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 24 и сл., рис. 5—9.

В это же время сносятся до сохранившегося уровня, соответствовавшего, по-видимому, уровню тогдашней дневной поверхности, стены башни, выступавшие за линию оборонительной стены. Именно с этим логично связывать закладку дверного проема. В этом случае предположение о заглублении фундамента закладки проема получает подтверждение, ибо слой 0—3 явно предшествует разрушению башни. Дата сноса башни определяется материалом из слоя 0—3, который относится к I в. до н. э., и материалом из перекрывающих остатки башни слоев (61—2ю, 61—2с и пр.), относящимся ко II в. н. э. Наиболее вероятным, учитывая время существования поздней башни I, представляется датировать разрушение ранней башни началом указанного отрезка времени.

С этого момента синхронизация слоев к востоку от стены и на месте, ранее занимаемым башней, оказывается невозможной, их следует рассматривать раздельно.

Вне города, т. е. к западу от оборонительной стены, происходит насыпка слоя к западу и вверх остатков башни (62—3... 61—2с). Собранный здесь материал перемешан и датируется в основном II в. н. э., но имеется примесь материала III в. н. э. Последнее объясняется тем, что при раскопках в штыки вошел частично материал из более поздней ямы, вырытой для выборки камня на стыке стен 50 и 51. Расчленив материал невозможно. К западу от башни он почти однороден на всю глубину вплоть до вымостки, назначение которой пока не установлено.

Следующий этап — это возведение башни I, расчищенной в 1965 г. Основание южной ее стены (41) перекрывает северную (47) и частично западную (50) стены ранней башни. Учитывая время разрушения последней, сооружение башни I следует относить ко времени не ранее конца I в. до н. э. Время существования ее датируется, по материалу внутри башни, II в. н. э. К этому же времени следует относить и разрушение башни I, ибо более позднего материала не найдено. Взаимное расположение насыпных слоев к западу от ранней башни (61—2ю, 61—2с) и башни I таково, что напрашивается вывод о более поздней дате последней, а так как указанные слои содержат материал II в. н. э., то, по-видимому, к этому же времени следует относить и возведение башни I. Вероятно, она связана с сооружением рва городища⁵. Поздняя оборонительная стена, соответствующая стене 16 на более северных квадратах раскопа IV, на исследуемом участке не прослежена. Башня I пристраивалась к остаткам стен 5 и 52 впритык еще до возведения стены 16, как об этом свидетельствует соединение стены 16 и северной стены башни I (34).

И, наконец, в III в. н. э. (судя по материалу из заполнения, 62—А), была вырыта яма для добычи камня на месте юго-западного угла ранней башни. Более поздняя дата ее по отношению к насыпи западнее ранней башни определяется стратиграфически, по отношению к башне I, датировкой материала. На этом древняя история участка вне городской стены заканчивается. Яма для выборки камня над стеной 41 (60—1я, 60—2я) относится уже к недавнему времени. Образование верхнего слоя на квадратах 61 и 62 (61,62—1—62—2) связывается с раскопками 1956—1957 гг.

К востоку от ранней башни после закладки дверного проема, по предположению синхронного слоя 63—5, образуется слой (63—4, 63—3), содержащий разновременный материал от эллинизма до II—III вв. н. э. Кроме перемешанности с вышележащими штыками (63—2, 63—1), можно предположить и связь описываемых напластований с выборкой в северной части описываемого участка, а именно, что они являются выкидом этой выборки, чем и объясняется их мешанный характер.

⁵ А. К. Коровина, Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 33.

Выборка была произведена на участке, примыкающем с востока к стене 5. Площадь ее вскрыта только частично. С севера она ограничена стеной 40. Если считать, что уровнем тогдашней дневной поверхности являлась верхняя граница слоя 63—5, то глубина выемки должна быть определена в 0,65 м. Если же считать за дневную поверхность слой 63—3, то глубина выборки составит 1,05 м. Цель выборки — сооружение помещения, аналогичного тем, которые располагаются вдоль стены севернее описываемого участка. Для предохранения от осыпания грунта с южной стороны вновь созданного помещения была возведена опорная стенка 55. Она сложена из одного ряда камней, идет в направлении запад — восток и определена только в восточном борту раскопа. Для определения времени ее возведения — данных нет. Ясно, что сооружение помещения произошло позднее образования слоя 63—5, датирующегося I в. до н. э. О возможной синхронности помещения и, следовательно, стены 55 со слоями 63—3, 63—2 уже говорилось выше. Засыпка помещения однородна и содержит материал III в. н. э. (60—8, 9; 60—7; 60—6⁶). Это определяет время разрушения помещения. Разрушенное помещение и участок к югу от него перекрывает единый слой (60—1, 60—2, 63—1, 63—2) с материалом того же III в. н. э. Образовался он скорее всего в процессе естественного выравнивания поверхности городища.

Таковы данные о последовательности застройки описываемого участка. В заключение хочется отметить, что составление стратиграфической схемы в процессе работ очень полезно при раскопках любого типа поселений, а для обладающих сложной стратиграфией представляется необходимым.

⁶ Слои 60—3, 60—4, 60—5 не могут быть использованы, так как включают материал из ямы над стеной 41. Но основной материал в них также относится к III в. н. э.

А. Н. ШЕГЛОВ

НОВЫЙ МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕЛИЧИНЫ РЫБ
ПО ЕЕ ЧЕШУЕ И НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ПРОМЫСЛЕ КЕФАЛИ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ в I в. до н. э.

Находки чешуи рыб вместе с другими остеологическими материалами нередки на прибрежных поселениях различных эпох. Они служат немаловажным фактором для суждения о характере и составе рыбного промысла на изучаемом памятнике или группе их. Так, исследование костей и чешуи рыб в совокупности с рыбопромышленными и рыбоперерабатывающими комплексами приводит к весьма интересным выводам для истории экономики Боспора и Херсонеса¹.

Кроме констатации фактов ловли тех или иных пород рыб, иногда удается по отдельным фрагментам крупных костей установить и размеры отдельных экземпляров. Это всегда интересно, хотя бы для сравнения с некоторыми данными письменных источников (например, Strabo, VII, 3, 18), где говорится о величине вылавливаемых рыб, да и вообще для более реального представления о промысле. Вместе с тем считалось, что чешуя для установления роста рыб не подходит².

В настоящее время в процессе совместных исследований, проводящихся в Херсонесском музее и Институте биологии южных морей АН УССР, В. Д. Бурдак был разработан новый сравнительно-статистический метод определения роста рыб, который вместе с остальными аспектами исследования привел к любопытным результатам как в историческом, так и в биологическом планах³. Метод этот, мне кажется, может быть успешно применен с известной пользой при археологических исследованиях. Знакомство с ним, возможно, заставит обращать при работах в поле большее внимание на находки чешуи рыб, как на один из важных археологических источников.

Суть метода заключается в следующем. Экспериментально установлено (в частности для кефали, чешуя которой изучалась), что в пре-

делах каждой возрастной группы рыб существует постоянная зависимость между величиной среднего продольного диаметра чешуи (D) и средней длиной рыб до конца позвоночного столба (L). Для современной кефали-сингиля (*Mugil auratus* Risso) эта зависимость выражается в следующих цифрах:

Возраст рыбы (в годах)	D (в см)	L (в см)
2	0,50	18,9
3	0,65	25,3
4	0,73	30,5

Установив средний продольный диаметр чешуи рыбы той или иной возрастной группы из археологического слоя (Df), зная средний продольный диаметр чешуи (Dn) и рост (Ln) современных экземпляров для той же возрастной группы, легко рассчитать среднюю длину древних рыб (Lf) по формуле:

$$Lf = \frac{LnDf}{Dn}$$

Этим методом были установлены средние размеры кефали-сингиля, чешуя которого в большом количестве обнаружена раскопками 1960 г. в зольно-мусорной яме 2 на восточном селище Тарпанчи (южное побережье Тарханкутского полуострова Крыма). Засыпь ямы датирована I в. до н. э. по находкам керамики. Чешуя в ней лежала двумя плотными пластами, разделенными прослоем золы. Толщина пластов доходила до 1 см в центре, к краям ямы сходила на нет. Несомненно, что каждый пласт представлял собой выброс чешуи, счищенной с большого числа рыб одного улова. Поэтому пробы исследования взяты отдельно из каждого прослоя.

После тщательной отмывки и определения видовой принадлежности была отобрана чешуя сингиля (*M. auratus* Risso) как наиболее массовая. Всего же в уловах представлено три вида кефалей: сингиль, лобан (*M. cephalus* L.) и кефаль (*M. saliens* Risso). При этом они встречены примерно в том же процентном соотношении, что и в современных уловах. Это служит хорошим доказательством тому, что за последние две тысячи лет состав стад черноморских кефалей не претерпел сколько-нибудь заметных изменений.

Отобранная чешуя сингиля была просмотрена под бинокляром и разбита на возрастные группы. Возраст каждого экземпляра определялся по отчетливо видимым годовым приростам (рис. 59). Затем после выбраковки чешуи, плохо читаемых и с поврежденными кра-

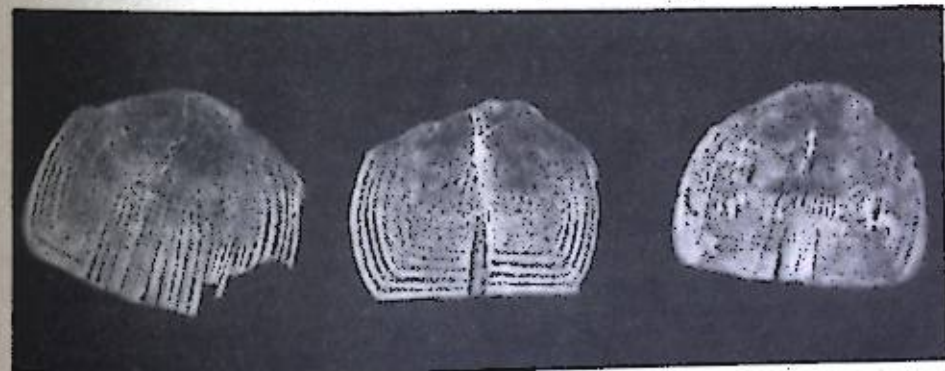

Рис. 59. Чешуя кефали. Видны годовые приросты. Сильно увеличено

¹ М. Тихий, Анчоус Херсонеса Таврического. «Вестник рыбной промышленности», 1917, № 1—3; В. Ю. Марти. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском. СА, VII, 1941; Ю. Лапин, В. Лебедев. О рыболовном промысле в Боспорском царстве. МИА, № 33, 1954; В. И. Кадеев. Рыболовный промысел у Херсонесе в первых веках н. э. «Тр. Ист. фак. Харьк. держ. университета», т. 9, 1962.

² В. Д. Лебедев. Пресноводная четвертичная икhtiофауна европейской части СССР. М., 1960.

³ В. Д. Бурдак. Об изменении темпа роста черноморских кефалей в историческое время. ДАН СССР, т. 167, № 5, 1966; В. Д. Бурдак, А. Н. Шеглов. О темпе роста, возрастном составе стад и миграциях некоторых черноморских рыб в античную эпоху. «Эколого-морфологические исследования nektonных животных», Киев, 1966; А. Н. Шеглов, В. Д. Бурдак. О рыбном промысле у берегов Тарханкута в античную эпоху. «Рыбное хозяйство», 1965, № 3.

III. ХРОНИКА

В. Г. ПЕТРЕНКО

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

С 30 января по 2 февраля 1967 г. в Москве проходила организованная Институтом археологии АН СССР конференция по вопросам скифо-сарматской археологии. В ее работе приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Алма-Аты, Саратова, Кишинева, Симферополя, Львова, Харькова, Воронежа, Баку, Грозного, Краснодара, Кировограда.

Конференция открылась вступительным словом академика Б. А. Рыбакова, который отметил многогранность скифской проблемы, колоссальный ее объем и чрезвычайную важность ее для изучения истории как самих скифов, так и многих народов древности. Наиболее актуальные темы связаны с изучением скифской культуры и культуры соседних племен, этнической карты Скифии, идеологии скифов.

Узловым вопросом конференции, вокруг которого разгорелась большая дискуссия, был вопрос о том, что представляла собой скифская культура. Были выдвинуты две точки зрения. Одна из них, предложенная А. И. Тереножкиным в докладе «Скифская культура», сводится к тому, что «скифская культура являлась культурой разнородного в этническом отношении населения Скифии», жившего как в степи, так и в лесостепи. Основными признаками, по которым следует ее выделять, являются — вооружение, конская сбруя, звериный стиль и курганный обряд погребения, распространение которых на широкой территории связано с проникновением скифов.

Противоположную точку зрения предложил Б. А. Шрамко в докладе «К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии». Он считает, что степь и лесостепь представляли в скифское время особые этнокультурные массивы, различающиеся по основным линиям развития хозяйства и культуры (обработка металлов, домашние промыслы, жилые хозяйственные и оборонительные постройки, погребальные и культовые сооружения). Лесостепь населяли нескифские племена Геродота.

Точка зрения А. И. Тереножкина была поддержана в докладе В. А. Ильинской «О скифском Герросе Геродота» в бассейне р. Сулы. Дискуссия по указанным трем докладам сводилась к вопросу о том, можно ли выделять археологическую культуру по предметам вооружения, конской узды, звериного стиля и курганному обряду, исключая такие существенные признаки культуры, как керамика, украшения, характер поселенческих жилищ, хозяйственный уклад, детали погребального обряда. И наоборот, можно ли эти последние признаки рассматривать как признаки, определя-

ями, проведено измерение их продольного диаметра под бинокляром с помощью окуляр-микрометра. Всего промерено 2782 экземпляра чешуи.

Вычисленные размеры рыб из городища Тарпанчи оказались выше современных той же возрастной категории, что видно из следующей таблицы и графика (рис. 60).

Возраст рыбы в I в. до н. э. (в годах)	Df (в см)	Lf (в см)
2	0,67	25,3
3	0,83	32,2
4	0,86	36,0

Установленная для I в. до н. э. средняя величина рыб не только полностью подтверждает достоверность упомянутого свидетельства Страбона о крупной рыбе, относящегося примерно к той же эпохе, но говорит и о более высоком темпе ее роста, чем сейчас. Это в свою очередь, что тоже важно, показывает изменение температурного режима моря в сторону похолодания или, иными словами, свидетельствует о том, что климат северо-западного Крыма в I в. до н. э. был теплее, чем сейчас.

Характер последних годовых приростов на чешуе позволяет заключить, что массовый промысел кефали у берегов Тарханкута в античную эпоху осуществлялся, как и сейчас, в весеннее и позднесеннее время, в периоды ее сезонных миграций. При этом основной и наибольший лов проводился осенью. Определение возрастного состава уловов из городища

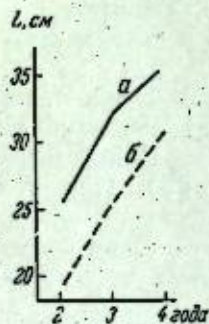

Рис. 60. Темп роста черноморской кефали (L) в античную эпоху (а) и современную (б) эпохи — длина рыб до конца позвоночного столба

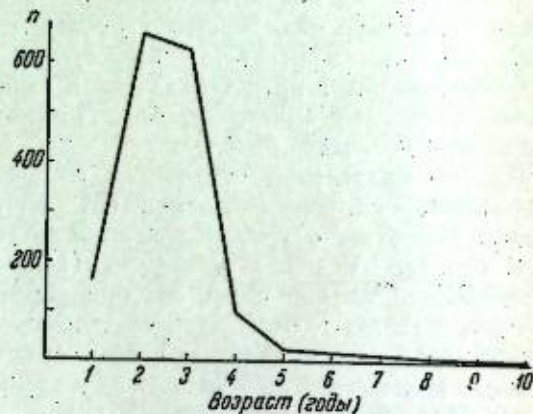

Рис. 61. Возрастной состав улова кефали (I в. до н. э.) у берегов Тарханкутского полуострова (городище Тарпанчи)
n — число определенных чешуи

Тарпанчи по 1614 экз. чешуи показало, что в основном в них присутствуют рыбы в возрасте от двух (1+) до пяти (4+) лет (рис. 61). Наиболее многочисленными оказались трехлетние (2+) и четырехлетние (3+). Рыбы в возрасте от 5+ до 10+ представлены в очень малом количестве, а особи моложе одного года вообще отсутствуют. Последнее может указывать на то, что для лова употреблялись в основном крупноячеистые сети. Соотношение же возрастных групп в уловах определенно говорит о значительной напряженности промысла кефалей и, следовательно, о том, что выловленная рыба предназначалась не только для собственного потребления, но и шла на вывоз. На последнее, может быть, косвенно указывает находка на городище Беляус в 1963 г. кусков раздавленной херсонесской амфоры III—II вв. до н. э. с прилипшей изнутри к стенкам чешуей кефали. Не исключено, что в амфоре хранилась соленая рыба, приготовленная к транспортировке.

ющие культуру; правомерно ли отождествление этноса с культурой, где локализируются река Герр и племя герров, по Геродоту, возможно ли бедность скифской культуры в степи рассматривать как одно из существенных доказательств для отнесения памятников лесостепей скифам.

Характеристике развития скифской культуры после распада Большой Скифии были посвящены доклад П. Н. Шульда «Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму», сообщения М. И. Вязмитиной «Культура населения Нижнего Днепра после распада Большой Скифии» и Т. Н. Высоцкой «Поздние скифы в юго-западном Крыму».

В указанных докладах отмечались значительные изменения в Скифии в этот период в составе населения вследствие проникновения сарматов с востока и кельто-фракийских племен с севера в политической, экономической и культурной жизни, а также синкретический характер культуры, вмещающей новые элементы греческой, римской, сарматской, латенской и фракийской культур.

История отдельных районов Скифии, а также областей со скифообразной культурой была освещена в докладах Н. В. Анфимова, А. И. Мелюковой и выступлениях Л. И. Крушельницкой, Г. Т. Ковпаненко, В. И. Бидзия. В докладе А. И. Мелюковой «Население западных областей Скифии» отражен характер взаимоотношений скифских земледельческих и кочевых племен между собой, а также с соседними фракийскими племенами; определена граница между скифами и фракийцами. В докладе «Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья» Н. В. Анфимов выделил на Северном Кавказе в VIII—VII вв. до н. э. иноязычную киммерийцам этническую группу древнемеотских племен.

Г. Т. Ковпаненко в сообщении «Памятники раннескифского времени Каневщины» показала непрерывную линию развития в этом районе от чернолесского времени до скифской архаики. Смену высоцкой культуры культурой лесостепных земледельческих племен на рубеже VII—VI вв. до н. э. отметила А. И. Крушельницкая в сообщении «Памятники скифского времени в Верхнем Поднестровье».

Дискуссию вызвал доклад А. М. Лескова «Предскифский период в степях Северного Причерноморья». Докладчик отметил, что развитие позднего этапа срубной культуры приводит к появлению переходных памятников типа Черногоровки, Камышевахы и других, которые несут в себе черты и срубного, и скифского периодов. В. И. Абаев в докладе «О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы» пересмотрел вопрос о древности иранского элемента в Южной России и пришел к мнению, что он «был исконным в Южной России и пришлым — в Средней Азии». Кроме того, им отмечается глубокая древность диалектного членения скифо-сарматской речи и контактов с неиндоевропейскими языками.

Отсутствие смены населения Украины в скифское время по сравнению с бронзовым веком было отмечено в докладе Г. Ф. Дебеца «Физические типы населения СССР в скифское время». Скифскому искусству были посвящены два доклада и два выступления. «Основные этапы и направления в истории скифо-сибирского искусства» были рассмотрены в докладе М. И. Артамонова. А. П. Манцевич в докладе «О происхождении предметов торовитки из курганов скифской эпохи, по материалам Государственного Эрмитажа», доказывает их фракийское происхождение. Превосходные образцы новых находок в зверином стиле были продемонстрированы в выступлении Н. М. Бокий «Памятники скифского звериного стиля из района Кировограда». Н. Л. Членова выступила с сообщением «Тагарская художественная резьба по кости (к вопросу о первоначальных материалах звериного стиля)». С докладом «Некоторые вопросы классового деления у кочевников» выступил С. С. Черников. Остальные доклады и сообщения, касающиеся скифской проблемы в Северном Причерноморье, затронули

частные вопросы этноса, хронологии, хозяйства, разработки источников и т. д. Так, в докладе «Этническая принадлежность Среднего Дона в скифо-населения Среднего Дона, которое автор связывает с геродотовскими будьями. В выступлении И. С. Каменецкого «Язаматы и этническая история Язаматов. Своеобразие форм погребального обряда у скифов восточной части Крыма и Боспора было отмечено в выступлениях Э. В. Яковенко «Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма» и В. И. Корпусовой «Скифский грунтовый могильник на Боспоре».

Вопросу «Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя)» было посвящено сообщение Д. С. Раевского. Д. Б. Шелов выступил с сообщением «Скифо-македонский конфликт в истории античного мира», который он расценивает как борьбу за гегемонию в Нижнем Подунавье и впоследствии на Балканах.

О некоторых особенностях античной литературной традиции у скифов сделала сообщение Э. И. Соломоник. Е. А. Петровская в сообщении «Хотовское городище» продемонстрировала одно из наиболее северных городищ лесостепной Скифии.

«О церемониальных наборах конских украшений из кургана Чертомлык» сообщила И. В. Яценко. «Животноводству в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы и раннего железа» посвящен был доклад В. И. Цалкина.

Характер и направление связей племен Кавказа со скифо-сарматским миром были освещены в докладе В. Б. Виноградова «Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-сарматским миром» и в сообщении Д. А. Халилова «Археологические находки скифского облика и вопрос о «Скифском царстве» на территории Азербайджанской ССР». «О начале проникновения сарматов в Скифию» прочел доклад К. Ф. Смирнов.

Помимо основной собственно скифской тематики, на конференции были рассмотрены вопросы, касающиеся скифообразных культур Казахстана, Средней Азии и Сибири.

Общие «Проблемы археологии Тувы и Алтая в скифское время» были рассмотрены в докладе А. Д. Грача, который подытожил результаты исследований последних лет в этих районах.

Изучению более частных вопросов этой проблемы были посвящены сообщения С. И. Вайнштейна «Соотношение культур и этноса скифского и гунно-сарматского времени в Туве», Я. А. Шера «Скифские мотивы в наскальных рисунках Среднего Енисея», Ю. И. Трофимова «К вопросу о сюжете оленя в скифо-сибирском искусстве».

Существование ряда общих моментов в развитии культуры саков-скифов и сарматов было отмечено в докладе К. А. Акишева «Древнейший этап сакской культуры Семиречья и Южного Казахстана». Однако далее автор отметил, что при кажущейся монокультурности огромных территорий в них следует, во-первых, выделять крупные общности, в частности сакскую, а внутри последней в свою очередь при детальном анализе всех черт материальной культуры может быть выделен ряд этнокультурных областей.

О выделении такой этнографически устойчивой группы памятников на территории Центрального Казахстана, которая получила название тасмолинской культуры, говорилось в докладе М. К. Кадырбаева «Центральный Казахстан в скифское время». Другая своеобразная группа сакской культуры была охарактеризована в докладах О. А. Вишневской и М. Я. Итиной «Ранние саки низовьев Сыр-Дарьи» и Т. А. Трофимовой «Ранние саки Приуралья (по данным антропологии)».

Яркий пример своеобразной самобытной культуры скифского типа был продемонстрирован в докладе М. П. Грязнова «Тагарская культура и ски-

фы». Вместе с тем, по мнению докладчика, она являлась одним из звеньев единого процесса развития культур степных племен скифского типа.

В резолюции, принятой участниками конференции, отмечены «значительные успехи в освещении многих вопросов и теоретических решений скифской проблемы в части происхождения скифской культуры, искусства скифов, культурно-экономических связей», разработке локальных групп культур скифского типа, а также и дискуссионность целого ряда основных проблем; высказано пожелание усилить источниковедческую работу, создать объединенную скифскую экспедицию, усилить разработку вопросов происхождения, вопросов общественных отношений у саков и других культур скифского типа, подчеркнута плодотворность периодических созывов симпозиумов и конференций.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ВАН — Вестник Академии наук
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ДАК — Дело археологической комиссии
ДАН — Доклады Академии наук СССР
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИКОГО — Известия Крымского отделения Географического общества
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛАГМ — Латвийский государственный музей
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МДАПВ — Материалы і дослідження з археології Подолі і Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НАРМ — Научный архив Рязанского музея
НОС АЭ — Научная отчетная сессия, посвященная итогам археологических и этнографических экспедиций
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ОПИ — Отдел полевых исследований
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СХМ — Сообщения Херсонесского музея
СЭ — Советская этнография
ТКЭАН — Тувинская комплексная экспедиция Академии наук
Тр.РУАК — Труды Рязанской ученой архивной комиссии
ТТКМ — Труды Томского краевого музея
ТТОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея
IRGZM — Jahrbuch des Römisch — Germanischen Zentralmuseums
MFEA — The Museum of the Far Eastern Antiquities

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и доклады

Ю. А. Краснов. О некоторых сторонах взаимоотношений балто-финно-угорских племен западной части Волго-Окского междуречья	3
Т. Н. Никольская. О поселениях раннего железного века в бассейне Десны и Верхней Оки (к вопросу о балто-иранском контакте)	14
Э. А. Рикман. Население Днестровско-Прутского междуречья в первых столетиях н. э.	24
В. В. Кропоткин. Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР	32
И. К. Фролов. Подвеска с вметчатой эмалью из Орловского музея	37
М. Ф. Косарев. К вопросу о кулайской культуре	43
В. Е. Стоянов. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века	52
И. Н. Медведская. О происхождении бронзовых черешковых наконечников стрел Средней Азии	62

II. Полевые и лабораторные исследования

О. Д. Дашевская. Два склепа Беллусского могильника	65
Э. А. Симонович. Раскопки Николаевского могильника на Нижнем Днепре	74
Ю. В. Кухаренко. Могильник у дер. Величковичи	81
В. Б. Никитина. Поселения раннего железного века на р. Тетерев	83
И. Г. Розенфельдт. Исследования Северного мыса городища Старая Рязань	86
Т. А. Кравченко. Раскопки Шатрищенского могильника в 1966 г.	93
Р. А. Розенфельдт. Городище Потылиха	100
Д. Г. Савинов. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве	104
Е. Н. Черных, Д. Б. Хоферте, Т. Б. Барцева. Металлургические группы цветного металла I тысячелетия н. э. из Прибалтики	109
Т. М. Арсениева, И. С. Каменецкий. Опыт графической фиксации стратиграфии одного из участков Недагговского городища	121
А. Н. Щеглов. Новый метод определения величины рыб по ее чешуе и некоторые данные о промысле кефали в северо-западном Крыму в I в. до н. э.	128

III. Хроника

В. Г. Петренко. Конференции по вопросам скифо-сарматской археологии	131
Список сокращений	135

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

КСИА, вып. 119

Утверждено к печати *Ордена Трудового Красного Знамени*
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Г. В. Моисеенко
Технический редактор А. П. Ефимова

Сдано в набор 18/III 1969 г. Т-15010. Подписано к печати 13/Х 1969 г. Формат 70×108^{1/4}.
Бумага типогр. № 1. Печ. л. 8,5+1 вкл. (0,5 ст. л.). Усл. печ. л. 11,9+0,7 н. л. вкл. Уч.-изд. л. 11,1.
Тираж 1700 экз. Тип. зак. 2163

Цена 67 коп.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10